19-75

ЛОИЗ
ДЕШЕВ... КНИГА
Ц. 12 р.

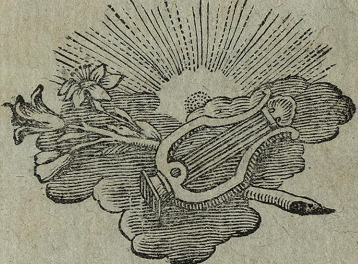
РК – 8°
98 – Т

Томсон Д.

3-й эк.

ЧЕТЫРЕ
ВРЕМЕНИ ГОДА.

Поэма Томсона.

Съ одобренія Московской Цензуры.

МОСКВА, 1798.
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

Вселенная есть чертежъ вѣчности и вмѣстилище всѣхъ истинъ, свѣденію человѣка подлежащихъ. Всѣ неисчетныя явленія Натуры суть образованія дѣйствій сокровенныхъ. Но коль не многіе способны читать сіи характеры перста Всемогущаго! Чувственность и страсти затмѣваютъ въ насъ то зеркало, въ которомъ Творческая Премудрость свѣтиться должна. Самыя счастливѣйшія способности часто дѣлаются жертвою праздности и порока, и гармоническая Натура остается для насъ нѣмою и мертвою.

Сочинитель изданной ныне въ первой разъ на Россійскомъ языкѣ Поэмы, Англинской Поэтъ Томсонъ, смотрѣлъ на творенїе Божїе окомъ чистѣйшимъ. Здѣсь Четыре Времени Года заключаютъ въ себѣ списокъ всѣхъ измѣненїй онаго. Рожденъ будучи съ наилучшими дарованїями сердца и ума, часто въ юности своей бесѣдовалъ онъ съ Натурою въ уединенїи, и тамъ, наблюдая всѣ явленїя ея, списывалъ ихъ возвышеннѣйшею кистїю поэзїи. Нѣтъ въ ней ничего для него мертваго, ничего нѣмаго. Огненная сила многомысленнаго воображенїя его оживляетъ всѣ предметы, глазъ его повсюду созерцаетъ неподражаемыя красоты, ухо вездѣ слышитъ со-

гласіе, а сердце разливается въ чувствахъ хвалы и благоговѣнія.

Какъ органъ состоитъ изъ крѣпкихъ и мягкихъ, высокихъ и низкихъ тоновъ и составляетъ прекрасное цѣлое: такъ Поэма сія состоитъ изъ пѣсней великихъ и малыхъ, возвышенныхъ и тихихъ, по качеству предметовъ Натуры, кои всѣ вмѣстѣ составляютъ гармоническій хоръ. Всякаго званія читатель найдетъ въ ней свою тему.

Томсонъ на орлихъ крылахъ проницанія воспаряетъ съ мудрыми въ таинственный кругъ творенія, созерцаетъ чудеса его и покланяется съ ними

Источнику премудрости; съ воинами въ безднѣ протекшихъ вѣковъ поучается безсмертнымъ примѣрамъ великодушія и любви къ отечеству; съ гражданами вкушаетъ вожделѣнные плоды мира и хозяйственности; съ художниками утѣшлется произведеніемъ рукъ ихъ; съ земледѣльцами занимается всѣми годовыми ихъ работами, раздѣляетъ трудности и соучаствуетъ въ простыхъ ихъ радостяхъ; съ сельскими жителями воспѣваетъ благоденствіе ихъ и покой въ удаленіи отъ шума мірскаго, а благородномыслящимъ красавицамъ, по образцу красующейся, воспѣваемой имъ Натуры, живописуетъ красоты ихъ сердца, и мастер-

скою своею кистїю возвышаетъ внутреннїя ихъ достоинства и любезности. И всѣ сїи различные предметы составляютъ вмѣстѣ совершенное цѣлое.

Юноша благихъ чаянїй, но безопытный! ты не научился еще читать великое творенїе Божїе въ самомъ подлинникѣ; око твое неспособно объимать всего его пространства; ухо не можетъ слышать повсемственнаго согласїя онаго, и ты не въ состоянїи созерцать и воспѣвать Господа вселенныя со всѣми вышними существами и со всякимъ дыханїемъ дольнимъ во всеобщемъ гармоническомъ хорѣ: созерцай же Его въ семъ маломъ спискѣ; раз-

сматривай съ Томсономъ *неописанную красоту Его въ явленїяхъ* Весеннихъ, *ощущай безконечную любовь Его въ чудесахъ знойнаго* Лѣта, *покланяйся Отеческой благости Его въ дарахъ* Осени, *благоговѣй предъ величествомъ Его во ужасахъ и мракахъ* Зимнихъ, *и преходи съ симъ пѣснопѣвцемъ отъ буквъ и тѣней къ живому и существенному познанїю, руководствующему чистое сердце къ поклоненїю духомъ и истиною и къ славословїю Вездѣсущаго на всякомъ мѣстѣ владычествїя Его.*

Зрѣлъ ли ты когда, какъ Весною *тихое дыханїе зефира животворитъ разцвѣтающую розу, какъ* Лѣтомъ *полднев-*

ный лучь солнца проницаетъ сквозь яркій рубинъ, какъ свѣжій струящійся родникъ утоляетъ жажду гонимаго егерями по Осеннимъ полямъ оленя, и какъ Зимній полунощный мразъ сжимаетъ и крѣпитъ землю? Тако вѣчная вездѣприсутствующая Истина животворитъ, проницаетъ, ободряетъ и укрѣпляетъ человѣка, втекая въ душу его струями невидимыхъ стихій, когда онъ вездѣ и во всемъ ищетъ познать и покланяться Ей.

Нѣтъ большей награды переводчику за трудъ его, какъ ежели сіе малое сочиненіе хотя не многимъ добродушнымъ

соотечественникамъ его послужитъ руководствомъ къ просвѣщенному чтенію великаго творенія Божія.

Дмитревскій.

ВЕСНА.

СОДЕРЖАНІЕ

Предлагается матерія. Приписаніе Графинѣ Гартфордской. Описывается время года, какъ оно премѣняетъ Натуру во всѣхъ частяхъ, сперва нижнихъ, а потомъ вышнихъ. Вводятся нѣкоторыя отступленія, вытекающія изъ предмета матеріи. — Вліяніе весны на бездыханныя существа, потомъ на растѣнія, животныя и наконецъ на человѣка. Въ заключеніи описывается пылкая и необузданная страсть любви, которой противопоставляется чистая любовь съ щасливыми послѣдствіями оной.

ВЕСНА.

Сойди, желанная весна, эѳирная тихость! сойди въ предѣлы наши при рожденіи повсемѣстной гармоніи; пролейся на луга наши отъ лона росоносныхъ облаковъ въ видѣ дождя тѣнистыхъ розъ.

О ты, которая съ отличнымъ искуствомъ блистаешь въ неподражаемой пріятности у Двора, или съ невинностію и размышленіемъ прогуливаешься въ тихомъ сообществѣ по сельскимъ ровнинамъ, Гартфордъ! внимай пѣсни моей: она описываетъ соб-

ственное твое время года; когда цвѣтетъ вся Натура, исполненная прїятностей и красотъ, подобно какъ ты.

Уже строгая зима уклоняется на сѣверъ и вызываетъ съ собою жестокїя бури. Онѣ, повинуясь ей, удаляются отъ шумящихъ холмовъ, обнаженныхъ лѣсовъ и опустошенныхъ долинъ. Имъ преслѣдуютъ тихїе зефиры, отъ коихъ нѣжнаго прикосновенїя разрѣшаются снѣжныя горы и претворяются въ мутныя рѣки, а высокїе холмы воздымаютъ къ небесамъ свои зеленые верхи.

Но слабо еще наступающее время года; зима часто по вечерамъ высылаетъ суровой вѣтръ, а по утрамъ

жестокій мразъ, и обезображаетъ день падающими снѣжными клочьями, такъ что аистъ едва узнаетъ время, опущеннымъ въ воду носомъ потрясать звучащій, тростникомъ обросшій прудъ; и такъ же водяныя птицы не знаютъ, когда имъ удалиться отъ бреговъ въ рощи и пѣть тамъ безмолствующей пустынѣ свои дикія пѣсни.

Наконецъ благотворное солнце оставляетъ созвѣздіе Овна, и свѣтлый Телецъ оное встрѣчаетъ. Тогда атмосфера не сжимается уже силою мраза, но исполнена будучи жизни и животворящаго одушевленія, гонитъ на верхъ облака свои, и раз-

стилаетъ ихъ какъ тонкую бѣлую волну по небесному, все-объемлющему своду.

Тогда вылетаютъ освѣжающїе вѣтерки, и тихое благорастворенїе воздуха, разрѣшая землю, разливается повсюду безпредѣльно. Нетерпѣливый сельскїй житель съ радостнымъ восторгомъ смотритъ на оживленную Натуру и гонитъ изъ стоилъ крѣпкихъ своихъ воловъ туда, гдѣ прочный и давно употребляемый плугъ лежитъ на браздахъ, отъ мраза освобожденныхъ. Тамъ безпрекословно отдаютъ они рамена свои подъ всѣ земледѣльческїя орудїя, и утѣшаясь безъискуственною пѣснїю возлетающаго на воздухъ

жаворонка, начинаютъ свою работу. Между тѣмъ господинъ ихъ налегаетъ на блестящїй сошникъ, разрѣзываетъ имъ сгущенный илъ, управляетъ всемъ снарядомъ, и по обѣимъ сторонамъ раскладываетъ глыбы длинными рядами.

На смежномъ полѣ сѣятель въ бѣлой одеждѣ идетъ умѣреннымъ шагомъ, и щедрою рукою сыплетъ сѣмяна въ вѣрное лоно земли. За нимъ влечется борона и заключаетъ всю работу.

Пошли, о Небо! благословенїе свое: уже трудолюбивый земледѣлецъ всю свою должность исполнилъ. Вѣйте теперь освѣжающїе вѣтерки; вы размягчающїя росы и

капли и тихій дождь, сойдите на ниву его; а ты, животворящее вселенную солнце, дай всему жизнь и усовершенствуй цѣлый кругъ года. — О вы, провождающіе всѣ дни свои въ роскоши и нѣгѣ, въ пышности и надменіи! не воображайте себѣ, чтобъ сіи забвенные предметы не были достойны вашего вниманія. Оные воспѣвалъ нѣкогда пространно-владѣтельному Риму любящій сельскую жизнь Маронъ во всей красотѣ языка и совершенствѣ утонченнаго Греціею вкуса. Въ древнія времена освященный плугъ занималъ Монарховъ и Праотцевъ человѣческаго рода. А иные, предъ которыми ваши дѣла суть

токмо порожденія лѣтняго дня, держали вѣсы правительства и управляли вихрями жестокой брани; но потомъ, чуждаясь всякой подлой изнѣженности, побѣдительною рукою своею взимались за плугъ, и будучи всегда равно велики, презирали всѣ ничтожныя сокровища, снискиваемыя лестію и коварствомъ.

Благородные Британцы! уважайте плугъ. Осень да разпростираетъ по холмамъ и широкимъ долинамъ вашимъ, противу солнца лежащимъ, сокровища свои въ неизчетномъ преизобиліи! Какъ море въ лазоревой мятежной области своей признаетъ ваше господствова-

нїе, и отъ безчисленныхъ острововъ препровождаетъ въ ваши пристани все великолѣпїе жизни: такъ и богатая земля ваша, преизобилующая вышними дарами, можетъ проливать величайшее благословенїе Натуры на каждую страну, одѣвать нагїе народы и быть неизчерпаемою житницею вселенныя.

Не одинъ умѣренный воздухъ приводится въ вожделѣнное благорастворенїе отъ настоящей перемѣны года. Проницательный лучь солнца, коего могущество втекаетъ въ самое сокровеннѣйшее жилище растительной жизни, даетъ свободу испаряющей силѣ разливаться

надъ помладѣвшею землею въ перемѣнныхъ колерахъ, и особливо въ тебѣ, живѣйшая зелень, всеобщая одежда улыбающейся Натуры, свѣтъ съ тѣнїю слїянный! гдѣ утомленное око получаетъ всегда новую крѣпость и новое утѣшенїе.

Руководимая зефиромъ живая зелень отъ влажнаго луга разстилается по дикому пригорку, тучнѣетъ и клубится предъ осклабляющимся взоромъ; верьбовникъ бѣлѣетъ; полносочныя рощицы выгоняютъ почки, а сїи развиваются и растутъ, доколѣ весь тѣнистый лѣсъ покроется роскошнымъ многолиствїемъ. Уже легкїй елень, проходя между сплет-

шимся папоротникомъ, производитъ листьями шорохъ, и сокрытыя отъ глазъ птицы поютъ подъ покровомъ зелени. Вдругъ разцвѣтаютъ сады, одѣваются всѣми цвѣтами юнаго года отъ скорой и тайнодѣйствующей руки Натуры, и наполняютъ воздухъ пріятнѣйшими, ароматическими испареніями; а между тѣмъ въ каждомъ цвѣтѣ невидимо скрывается въ пурпуровой оболочкѣ обѣтованный плодъ въ видѣ малаго зародыша.

Теперь да позволятъ мнѣ изыйти изъ погребеннаго въ дымъ, сонъ и вредные пары города, и чаще прохаживаться по орошеннымъ полямъ, гдѣ все дышетъ свѣ-

жестїю; и идучи по зеленѣющему лабиринту терновыхъ кустарниковъ, отрясать съ наклонившагося куста дрожащїя капли! Тамъ да позволятъ мнѣ вкушать сладостный запахъ свѣжей млечной травы, восходить на пригорокъ среди твоихъ ровнинъ, о драгое отечество! и осматривать всю обширную страну, всѣ неизчетныя юныя красоты и все разнородное смѣшенїе цвѣтовъ, гдѣ восхищенное око преходитъ отъ удовольствїя къ удовольствїю, и уже видитъ желтую осень подъ сими роскошными красотами.

О! когдабъ съ Сибирскихъ дикихъ степей не возста-

валъ пронзительный вѣтръ, и съ влажнымъ своимъ дыханїемъ не наносилъ клейкой ржавчины, или безвременнаго мраза, по причинѣ своей сухости! отъ пагубнаго его дуновенїя цвѣтущая весна увядаетъ, вся зелень теряетъ живость и всѣ прїятности умираютъ; съ онымъ же пронзительнымъ и ядовитымъ вѣтромъ часто налетаютъ неизчетныя, мглистымъ сѣверомъ раждаемыя стада насѣкомыхъ, и на скоромъ пути своемъ опустошая всякую зелень, съѣдаютъ всѣ почки и кожу до самыхъ зеренъ. Сей слабый родъ часто бываетъ великимъ бичемъ мщенїя. По слѣдамъ

сихъ тварей наступаетъ голодъ, убивственный для цѣлаго года. Ради отвращенія сего наказанія устрашенный садовникъ жжетъ предъ садомъ солому и плеву, дабы онъ наполнился дымомъ; и тогда скрывающійся врагъ задохшись выпадаетъ изъ каждой цвѣточной головки. Или осыпаетъ цвѣты ѣдкимъ перцемъ, убивственнымъ для оныхъ тварей; или, когда зараженная ими зелень начинаетъ вянуть, заливаетъ ихъ въ гнѣздахъ своихъ прысканьемъ воды. Онъ также по благоразумію своему не допускаетъ и маленькихъ птицъ повреждать плоды своего вертограда.

Не унывайте, трудолюбивые земледѣльцы! не тщетно дуютъ сїи пронзительные вѣтры. Они съ силою отклоняютъ отъ полей вашихъ обремененныя дождемъ тучи, кои безъ того, распростершись по Атлантическому Океану безконечными полосами, погасили бы лѣтнїй пламень, и къ великому огорченїю потопили бы всѣ младыя и незрѣлыя произведенїя сего времени года.

Сѣверо-восточный вѣтръ, истощенный въ силѣ неистовствованїя, заключается въ желѣзныя пещеры. Уже всюду вѣющїй южный вѣтръ нагрѣваетъ пространство воздуха, и въ ясномъ небѣ надуваетъ тяжелыя облака,

обремененныя весеннимъ дождемъ. Съ начала кажутся они малыми пятнами въ видѣ мглистыхъ вѣнковъ, которые, возлетая въ верхъ, помрачаютъ эѳиръ; но за ними скорыми шагами слѣдуетъ сугубо сгущенный отягощающїй небо паръ, и по всему горизонту отъ сперщихся тучь распростирается густой мракъ. Сїе явленїе не такое, какъ устремляющїяся на смертныхъ зимнїя убивственныя бури; но оно вожделѣнно, тихо, любезно, исполненно надежды и радости, и есть желанїе Натуры. Зефиръ мало по малу совершенно утихаетъ. Въ густыхъ лѣсахъ не слышно ни малѣйшаго дыханїя

ни движенія разноцвѣтныхъ листьевъ высокаго тополя. Струящіеся потоки, въ подобной зеркалу ясности лїющїеся, кажется, забываютъ свое теченїе по какому-то очаровательному заблужденїю. Все безмолвствуетъ, погрузясь въ нѣкое прїятное ожиданїе. Стада овецъ и воловъ оставляютъ сухїе стебли, смотрятъ на небо въ оцѣпененїи и роняютъ изо рта траву. Пернатыя, предавшись молчанїю, умащаютъ свои крылїя, дабы свѣтлая влага стекала съ нихъ долой въ видѣ капель. Теперь ожидаютъ онѣ приближающагося знаменія, дабы вдругъ начать всеобщїй хоръ. Самыя горы, долины

и лѣса нетерпѣливо, кажется, испрашиваютъ вожделѣннаго освѣженїя; а Человѣкъ, возвышеннѣйшая тварь, ходя среди веселаго творенїя, удивляется возносимой хвалѣ и созерцаетъ всюду живое благодаренїе. Наконецъ облака отверзаютъ полямъ сокровища свои. Едва успѣютъ предварительныя ихъ капли коснуться поверхности водъ, какъ они проливаютъ все изобилїе дождя на прохлаждаемый мїръ. Прогуливающїеся въ рощахъ, подъ кровомъ тѣнистаго многолиствїя едва могутъ слышать сей шумъ проливнаго дождя. Но кто можетъ сидѣть въ тѣни, когда снисходитъ къ намъ Небо во все-

общей благости и сыплетъ травы, плоды и цвѣты въ пространное лоно Натуры? Быстрое разгоряченное воображенїе видитъ уже приращенїе ея; и когда еще течетъ млечный питательный сокъ, оно зритъ уже красоты цвѣтущихъ окрестностей.

Такимъ образомъ многоводныя облака чрезъ цѣлый день изливаютъ свой животворный запасъ, а увлаженная земля глубоко обогащается растительною жизнїю; между тѣмъ заходящее солнце просїяваетъ въ западномъ небѣ изъ пурпура освѣщенныхъ облаковъ, прїятно измѣняющихся въ сїянїи лучей его. Быстрое оза-

ренїе во мгновенїе ока касается освѣщенной горѣ, проницаетъ сквозь густой лѣсъ, зыблется по волнамъ, и въ желтѣющемъ туманѣ, вдали надъ неизмѣримою долиною дымящемся, осїяваетъ мирїады блестящихъ росныхъ брилїантовъ. Всѣ окрестности прїятно улыбаются, покрыты будучи влагою, блескомъ и зеленью. Лѣса гремятъ пѣснями; музыка ихъ жителей составляетъ дикїй концертъ, съ журчащими ручьями смѣшанный и возвышенный отдаленнымъ блеянїемъ пасущихся на холмахъ овецъ, и также звонкими ихъ отголосками, въ долинахъ отзывающимися, откуда вѣетъ всерастворя-

ющій благопріятный зефирЪ. Между тѣмЪ является вЪ неизмѣримой высотѣ неба отражаемая восточнымЪ облакомЪ и объемлющая землю великая эѳирная дуга, и каждый цвѣтЪ отЪ краснаго до фіолетоваго живописуется вЪ ней сЪ изящнѣйшею соразмѣрностію.

Здѣсь, дивный НевтонЪ, растекающія облака, противЪ солнца стоящія, образуютЪ твою дождевую присму. Здѣсь для просвѣщенныхЪ очей развиваютЪ они многосложную нить свѣта, такЪ какЪ ты показываешь ей выходЪ изЪ покрытаго бѣлизною лабиринта. Но юному пастуху кажется не то: онЪ смотритЪ сЪ удив-

ленїемъ, какъ свѣтлая очаровательная полоса прїятно изгибается надъ озаренными полями, и бѣжитъ схватить сїе падающее сїянїе. Но вдругъ приходитъ въ изумленїе, что играющая дуга удаляется отъ него и потомъ совсѣмъ изчезаетъ.

Наступаетъ тихая ночь, тонкая тѣнь, и насыщенная земля ожидаетъ утренняго луча, дабы посредствомъ разнородныхъ образовательныхъ трубочекъ обнаружить возрожденныя бальзамическїя сокровища.

Тогда свѣжїя травы въ дикомъ роскошствѣ возникаютъ по всей темнозеленой землѣ, коихъ родовъ и великїй Ботаникъ изчислить не

можетъ, когда онъ со внимательнымъ разсматриванїемъ преходитъ уединенную долину, или тѣнистый путь дремучаго лѣса, заросшаго всемъ тѣмъ, что безвнимательный глупецъ почитаетъ безполезною травою; или возходитъ на скалу горы, плѣнясь улыбающщеюся зеленью чела ея. Толь щедрою рукою разсѣяла натура сѣмяна свои повсюду, смѣшавъ оныя въ неизчетномъ множествѣ съ влажною питательною землею, съ напаевающщимъ ручьемъ и съ плодотворнымъ дождемъ!

Но кто можетъ изъяснить силы ихъ? кто чистымъ взоромъ проницаетъ въ сїи тайныя сокровища

здравія, жизни и радости? въ сію пищу первобытнаго человѣка, когда онъ жилъ еще въ невинности и числилъ многія сотни пріятныхъ годовъ своихъ, не жадничая крови; когда еще не зналъ хитрости и лукавства, убивства и грабежа, роскоши и болѣзни, и былъ обладатель, а не тиранъ міра?

Тогда первый свѣжій утренній лучь возбуждалъ веселый народъ неповрежденныхъ человѣковъ, и не зрѣлъ со стыдѣніемъ лѣнивца, спящаго подъ священнымъ его сіяніемъ. Ибо легкій сонъ ихъ проходилъ тихо, и они, вставая съ подобною утренней свѣжести живостію, по-

спѣшали къ воздѣлыванїю тучной своей земли, или къ веселому скотоводству.

А между тѣмъ повсюду слышны были пѣсни; утѣхи, шутки, мудрыя и дружескїя собесѣдованїя попеременно раздѣляли время ихъ. И въ то же время любовь среди розовой долины изъявляла нѣжнѣйшїе свои вздохи, свободные отъ тоски и преисполненные радости, которая еще болѣе возвышала сладостное мученїе внутреннимъ щекотанїемъ. Между сими щастливыми сынами Неба не было еще извѣстно никакого непристойнаго поступка, ни жестокаго дѣянїя. Разумъ и доброжелательство были

ихъ закономъ, а сама гармоническая Натура взирала на нихъ съ улыбкою. Ясно сіяли надъ ними небеса, вѣчными зефирами освѣжаемыя, и повсюду разливался бальзамическій духъ. Утреннее солнце освѣщало ихъ благотворнѣйшими своими лучами, и щедрыя облака всегда искапали на нихъ свою росу. Дѣти и агнцы спокойно играли на тучной густой муравѣ. Когда пламеннокій левъ выглядывалъ на нихъ изъ дремучаго лѣса, страшное сердце его смягчалось, и онъ угрюмое свое радованіе соединялъ съ невинными ихъ восторгами. Ибо гармонія содержала все цѣлое въ совершенномъ мирѣ.

флейта воздыхала нѣжно; человѣческій голосъ настроивался по тону многоразличныхъ движеній сердечныхъ. Окрестныя рощи и лѣса съ ними же соединяли свои хоры, а вѣтры и воды текли благогласно. Такова была весна времени!

Сіе было у Поэтовъ златое время. Когда корабельная мачта, такъ пѣли они возвышеннымъ языкомъ, не соединяла еще народовъ для торговли, потому что каждая страна всемъ изобиловала; тогда вѣчная осень волновалась повсюду, яко море, желтою преизобильною жатвою. Лѣсъ былъ виноградным садомъ, въ которомъ не нужно было лазать

на деревья для собранїя винограда. Полносочная кисть безъ орудїя и нагбенїя выливалась въ сосуды. Многоколѣнчатый дубъ низпускалъ отъ вѣтвей своихъ длинныя прозрачныя рѣки меда, кои струились между свившеюся травою. Невозделанный терновый кустъ обливалъ румянымъ дождемъ плодовъ сидѣвшаго подъ нимъ на цвѣтущей мягкой муравѣ, и кромѣ собиранїя такой обильной жатвы незнавшаго никакой другой утомляющей работы. Ручьи пѣнились нектаромъ, а индѣ тихо и нѣжно струились млечные токи. Никакая губчатая тонкая волна не пила еще Тирской краски. Велико-

рослый овенъ блестѣлъ на лугахъ въ природной пурпуровой или шафранной одеждѣ, а скачущій агнецъ въ живѣйшемъ кармазинѣ. Ничто не имѣло власти вредить. Дикая душа, изліянная въ сердце тигра, не воспламеняла еще внутренности его, и скорая нога его никогда не ударяла одѣтаго волною сотоварища въ игрѣ; а между тѣмъ змѣя по многоцвѣтному папоротнику раскатывала прекрасную свою чешую и рѣзвилась не имѣющимъ жала языкомъ своимъ.

Но сіи невинныя безпорочныя минуты, изъ которыхъ баснословные Поэты взяли свой златой вѣкъ, уже не существуютъ въ настоя-

щїя желѣзныя времена, въ сїи останки (дрожди) жизни. Нынѣ возмущенный духъ, потерявъ внутреннее равновѣсїе, не имѣетъ онаго согласїя гармоническихъ силъ, которое есть блаженство души. — Всѣ страсти выступили изъ своихъ предѣловъ, а полупогасшїй и безсильный разумъ смотритъ хладнокровно на злой ихъ безпорядокъ, или еще одобряетъ оный. Неистовый гнѣвъ въ искаженномъ безумїи всюду разливаетъ свою ярость, или помертвѣвъ и умолкнувъ, превращается въ злобное мщенїе. Ползающая зависть при радости другихъ мертвѣетъ, и ежели какого изящества достиг-

нуть не можетъ, оное ненавидитъ.

Робкїй и отчаянный страхъ, исполненный дикихъ привидѣнїй, разслабляетъ всѣ силы. Самая любовь есть горечь души, глубокая тоска и мученїе сердца; или погрязши въ гнусное корыстолюбїе, не ощущаетъ уже онаго благороднаго желанїя, онаго никогда не ослабѣвающаго влеченїя, которое, презирая корыстное самоискательное удовольствїе, старается только ощастливить драгой предметъ своего пламени. Распутство уничтожаетъ добрую надежду, а необузданная вражда превращается въ бѣшенство, или въ мертвенной тишинѣ

пожираетъ печальное свое время. Сїи и другїя многїя движенїя, подъ безконечно различными и всегда измѣняющимися видами добра и зла являющїяся, обуреваютъ душу безпрерывно. Изъ сего происходитъ, какъ глубокїй ракъ (болѣзнь), частность и раздѣленїе; безвнимательное, хладное и отъ пользы ближняго отвращенное равнодушїе. За симъ слѣдуетъ мрачное омерзѣнїе, ненависть, коварство, хитрый обманъ и звѣрское насилїе. А когда погасаетъ всякое чувство дружественности; тогда водворяется яростное безчеловѣчїе и сердце превращаетъ въ дикїй камень. Тогда разстроенная Натура является

уже мстительницею за превращенїе ея порядка.

Въ древнее время изъ сего родился потопъ, когда зыбкїй шаръ земной, объемлющїй центральныя воды, расторгся въ безднахъ своихъ отъ всеобщаго разрушенїя, и по высокимъ лѣсистымъ холмамъ разсѣдшейся земли пролились воды широкими потоками, отъ средоточїя оной до самыхъ облаковъ, рѣки водъ изливающихъ, и около всего шара земнаго волновался безбрежный Океанъ.

Съ того времени премѣны года угнѣтали сокрушенный мїръ строжайшимъ скипетромъ: лютая зима высылала снѣжныя гро-

мады; а лѣто поражало заразительными жарами. До сей эпохи чрезъ цѣлый годъ цвѣла великая весна; плоды и цвѣты во взаимномъ пріятствѣ алѣли на одной и той же вѣтви. Чистъ былъ благорастворенный воздухъ; всегда царствовала равная тишина, и только ласкающіе зефиры вѣяли подъ голубымъ сводомъ неба. Тогда ни бури дуть ни вихри неистовствовать не умѣли. Воды покоились безъ поврежденія. Сѣрные мраки никогда не накоплялись въ небѣ и не бросали отъ себя молній. Вредные пары и хладные осенніе туманы не втекали въ пружины жизни и не разрушали ихъ крѣпости. Нынѣ же

умаляющїеся дни наши суть игралище противоборствующихъ стихiй; преходятъ изъ ясной погоды въ облачную, изъ жаркой въ хладную, изъ сухой въ сырую, со внутреннимъ разрушительнымъ непостоянствомъ, пока совсѣмъ пресѣкнутся и окончаютъ свое теченїе, едва только наченшееся.

Но цѣлебныя травы умираютъ при томъ безъ употребленїя, хотя онѣ одарены чистою радующею душею питанїя, здравїя и жизненосныхъ силъ въ вящшемъ преизобилїи, нежели сколько искусство изыскать онаго въ нихъ можетъ: ибо кровожадный человѣкъ, воспаленный пламенною алчно-

стію, сдѣлался злѣе дикаго льва. Волкъ, безжалостно похищающій блеющую овцу изъ ночнаго убѣжища ея, никогда не пилъ млека ея и не носилъ грѣющей волны. Волъ никогда не оралъ для убивственнаго тигра, которой раздираетъ крѣпкую его шею. *При томъ же* сіи звѣри бываютъ сильно къ тому возбуждаемы и подстрѣкаемы гладомъ и крайнею необходимостію, да и въ шерстистой груди ихъ никогда не обитало сожалѣніе. А человѣкъ, котораго Натура образовала изъ мягкой глины, вложила въ сердце его всякое движеніе доброты, и ему единому слезы даровала; на котораго она сып-

летъ изъ лона своего всѣ сокровища и дары, которые такъ многочисленны, какъ дождевыя капли, или какъ лучи, отъ нихъ отражаемые; ужели сей человѣкъ, прекрасный образъ, толь нѣжно улыбающїйся и прямо на небо взирающїй, долженъ когда либо нагибаться во скопищи хищныхъ звѣрей омочать въ крови языкъ свой? Обагренный кровїю хищный звѣрь достоинъ пролить кровь свою; но вы, невинные агнцы, что вы сдѣлали? Миролюбивыя твари, чѣмъ вы смерть заслужили? Вы, которыя доставляете намъ сладкое млеко рѣками, и противъ зимняго хлада защищаете собственною своею

кожею; и ты, трудолюбивый волъ, безвредное и незлобное творенїе, чѣмъ вы проступились? уже ли тотъ, котораго терпѣливое и неусыпное трудолюбїе одѣваетъ землю всемъ великолѣпїемъ жатвы, долженъ истекать кровїю, и подъ *тиранственными руками* тѣхъ самыхъ земледѣльцевъ, коихъ онъ кормилъ, издыхать и оцѣпенѣвать? Да и то можетъ быть для того, чтобъ пиръ жатвеннаго праздника сдѣлать роскошнѣйшимъ, котораго онъ же былъ причиною? Такъ могло бы изъясняться нѣжное и чувствительное сердце; но въ сїи поздные вѣка оно весьма слабо и бѣгло смѣетъ только

касаться струнамъ Саминскаго мудреца. Высокое Небо возпрещаетъ пѣть отважно и дерзновенно: мудрая воля Его поставила насъ въ такое состоянїе, въ которомъ не должно еще здѣсь открываться полное совершенство. Да и кто знаетъ при томъ, какъ лѣствица живыхъ тварей восходитъ постепенно къ вышшей жизни?

Когда первая мутная лѣсная вода стекаетъ въ ручьи, отъ весеннихъ дождей весьма расширенные, и бѣлая пѣна волнъ по темноцвѣтной рѣкѣ сбѣгаетъ внизъ: тогда наступаетъ время ловленїя форели: ибо мутная вода способствуетъ къ сему обману. Рыбакъ!

приготовляй хорошую затравку, длинный, ровный и твердый прутъ, легкую лесу изъ сѣдаго конскаго хвоста и весь твой наилучшій охотничій снарядъ; но на крючкѣ твоемъ не давай замученному червяку долго извиваться изгибами смерти. Рука твоя должна чувствовать трясеніе и сильное колебаніе его, когда прожорливый карась схватываетъ и проглатываетъ приманку. Тогда надобно вынуть крючекъ изъ окровавленной груди сего слабаго обольщеннаго, которой хотя и въ отчаяніи находится, однако жаловаться не смѣетъ.

Когда же могущее солнце живымъ лучемъ своимъ

проникнетъ рѣки, и чешуйчатыя стада приведетъ въ движенїе; тогда смѣло и бодро начинай снова твое веселое упражненїе, а еще лучше, когда кружатся западные вѣтерки и разносятъ по эѳиру пѣнистыя облака. Тутъ сперва выходи на ручьи, около пригорковъ и младыхъ рощицъ текущїе. Потомъ по лабиринту утесистыхъ каналовъ иди до самой рѣки, гдѣ въ пространномъ токѣ ея играютъ въ великомъ множествѣ малыя наяды. Тамъ, гдѣ она вливается въ прудъ, падаетъ на камень, или изворачиваясь изъ подмытаго берега, играетъ кружащимися волнами; тамъ съ осторожно-

стію бросай обманчивую уду, и когда искуснымъ образомъ повернешъ ее вокругъ, должно пристально смотрѣть на скачущую добычу. Ежели рыба рѣзвясь выскакиваетъ на поверхность воды, или отъ глада стремглавъ кидается на уду; *то* бросай *тихо* и *проворно* многіе крючки: иной подъ травнистый берегъ, другой подъ навислый край; одинъ вытаскивай вонъ тихо, другой крѣпко и проворно, по мѣрѣ ихъ твердости. Ежели попадется *такая*, которая едва нагибаетъ *жидкой* прутъ, и которую по неопытности легко обманывать можно; такую щади по молодости ея, въ которой она не долго

еще смотрѣла на небесный свѣтъ животворный, и бросай назадъ въ воду сію уязвленную малявку; а ежели хочешь выманить монарха рѣки изъ темной его норы и переплетшихся кореньевъ висящихъ надъ водою деревьевъ; то надлежитъ тебѣ употребить тончайшее искуство. Давно уже обоняетъ онъ твою приманку, безотлучно слѣдуетъ за нею и нерѣдко покушается схватить; однако обмѣлѣвшая вода часто обнаруживаетъ ревнивый его страхъ. Наконецъ, когда мимоидущее облако застѣняетъ солнце, онъ съ отчаянною и мрачною тоскою проглатываетъ свою смерть. Глубоко по-

раженный плѣнникъ сей вдругъ хочетъ ускользнуть и утаскиваетъ лесу свою во всю длину ея. Тутъ ищетъ отдаленнаго моха, частаго тростника, подбрежной норы, стараго своего безопаснаго дна; выскакиваетъ на верхъ воды и паки уходитъ въ глубину, и досадуетъ, что далъ себя обмануть. Тогда нѣкоторымъ послабленіемъ руки, которая, всегда чувствуя дикое стремленіе его, не препятствуетъ ему бѣгать, то придерживая нѣсколько, то дая опять полную свободу бѣгу его вдоль и поперегъ рѣки, старайся утомить его въ тщетномъ неистовствѣ, пока сдастся тебѣ сей непріятель, и ты

можешь его бездыханно лежащаго и предоставленнаго уже судьбѣ своей, съ полнымъ удовольствїемъ вытащить на берегъ.

Въ такомъ упражненїи проводятся умѣренные часы. Но когда солнце съ полуденнаго своего трона разгоняетъ бѣгущїя облака и въ самыя глубины водъ ввергаетъ лѣностное разслабѣнїе; тогда ищи такого брега, гдѣ величается цвѣтущая бузина, гдѣ луговыя дико разсѣянныя лилеи дышатъ бальзамическою своею сущностїю; гдѣ бѣлая буквица нагибаетъ орошенную свою головку, гдѣ скрываются фїалки со всѣми милыми чадами тѣни: или уда-

лись подъ тѣнистый ясень, висящій надъ стремниною, съ которой спускается внизъ воркующая горлица, легкими крылами носимая; или гдѣ ястребъ на челѣ высокой скалы строитъ воздушный свой замокъ. Тамъ пусть классическая книга разсѣваетъ *твои* фантазіи по сельскимъ сценамъ, въ такомъ видѣ расположеннымъ, какъ Мантуаскій пастухъ изображаетъ оныя въ неподражаемой гармонической своей пѣсни. Или простри быстрое око *твоей воображительной* силы къ начертанію собственной картины; или наконецъ, воздремавъ подлѣ многогласныхъ рощей и водъ въ пустынной дебри, и по-

грузясь въ крѣпкїй сонъ безпечнаго уединенїя, тысящами блудящихъ образовъ исполненный, укроти всякую страсть, а оставь только тѣ волнованїя размягченнаго сердца, которыя возбуждаютъ тихую твою душу, но никогда не возмущаютъ спокойствїя ея.

Ароматами раствореная окрестность повелѣваетъ Музѣ описать всю красоту ея. Но кто можетъ подражать Натурѣ въ живописи? Можетъ ли фантазїя въ прїятномъ своемъ творенїи роскошествовать такими колерами, какїе имѣетъ она? Можетъ ли съ такимъ неподражаемымъ искуствомъ смѣшивать ихъ и соединять,

какое является въ каждой развивающейся цвѣточной головкѣ? Ежели и воображенíе подъ симъ прíятнымъ занятíемъ ослабѣваетъ, то что послѣдуетъ съ языкомъ? Гдѣ можно найти словъ, достаточныхъ и способныхъ къ выраженíю толь многоразличныхъ красотъ? Чья сила можетъ умастить и проникнуть пѣснь мою онымъ тонкимъ елеемъ жизни, оными ароматическими куренíями, которыя всюду неизчерпаемо разливаются?

Но сколько бы ни былъ сей трудъ неудаченъ, однако онъ будетъ прíятенъ. Придите, о вы юноши и дѣвы, коихъ сердца ощущали

восторги восхищающей любви; и ты, Аманда! великолѣпїе моей пѣсни, самая любезность, сбразованная Грацїями! приди съ сими кроткими, тихопоникшими прекрасными твоими глазами, съ сими скромными взглядами, во глубину души пронзающими, гдѣ блистаетъ живое воображенїе и чувствительнѣйшее сердце, соединенныя со свѣтомъ многомысленнаго разума; приди теперь, при наступленїи розоваго и всюду алѣющаго Мая; станемъ ходить вмѣстѣ по утренней росѣ и собирать свѣжїе цвѣтки въ первомъ ихъ развитїи для украшенїя твоихъ волнистыхъ кудрявыхъ волосъ и цѣломудрен-

ной груди, дающей имъ величайшую прелесть.

Посмотри туда, гдѣ извивающаяся, наполненная водами долина, разстилаетъ богатѣйшія свои сокровища. Зри, какъ лилея пьетъ сокровенную струю, едва проницающую своею влагою сквозь свѣжую мураву, или преузорочнымъ орошеніемъ влажный берегъ покрывающую. Взойдемъ выше, гдѣ западный вѣтръ вѣетъ съ широкаго поля, покрытаго разцвѣтшими душистыми растѣніями. Аравія не можетъ похвалиться никакимъ пріятнѣйшимъ ароматомъ, которой бы превосходилъ сладость лїющагося оттуда въ чувства и проницаю-

щаго въ восхищенную душу. Пространный дикоиспещренный лугъ, покрытый свѣжею зеленью и безчисленными цвѣтами, яко всеобщею одеждою Натуры, долженъ также удостоенъ быть твоей прогулки. Тамъ безъ всякаго содѣйствїя искуства распростираетъ она неописанныя красоты предъ примѣчательнымъ окомъ Здѣсь легкїя пчелы, толпяся безчисленными роями, производятъ прїятную дневную свою работу. Сїи трудолюбивыя сообщества летаютъ повсюду въ тихомъ воздухѣ, садятся на цвѣточныя головки, и сокровеннымъ хоботкомъ сосутъ изъ нихъ чистую сущность, эѳирную

ихъ душу. Часто съ отважностію возлетаютъ онѣ на разныя растѣнія или дикой тминъ, и обременяютъ себя сладкою добычею.

Наконецъ великолѣпный садъ открываетъ взору прекрасные виды и зеленыя алеи. Бѣглое зеленѣющимъ лабиринтомъ восхищенное око увлекается туда въ полномъ разсѣяніи. То блуждаетъ оно въ густой алеѣ, которой въ глубокую тьму ни одинъ лучь свѣта не проницаетъ; то встрѣчается съ наклоненнымъ небомъ, или съ журчащимъ ручьемъ, съ тихимъ свѣтлымъ озеромъ, съ густымъ лѣсомъ, съ блестящимъ башеннымъ шпицемъ, съ досязающею до ѳѳира

горою, съ отдаленнымъ Океаномъ. Но за чѣмъ простираться такъ далеко? Здѣсь подъ ногами разстилаются румяные блестящіе цвѣтники, и въ сей смѣшенной дикости цвѣтовъ прекрасная рука весны обнаружила всякую прелесть. Сперва выбѣгаютъ желтые подснѣжные цвѣтки и шафранъ; по томъ темноголубыя фіалки, баранки, многоцвѣтная буквица; желтыя, махровыя, ночныя фіоли, разливающія по всему саду благовоніе; нѣжными крылами весеннихъ зефировъ колеблемый анемонъ; покрытый блистательною бархатною пылью аврикулъ и тучный лютикъ съ горящимъ румянцемъ; за сими слѣду-

ютъ тюльпаны; здѣсь красота играетъ всѣми своими фантазіями. Измѣняющіеся колера ихъ преходятъ отъ рода въ родъ, такъ какъ прежде летала ихъ отечественная пыль; и когда сіи цвѣты представляются восхищенному взору, тогда торжествующій садовникъ съ скрытнымъ надменіемъ описываетъ дивныя произведенія рукъ своихъ. Здѣсь всѣ они собраны, начиная отъ первенцевъ весны до лѣтнихъ мѣлкихъ душистыхъ цвѣтковъ: гіацинтъ съ чистѣйшею дѣвственною бѣлизною, нагбенный и изнутри алѣющій; прекрасный и сильно дышущій нарциссъ, такъ какъ бы онъ еще смотрѣлся

вЪ баснословномЪ источникѣ; широкополосныя искусно распестренныя гвоздички и Дамасскїя розы. Никакой языкЪ не можетЪ описать неизчетныхЪ стройностей, красотЪ, запаховЪ и колеровЪ сего дыханїя Натуры вЪ безконечномЪ ея цвѣтенїи.

Хвала Тебѣ, ИсточникЪ существЪ! всеобщая Душа неба и земли, существенная Вездѣсущность! хвала Тебѣ! я повергаюсь предЪ Тобою, преклоняя колѣна мои. КЪ Тебѣ безпрепятственно востекаютЪ мои мысли. О Ты, который единымЪ прикосновенїемЪ Творческой руки Твоей далЪ всему совершенство! Тобою влекутЪ вЪ себя жизненный эѳирЪ и піютЪ

свѣжую росу всѣ многоразличные роды растѣнiй, завившiеся въ кожаную сѣть и одѣтые листвiемъ. Каждое растѣнiе, на свойственной ему землѣ посажденное, Тобою живетъ и пiетъ; влажность соковъ его умножается и льется Тобоюжь въ переплетшихся трубочкахъ. По Твоему велѣнiю весеннее солнце возбуждаетъ оный сокъ, который доселѣ стоялъ неподвижно и былъ сжатъ въ корнѣ зимнимъ хладомъ. Теперь распростираетъ онъ всѣ сiи неизчетныя красоты, востекая на верхъ въ исполненномъ жизни броженiи.

Какъ предметъ моей пѣсни отъ растительнаго царства восходитъ выше, такъ

и ты, препинающаяся Муза моя, съ равнымъ полетомъ да востекаешь, и да внемлешь, коль громогласно приглашаютъ тебя лѣса въ полномъ живѣйшемъ своемъ убранствѣ. Дайте мнѣ, соловьи, пѣсни ваши; излейте Меандрову плавно текущую душу мелодіи въ мое измѣняющееся пѣніе, когда я отъ первой глухой ноты дикой кукушки прейду къ симпатіи весны, и коснусь любовной исторіи жителей лѣсовъ.

Какъ скоро духъ любви разольется по животворному теплому воздуху и коснется сердцу гармоническимъ образомъ, веселыя стада птицъ начинаютъ оперяться гуще и разноцвѣтнѣе, и воспомина-

ютъ давно забытыя свои пѣсни, кои онѣ сначала поютъ еще слабо. Но когда влїянїе весны начнетъ дѣйствовать въ полной силѣ, тогда вдругъ удовольствїе ихъ разливается въ безконечной гармонической игрѣ. Жаворонокъ, предвѣстникъ утра, возлетаетъ на воздухъ съ свѣтлогласнымъ стройнымъ пѣнїемъ. Прежде нежели уклонятся тѣни ночи, онъ поетъ подъ облаками свѣтающаго дня и вызываетъ мелодическїе роды изъ гнѣздъ ихъ. Каждая густая роща, каждое дикое дерево и каждый кустъ, окропляющїй росною влагою сихъ робкихъ пѣвцевъ, въ ономъ обитающихъ, преизобилуетъ гармоническими

пѣснями. Дроздъ и лѣсной жаворонокъ заглушаютъ тихїе и ревнующїе другъ предъ другомъ хоры, превышая своимъ пѣнїемъ ихъ сладостныя мелодїи. А между тѣмъ внимающїй соловей не препятствуетъ имъ наслаждаться своею радостїю, помышляя съ надменїемъ, что ночныя его пѣсни превзойдутъ дневное пѣнїе всѣхъ прочихъ товарищей. Скворецъ свищетъ среди иглистыхъ пальмовъ; мокрая зяблица отвѣчаетъ ему изъ лѣса. Не хотятъ молчать и коноплянки, стадами сидящїя на цвѣтущихъ лугахъ. Съ сими пѣвцами соединясь другїе неизчетные, смѣшиваютъ свои сладостныя пѣсни, сидя въ прохлад-

ной тѣни новоразвившихся листьевъ. Галки, грачи, вороны и всякіе хрипучіе голоса, которые для слуха не пріятны, когда слышны бываютъ порознь, возвышаютъ сей полный и всеобщій концертъ, а между тѣмъ горлица меланхоличнымъ своимъ воркованьемъ придаетъ всему важность и красоту.

Любовь творитъ всѣ ихъ мелодіи, и вся сія дичь музыки есть гласъ любви, которая самыхъ птицъ и звѣрей научаетъ нѣжному искусству нравиться. Самцы употребляютъ къ сему все краснорѣчіе, какое только изобрѣтательная любовь внушить имъ можетъ, и они въ преданности изливаютъ всю душу

предъ своими самками. Сперва съ почтительнымъ отдаленіемъ кружатся они въ воздухѣ около ихъ, и употребляютъ тысячи хитростей, чтобъ получить искуственный имъ понятный полуотвращенный взглядъ безвнимательной своей повелительницы. Какъ скоро примѣтятъ, что она смягчается и даетъ имъ нѣкоторое позволеніе приближиться, то вдругъ начинаютъ блистать цвѣты ихъ перьевъ, и они приближаются къ ней, одушевляясь надеждою. По одному взгляду отступаютъ опять въ замѣшательствѣ, и по томъ снова приближаются. Въ нѣжномъ объятіи разширяютъ свои крылія, и

тогда каждое перо трепещетъ влеченіемъ любви.

По заключеніи брачнаго союза каждая чета спѣшитъ въ темные лѣса, куда ведетъ ихъ мысль; или удовольствіе, пища и скрытная безопасность къ тому побуждаютъ, дабы исполнить великій *законъ* Натуры, и не вотще послѣдовать ощущаемымъ ими сладостнымъ чувствованіямъ. Иныя вьютъ себѣ гнѣзда въ колючихъ пальмовыхъ кустахъ, другія въ густомъ лѣсѣ, третьи ввѣряютъ терновнику свой слабый плодъ. Инымъ расколотое или дуплястое дерево служитъ спокойнымъ убѣжищемъ, насѣкомыя его пищею, а мохъ гнѣздомъ.

Нѣкоторыя вьютъ гнѣзда въ отдаленной травнистой долинѣ или дикой пустынѣ. Но всѣ по большой части любятъ лѣсныя уединенія, непроходимыя темныя мѣста, или обросшіе кореньями крутые брега, раздѣляемые журчащимъ ручьемъ, который чрезъ цѣлый день пріятно забавляетъ ихъ, когда должность любви не позволяетъ имъ оставлять своего мѣста. Иныя наконецъ строятъ свои домики подъ орѣшникомъ надъ стенающею рѣкою. Первое ихъ основаніе состоитъ изъ древесныхъ вѣточекъ, положенныхъ по правиламъ искуственнаго строенія и обмазанныхъ землею. Теперь въ сотрясаемомъ не-

изчетными ихъ крылами воздухѣ ничего болѣе не видно, кромѣ безпрерывнаго движенія. Ласточка вьется надъ иловатымъ прудомъ, и намѣреваетъ также построить себѣ висячій домикъ. Тысячи острыхъ носовъ щиплютъ волосы и *шерсть* съ дебелаго *хребта* воловъ и *овецъ*; и часто, когда никто не примѣчаетъ, крадутъ изъ житницъ колосья, дабы свое жилище сдѣлать мягкимъ, теплымъ и чистымъ.

Терпѣливая самка прилѣжно сидитъ на гнѣздѣ своемъ, такъ что ни сильный голодъ, ни лестная пріятность времени не могутъ отвлечь ее отъ сего нѣжнаго занятія, хотя всюду цвѣ-

тетъ благорастворенная весна. Тогда симпатическій супругъ ея садится на высокомъ противустоящемъ брегѣ, и чрезъ долгое время поетъ неутомимо, или на нѣкоторое время заступаетъ ея мѣсто, когда она съ поспѣшностію отлетаетъ склевать свой ароматической завтракъ. Какъ скоро исполнится опредѣленное время сего праведнаго труда и плодъ въ теплотѣ созрѣетъ до совершенной жизни, то онъ разбиваетъ свою темницу; и сіе слабое семейство, выходя на свѣтъ, требуетъ корму безпрестаннымъ пищаньемъ. О! какое сострадание, какія нѣжныя чувствованія дружественной за-

боты овладѣваютъ тогда новыми родителями! они отлетаютъ поспѣшно и приносятъ дѣтямъ лакомый кусокъ; и когда употребятъ сей, начинаютъ опять искать другаго. Такъ поступаетъ иногда милая изъ благородной крови образованная, но бѣдности подверженная чета, освобожденная отъ такихъ заботъ, которыя обременяютъ сердце низкаго народа, когда она живетъ въ уединенной хижинѣ между лѣсами подъ единымъ *покровомъ* небеснаго Промысла; она лишаетъ себя собственной пищи, ради насыщенія милыхъ дѣтей, и все, что имѣетъ, имъ отдаетъ.

Сїи животныя не только труда, но и жизни своей не щадятъ: восхитительная любовь, отъ великаго Отца весны вдохновенная, внушаетъ имъ живое мужество и простое ухищренїе, когда хищная рука намѣреваетъ разрушить лѣсныя ихъ гнѣзда. Они проворно и тихо слетаютъ на другую близкую вѣтку, и оттуда отлетая далѣе, якобы кѣмъ гонимы были, обманываютъ безжалостнаго хищника. Ради сей причины бѣлокрылая гагара кружится надъ головою идущаго крестьянина, и далеко летитъ по долинѣ, дабы отвесть его отъ гнѣзда своего; дикая утка также вьется надъ влажнымъ

мхомъ, а рябчикъ надъ непроходимою пустынею, дабы (о невинный обманъ!) отманить прочь охотничью собаку.

Не устыдись, Муза, оплакать здѣсь твою лѣсную собратію, которые, будучи безжалостно пойманы жестокимъ человѣкомъ и посажены въ тѣсную клѣтку, лишаются вольности и открытаго воздуха. Коль печальны сіи милые невольники! перья на нихъ осѣкаются и тусклѣютъ; въ пѣсняхъ ихъ нѣтъ уже той пріятной дикости, которая свѣтло и живо разливалась по кустарникамъ. О вы друзья любви и любовнаго пѣнія! пощадите сіи нѣжныя четы; оставьте сіе

варварское искусство, естьли только невинность можетъ сердцу вашему быть любезна, музыка привлекательна, а нѣжность убѣдительна.

Особливо же соловья не заставляйте оплакивать свои потерянные труды. Онъ столько нѣженъ, что не можетъ сносить жестокаго заключенія въ клѣткѣ. Часто мать при возвращеніи къ своему гнѣзду съ полнымъ ртомъ корму, находя оное пустымъ и расхищеннымъ тиранственною рукою немилосердаго крестьянскаго сына, печально роняетъ изо рта безполезный запасъ. Перья на ней клокотятся и едва могутъ огорченную перенесть въ тополовую тѣнь.

Тамъ, предавшись отчаянїю, оплакиваетъ она всю печаль чрезъ цѣлую длинную ночь, и сидя на вѣткѣ уединенно, послѣ каждаго обморока, начинаетъ снова свою жалостную пѣснь, наполненную чувствительнымъ страданїемъ, а смежныя рощи отвѣчаютъ стону ея и издаютъ эхо на сей жалостный голосъ.

Оперившїяся дѣти, съ нетерпѣнїемъ презирая старое свое жилище, требуютъ свободы пользоваться открытымъ воздухомъ, и плавать въ ономъ по произволенїю. Со стороны родителей сїя только одна осталась услуга; а послѣ простываетъ въ нихъ любовь къ дѣтямъ. Хозяйственная

Мудрость ничего не творитъ напрасно. Въ солнечный, тихій, благорастворенный вечеръ, когда по всѣмъ лѣсамъ, златожелтымъ сіяніемъ блестящимъ, разливается бальзамъ, новые граждане міра вылетаютъ подъ открытое пространное небо, и видятъ широкое общее поле Натуры, которое есть мѣсто ихъ паствы и утѣхъ, въ такой окружности, сколько можетъ обозрѣть глазъ ихъ. Пока еще они скачутъ на вѣткахъ, не имѣютъ смѣлости пуститься на воздухъ; крылышки ихъ, всегда готовыя къ полету, дрожатъ еще и не смѣютъ броситься въ пустоту невидимой стихіи, пока родители не будутъ

ихъ руководствовать, пока не заставятъ, не погонятъ или даже не столкнутъ ихъ. Легкій воздухъ принимаетъ пуховую ношу, а крылья ихъ, отъ Натуры къ тому навыкшія, разсѣкаютъ сію волнующуюся стихію. Спустясь ниже къ землѣ, начинаютъ опять крѣпче и смѣлѣе продолжать свой дальній полетъ, пока весь страхъ изчезнетъ, и каждая сила приведена будетъ въ жизнь и движеніе. Тогда родители смотрятъ съ удовольствіемъ на полетъ ихъ въ воздухѣ, а послѣ сей радости разстаются и никогда уже друга друга не знаютъ.

На вершинѣ высокой, надъ бездною водъ висящей скалы

(какова находится на острове Кильда, гдѣ пустынножительствующїй народъ видитъ на западѣ преходъ солнца въ Индѣйскїе мїры) царственный орелъ воспитываетъ бодрыхъ птенцевъ своихъ, снабдѣнныхъ крѣпкими кохтями и горящихъ родительскимъ огнемъ. Какъ скоро они въ состоянїи основать собственное государство, то онъ выгоняетъ ихъ изъ своего замка, яко мѣста господствованїя своего, за нѣсколько вѣковъ сооруженнаго, и обладаемаго имъ мирно и безпорочно, потому что онъ для сниканїя себѣ добычи простираетъ свой полетъ на отдаленные острова, близъ моря лежащїе.

Я направлю стопы мои къ сельскимъ обителямъ, гдѣ стоятъ высокїе вязы и почтенные дубы, подъ сѣнїю которыхъ сороки въ раннюю весну строятъ воздушные свои города и для препровожденїя времени безумолкно щекочутъ: тамъ съ великимъ удовольствїемъ буду смотрѣть на многоразличную хозяйственность разныхъ домашнихъ птицъ. Здѣсь многозаботливая насѣдка сзываетъ къ себѣ всю свою пискливую дружину, находясь подъ покровомъ и защитою неустрашимаго пѣтуха. Сей съ важною осанкою выступаетъ и вызываетъ соперниковъ своихъ на поединокъ громкимъ кукаре-

каньемъ; и грудь его рдѣетъ отъ поревнованія. Пестрая утка квакая плаваетъ по тихому озеру. Величественно плывущій лебедь расширяетъ противъ западнаго вѣтра снѣгобѣлыя свои перья. Смѣло плыветъ онъ противъ стремленія рѣки, изгибая горделиво свою шею, и охраняетъ островъ своея пажити для спокойствія дѣтей. Индѣйскій пѣтухъ надуваясь кричитъ и рдѣетъ; а между тѣмъ павлинъ разстилаетъ противъ солнца всецвѣтное свое сіяніе и погружается въ лучезарномъ величіи. Надъ симъ дружелюбнымъ сотовариществомъ летаетъ воркующій голубь съ своими милыми подругами; смѣло и

зорко онъ смотритъ, и проворно обращаетъ многоцвѣтную свою грудь.

Между тѣмъ, какъ жители лѣсныхъ тѣней слѣдуютъ влеченїю любви своей, мїръ грубѣйшихъ животныхъ погружается въ неистовое пламя. Быкъ чувствуетъ необузданную страсть, сильно кипящую во всѣхъ крѣпкихъ его жилахъ. Разжирѣвъ отъ тучной пажити, презираетъ онъ всякой кормъ, и топчетъ желтую зиновать. Сочные отпрыски, надъ дебелыми его боками свивающїеся, уже его не привлекаютъ. Онъ, шатаясь въ унынїи по лѣсамъ, не гложетъ приманчивыхъ древесныхъ вѣтвей, сколькобъ ихъ

ни встрѣчалось съ безвнимательнымъ его чувствомъ; и часто, возгорясь ревнивымъ и неистовымъ бѣшенствомъ, ищетъ поединка, и насунувшись на суковатой пень, сражается съ нимъ, и мнитъ, что онъ безумнымъ своимъ боданьемъ низложилъ уже соперника. А когда сей дѣйствительно съ нимъ повстрѣчается, то начинается ужасный бой. Витязи ревутъ въ изкопаемой ими ямѣ, бросаютъ изъ оной пыль на воздухъ, и какъ бы внушаютъ ей кровавыя дѣла свои. Продолжительная битва сопровождается тяжкими стонами, когда близко къ нимъ стоитъ молодая прекрасная бальзамическая телица, и

раздражаетъ ихъ бѣшенство. Ярящійся конь, движимый симъ побужденіемъ, кипящимъ во всѣхъ нервахъ, не смотритъ на узду своего господина, не слышитъ щелканья бича и не чувствуетъ ударовъ. Поднявъ шею вверхъ, уходитъ онъ въ отдаленныя *поля* съ дикою *радостію*, и тамъ дѣлается необузданнымъ, скачетъ по утесамъ, лѣсамъ и каменистымъ горамъ, взбѣгаетъ на самую вершину ихъ, ржетъ и ищетъ освѣжающаго вѣтра. Оттуда стремглавъ *бросается* къ лѣснымъ водопадамъ, между холмами текущимъ, и къ быстрымъ рѣкамъ, коихъ опасное стремя кружится темными изворотами. Толь необузданна

сила безсмысленнаго его сердца и нервъ!

Во время животворной весны не оставлены безъ утѣшенія безмѣрныя чудовища дымящейся бездны водъ. Они воздымаясь изъ глубокаго озера или хладнаго морскаго дна, и паки туда опускаясь, кружатся въ неистовой радости. Груба и худогласна была бы пѣснь моя, естьли бы надлежало мнѣ пѣть дикіе восторги лютыхъ звѣрей, какъ сіе пламя увеличиваетъ ихъ ярость, какъ они ходятъ длинными станицами по звонкимъ пустынямъ и ревомъ изъявляютъ страшную свою любовь. Но предметъ, который я пою въ восторгѣ Британскимъ красавицамъ, вос-

прещаетъ мнѣ сіе, и ведетъ на чело горы, гдѣ юный пастухъ, возсѣдя на густой муравѣ, пріятно и бодрственно наслаждается заходящимъ солнцемъ. Вокругъ его пасется разногласно блѣющее стадо, возвышая и понижая свои тоны. Рѣзвые агнцы весело прыгаютъ и кружатся. Юноша гонитъ ихъ далѣе. Они бѣгутъ проворно по данному знаку и переходятъ густой лѣсъ, окружающій пригорокъ, который былъ крѣпостію желѣзной войны въ древнія варварскія времена, когда мятежная Британія среди непрестанныхъ сраженій безпрерывно обагрялась кровію, прежде нежели сдѣлалась та-

кимъ твердо основаннымъ и неразрушимымъ государствомъ, въ которомъ богатство и торговля высоко возносятъ златое чело свое, и въ коемъ надъ всѣми художествами и ремеслами бдитъ свобода и законы.

Скажите, испытатели Натуры, что есть сїе могущественное дыханїе, научающее поднебесныхъ птицъ такому неслыханному силы и чувствованїя исполненному языку? Что оно есть иное, какъ сила Бога, все одушевляющаго; Бога, который, яко безпредѣльный духъ, съ не дремлющею никогда дѣятельностїю всю вселенную преходитъ, устрояетъ,

укрѣпляетъ и движетъ? Онъ единъ дѣйствуетъ неусыпно, хотя и кажется, что Онъ токмо единъ не дѣйствуетъ. Съ таковымъ-то совершенствомъ творитъ Онъ всѣ сіи во изумленіе приводящія дѣла! Хотя сокровенъ есть дивный Строитель вселенныя, однако Онъ всякому чистому оку открывается въ дѣлахъ своихъ; а наипаче въ тебѣ и твоихъ тихихъ явленіяхъ, вожделѣнная весна! Божество показуетъ себя, яко улыбающимся, когда вода, воздухъ и земля открываютъ всюду Его благость. Оно возвышаетъ животный міръ къ сему тонкому чувству, и самыя безсмысленныя сердца ежегодно разливаетъ и

растопляетъ въ нѣжность и радованіе.

Да возвышаетъ пѣснь моя гласъ свой паче и паче, и да воспоетъ силу весенняго влїянїя на человѣка! Когда небо и земля съ поревнованїемъ тщатся возвысить существо его и развеселить его душу; уже ли тогда не захочетъ онъ со всеобщею улыбкою Натуры соединить своей? Смѣютъ ли упрямыя страсти обуревать сердце его, когда всякой вѣтерокъ есть миръ и всякая рощица мелодїя? Удалитесь отъ роскошныхъ алей всюду разливающейся весны, вы корыстолюбивые сыны земли! жестокїе и нечувствительные къ страданїямъ ближ-

нято и только для себя одних расточительные! бегите отсюда прочь! Но вы, благородномыслящія души, въ которыхъ Творческая благость горитъ лучемъ светлейшимъ, нежели въ какомъ либо другомъ твореніи Его, которыхъ открытое чело и ласковый взоръ живо изображаютъ оную, и вызываютъ скромную нищету изъ темной ея застенчивости! придите вы сюда. Деятельное стараніе ваше не оставляетъ безъ осмотренія ни одного хладнаго зимняго угла, а неусыпная благотворительность не дожидается вопля и слезъ. Вы, подобно тиходействующему небу, часто уединенное сердце осыпаете

неожиданными благодѣянїями; для васъ животворящїй духъ дышетъ повсюду благорастворенною весною. Для васъ чреватыя облака въ радующей полнотѣ низходятъ на землю; для васъ и солнце лїетъ благое сїянїе свое, для васъ, о цвѣтъ рода человѣческаго! — Въ сїи цвѣтущїе дни самая болѣзнь подъемлетъ слабую главу свою. На все проливается жизнь; младоокое здравїе проницаетъ все творенїе, удовольствїе шествуетъ по освѣщаемому солнцемъ лѣсу, и чувствуетъ внутреннее блаженство спокойствїя душевнаго, коего никакая власть даровать не можетъ. Чистая веселость сопровождается

размышленіемъ и глубокомысліемъ. Любовь Натуры дѣйствуетъ поспѣшно, возвышаясь постепенно, пока наконецъ, достигши восторга и энтузіастическаго жара, дастъ намъ ощутить присутствующее Божество и вкусить радость, всѣхъ человѣковъ увидѣть щастливыми.

Се суть освященныя чувствованія сердца твоего; сердца образованнаго чистымъ лучемъ разума, о другъ мой, Литтлетонъ! Тако измѣняются мысли и движенія души твоея, когда ты, привѣтствуя Музу въ широкомъ открытомъ полѣ, идешь по Гаглейскому звѣринцу съ Британскою твоею

осанкою. Тамъ по обростшей лѣсами и мшистыми скалами долинѣ, гдѣ съ обѣихъ странъ играютъ скачущія воды, и дикіе каскады разтекаютъ снѣжною пылью, или въ отдаленномъ проспектѣ блестятъ сквозь деревья; тамъ ходишь ты въ молчаніи, или сидишь подъ тѣнію торжественныхъ дубовъ, сихъ кустистыхъ вѣнковъ возвышенныхъ горъ, повсюду пріятно разбросанныхъ небрежною рукою Натуры; или предавшись глубокомыслію, внимаешь многоразличнымъ гласамъ сельскаго мира, мычанію рогатаго скота, блеянію волнистыхъ стадъ, пѣнію птицъ, свисту западнаго вѣтра, жур-

чанїю ручьевъ, какъ они пробираясь сквозь переплетшїяся коренья, потрясаютъ очарованный слухъ влажнымъ своимъ шумомъ. Уклонясь отселѣ, часто преходишь ты философическїй мїръ, гдѣ любопытное чистое око въ блистательномъ сцѣпленїи созерцаетъ безпрерывныя чудеса; или руководствуясь историческою истиною, протекаешь длинный путь прошедшихъ временъ. Тогда съ жаркимъ доброжелательствомъ и достопочтенною ревностїю, никакимъ раздѣленїемъ неослабляемою, помышляешь о благѣ Британцевъ, какъ добродѣтели ихъ извлечь изъ глубокой пропасти и оживить снова художества.

А когда отвращаешь отъ сего взоръ свой, тогда важныя размышленія твои очаруютъ Музъ. Тогда съ вѣрнымъ и тонкимъ вкусомъ піешь одушевляющее дыханіе какой нибудь древней пѣсни, пока восхитясь поревнованіемъ, воспаришь твоею собственною. Можетъ быть и возлюбленная твоя Люцинда, которой душа гармонировалась съ твоею, участвуетъ иногда въ сей прогулкѣ. Для ока любящаго вся Натура имѣетъ видъ любви, и весь мятежъ порочнаго міра, удручаемаго низкими страстями, изчезаетъ для него. Нѣжное сердце есть блаженный покой. Милая твоя сопутница въ различ-

ныхъ разговорахъ изливаетъ свои богатыя сокровища знаній и услаждаетъ всякую матерію. Ты часто взираешь на нее въ молчаніи, и изъ очей ея, гдѣ обитаетъ спокойный разумъ, основательная пріятность и живая любезность, піешь въ восторгѣ неизъяснимую сладость эѳирныхъ радостей. О безсравненное щастіе, драгоцѣнный даръ любви весьма не многимъ любимцамъ! — Между тѣмъ восходишь ты на высокую гору, отъ чела которой простирается открытый проспектъ въ неизмѣримой обширности. Тамъ око твое, восхищенное красотами холмовъ и долинъ, лѣсовъ и пригорковъ, зеле-

нѣющихъ полей и разсѣянныхъ тѣнистыхъ рощицъ, пріятно окружаемыхъ сельскими деревьями, и многобашенныхъ городовъ, примѣтныхъ по восходящимъ столбамъ дыма; тамъ блуждаетъ и теряется оно въ разсѣяніи, переходя отъ того храма, коего въ вождѣленномъ пристанищѣ всегда обитаетъ благопріятный Геній странноЛюбія, до онаго мѣста, гдѣ измѣненный и постепенно сокращенный видъ превращается въ дикій и опустѣлый пригорокъ, за которымъ возвышаются еще, въ видѣ отдаленныхъ облаковъ, голубой горизонтъ облежащихъ, мглистыя Камбрійскія горы.

На нѣжныхъ щекахъ юной дѣвицы выступаетъ теперь возбужденный сочетавающимъ духомъ времени года живѣйшій румянецъ, и тихо играетъ въ свѣжей бѣлизнѣ. Возвышеннѣйшая сладость разливается на устахъ ея. Она дышетъ юностію. Въ глазахъ ея играетъ блистательная влага свѣтлѣйшими струями. Цѣломудренная грудь воздымается съ сильнымъ біеніемъ. Нервы овладѣваются нѣжными возмущеніями, и вся тающая душа ея есть любовь. Почитатель ея, проникнутый очаровательною силою и изнемогающій отъ жаркихъ воздыханій, не можетъ сносить

проницательнаго взора ея. Тогда, ахъ! тогда, красавицы! храните скользкія сердца свои съ крайнею осторожностію; не приближайтесь смѣло къ обворожающему вздоху, которой при всей скромности, униженности и глубокой преданности, исполненъ лукавства и порока. Не допускайте превозмогать вашу твердость языку пламенному, уятсвому къ обольщенію и блестящему ласкательствомъ. Въ зеленой бесѣдкѣ, гдѣ свивается каприфолій и разстилаются розы, при тихомъ вечерѣ, опускающемъ пурпуровую свою завѣсу, не ввѣряйте драгоцѣнныхъ минутъ ва-

тихъ такому мущинѣ, которой за вами подсматриваетъ.

И ты, юноша возвышенныхъ чувствованій! опасайся обворожающихъ скромныхъ взглядовъ. Поздо уже будетъ, когда сладостное очарованіе разольется въ сердцѣ рѣкою. Тогда мудрость попирается, а честность изчезаетъ, какъ тѣнь. Между тѣмъ же, когда влюбленная душа погружается въ лестные виды мнимаго блаженства, обманчивое воображеніе живописуетъ ему восхитительную любезность, прелестную улыбку, скромные цѣломудренные глаза, кои подъ прекрасными обольстительными лучами скрываютъ

непроницаемое коварство, жестокость и смерть; и гласЪ Сирены, ложно отзывающійся вЪ обольщенномЪ его слухѣ, очаровательно манитЪ его кЪ себѣ на обманчивые острова и долины убийственныхЪ радостей.

Даже вЪ то самое время, когда онЪ безчестно лежитЪ на лонѣ любви, когда всюду разливается гармонія, курятся ароматы и бальзамЪ, струятся Токайскія вина и вездѣ блистаетЪ пышность; неумолимое раскаяніе вонзаетЪ вЪ самыя розы свой змѣиный гребень; и поспѣшно возвращающееся скорбѣніе пронзаетЪ виновное сердце: ибо честь и твердая рѣшимость часто дѣлаютЪ

тщетнымъ благое вознамѣренiе освободить себя отъ угнѣтающщаго ига сладострастiя.

Когда же онъ бываетъ удаленъ отъ предмета любви своей, какiя мятежныя фантастическiя мученiя неистовствуютъ въ каждомъ помышленiи его, которыя будучи подкрѣпляемы оцѣпенѣлымъ безмолвiемъ, убиваютъ живость на щекахъ его и изсушаютъ цвѣтъ жизни! Отъ безпечности его гибнутъ дары щастiя, и всѣ выгоды расточаются, разрушаются и совершенно пропадаютъ. Онъ вездѣ сопровождается унынiемъ и печалiю. Самый свѣтъ солнца меркнетъ для него. Весна

со всѣмъ своимъ преисполненнымъ розами лономъ мертва въ его плачевныхъ фантазіяхъ, и свѣтлозарная преизобилующая сіяніемъ радуга стягивается надъ нимъ въ тусклый и пасмурный сводъ. Такъ вянетъ и гаснетъ для него вся Натура! только та одна, для которой онъ имѣетъ еще глазъ, ухо и чуствованіе, та только владѣетъ каждою его мыслію, наполняетъ каждое чувство и бьется въ каждой жилѣ его. Книги суть принужденное для него упражненіе, а обхожденіе съ другомъ несносно. Въ обществахъ онъ бываетъ смущенъ, уединенъ и безвнимателенъ. Языкъ выговариваетъ только по полу-

слову. Обольщенный духъ его, носимый крылами кипящаго воображенія, спѣшитъ всюду въ объятія своей красавицы, и изъ любовника образуется одна только статуя, въ меланхолическое положеніе поставленная, съ поникшею главою и съ потупленными въ землю глазами. Вдругъ вострепетавъ отъ нѣжнаго своего восторга, приходитъ въ чувство и бѣжитъ въ смятеніи къ тлѣющимъ тѣнямъ, къ оному симпатическому мраку, гдѣ темная зелень сплетшихся вязовъ романически виситъ надъ падающею рѣкою. Тамъ блуждаетъ онъ въ нѣмомъ сумракѣ; погрузясь въ бодущее сердце его молчаніе, отдается

ему въ полное владычество. Вышедъ на берегъ въ забывчивости, возмущаетъ своими вздохами дышущихъ между влажными лилеями зефировъ, а слезами спокойной ручей. Въ сей сладкой тоскѣ проводитъ онъ цѣлый день, и не оставляетъ темнаго убѣжища, пока ясное утро не простретъ взора своего изъ чертоговъ волнистаго востока, и съ разливающимся сіяніемъ не приведетъ пріятныхъ часовъ въ своемъ сопутникѣ. По томъ съ ослабѣніемъ зыблющагося луча его идетъ онъ далѣе съ тающею душею и воздыхаетъ съ вечерними птицами, дабы ихъ стенанія смѣшать съ своими. Или, когда міръ и

всѣ сыны заботъ погружаются въ сонъ, соединяется съ ужасами полуночной тѣни. Тогда стонетъ онъ при уединенной лампадѣ, и тщетно изливаетъ тоску своего сердца на бумагу, которую и посвящаетъ скоротечному вѣстнику любви. Когда же отъ изнеможенія бросается на свое ложе, сонъ бѣжитъ отъ возглавія его; онъ перевертывается на немъ чрезъ цѣлую ночь, и ни въ какомъ положеніи не находитъ бальзамической силы дотолѣ, пока свѣтающее утро разпрострetъ блѣдное свое осѣненіе надъ блѣднѣйшимъ лицемъ сего нещастнаго, изнемогающаго отъ любви. Хотябъ истощенная Натура и же-

лала на нѣсколько минутъ успокоиться; но сонъ ея непрестанно прерывается возмущенными сновидѣнiями, которыя, распростираясь въ больномъ его воображенiи, пишутъ аналогическiя сцены черными красками. Часто разговариваетъ онъ съ волшебницею души своей. Иногда же, наскучивъ толпою народа, и удалясь отъ сообщества грубыхъ людей въ темныя цвѣтами осѣняемыя бесѣдки, и тамъ теряя безконенныя свои заботы въ слѣпой забывчивой любви, увлекается онъ рукою ея, не вѣдая, какимъ образомъ, и блуждаетъ въ ночное время и въ непогоду по дремучимъ лѣсамъ, по непроходимымъ

и отъ опустѣнія посѣдѣвшимъ рощамъ, и по дикимъ степямъ, гдѣ съ ужасомъ отступаетъ отъ навислой стремнины, или преходитъ чрезъ глубокую рѣку и домогается достигнуть другаго берега, на которомъ сидитъ печальная очаровательница его и простираетъ руки свои къ избавленію его. Но онъ тщетно напрягается. Влекомый непреоборимымъ стремленіемъ, уносится высокою пѣнистою волною, или погребается подъ кипящею стихіею. Таковы суть сраженія души плѣненной любовію, которой и самое страданіе утѣшительно. Но когда ревность изливаетъ ядъ свой въ сердце, тогда любовь пре-

вращается въ душевную тоску и непрестанную горесть, снѣдающую каждую мысль и искажающую всѣ утѣхи любви. Тогда прощайте очаровательныя поля, розовыя долины, увеселительныя бесѣдки! прости въ послѣдній разъ мерцающій лучь міра! Мертвящая язва заражаетъ внутреннее око и погружаетъ воображеніе въ блѣднотемную ночь. Ахъ! вмѣсто животворимыхъ любовію ланитъ, вмѣсто свѣтлыхъ чертъ лица и ясныхъ очей, сіявшихъ огненными струями, остаются тогда одни мрачные и суровые взгляды, ожестѣвшіе отъ снѣдающаго огня; пасмурный видъ и горящія щеки, изъ

которыхъ дышетъ ядомъ отравленная душа, и устрашаетъ самую любовь. Тысячи нелѣпо вымышленныхъ страховъ, тысячи подозрѣній на гнусныхъ соперниковъ, прилѣпленныхъ къ тѣмъ прелестямъ, отъ которыхъ онъ растекаетъ въ нѣжности, пожираютъ его тоскою и убивственною яростїю. Выговоры и упреки не приносятъ ему никакой помощи. Обманчивая горделивость и слабая рѣшимость доставляютъ ему малое и только мгновенное успокоенїе. *Воображенїе* живо представляетъ бѣглымъ его мыслямъ красоты обладательницы, первыя плѣняющїя душу ласки ея и всѣ очарованїя оковывающей

любви. Неукротимая буря вдругъ поглощаетъ духъ его, пламенѣетъ и кипитъ во всѣхъ нервахъ. Убивственное сомнѣніе не престаетъ терзать мучимаго сердца: ибо самое печальное увѣреніе въ злощастіи было бы спокойствіе въ сравненіи съ его чувствованіемъ. Таковую-то жизнь огневичнаго піянства и мучительной заботы провождаетъ пылкая юность, когда любовь усыпанною прелестными цвѣтами стезею уводитъ ее въ терновую свою пустыню! всѣ блистательные виды ея изчезаютъ, и сладостнѣйшія минуты спѣшатъ съ нею къ погибель!

Но щастливы суть тѣ щастливѣйшіе въ своемъ

родѣ, которые, будучи совокуплены подъ благотворнымъ созвѣздіемъ, соединяютъ въ одинъ жребій сердца свои, дары щастія и самое бытіе свое! Сама гармонія всѣ ихъ страсти согласуетъ въ любви. Здѣсь дружество открываетъ дѣятельнѣйшимъ образомъ сладостнѣйшую свою силу; совершенное уваженіе оживляется несказаннымъ взаимнымъ влеченіемъ любви и симпатіею душъ. Мысль встрѣчается съ мыслію, воля предваряетъ волю съ неограниченною довѣренностію: ибо любовь только можетъ платить за любовь и обезопасить свое щастіе. Но кто мыслитъ только себя одного ощастливить

неблагороднымъ образомъ; покупаетъ у корыстолюбивыхъ родителей принужденную дѣвицу, и за то достойно проводитъ дни и ночи свои въ вѣчной печали. Дикіе народы, коихъ безчеловѣчная любовь состоитъ токмо въ необузданномъ вожделѣніи, обходятся между собою такъ сурово, какъ жестоко опаляетъ ихъ солнце. Восточные тиранны невольницъ своей страсти лишаютъ небеснаго свѣта, и подлымъ образомъ обворожаются пустою, бездушною и искаженною наружностію; а тѣ, кои сопряжены любовію во священной вѣрности, живутъ свободно и съ Натурою сообразно, будучи чужды вся-

кой недовѣрчивости. Что имъ весь мiръ, его пышность, утѣхи и всѣ суеты, имъ, которые находятъ въ содружествѣ своемъ все, что только возвышенное воображенiе можетъ представить себѣ прекраснаго, и чего щастливыя сердца желать только могутъ? Они срѣтаютъ другъ въ другѣ нѣчто драгоцѣннѣйшее самой красоты, срѣтаютъ такой предметъ, въ которомъ свѣтится душа; они другъ въ другѣ видятъ истину, доброту, честность, согласiе и любовь, яко богатѣйшую милость благословляющихъ Небесъ А между тѣмъ возрастаютъ милые наслѣдники, одаренные всѣми ихъ

любезностями. Сей цвѣтокъ человѣчества разцвѣтаетъ постепенно, и каждый истекающій день раскрываетъ въ нихъ новыя прелести, славу отца, или пріятство матери. Тогда по немногу развивается дѣтскій разумъ ихъ, и требуетъ непрестаннаго образованія благодѣющей руки. Раскрывать нѣжныя мысли, выправлять юныя идеи, орошать душу здравымъ ученіемъ, вдыхать пылкое остроуміе и насаждать въ пламенѣющую грудь благородное побужденіе къ добродѣтели, какое утѣшительнѣйшее занятіе! О вы, которые часто неожиданно изливаете слезы радости, когда видите вокругъ себя предметы

благословенія и всю измѣняющуюся Натуру, близкую къ сердцу вашему! изъясните мнѣ сію радость! Порядочный достатокъ, удовольствіе, сельская тишина, дружество, книги, трудъ, спокойствіе, благоуспѣшная жизнь, приращеніе въ добродѣтели и одобреніе Небесъ, составляютъ истинныя радости и пріятное препровожденіе времени добродѣтельной согласной четы. Времена года срѣтаютъ ее всегда щастливою подъ безпрерывнымъ круговращеніемъ мятежнаго міра, и гармоническая весна возлагаетъ на главы милыхъ супруговъ свой собственной розовой вѣнокъ; а когда придетъ тихій и

ясный вечеръ, тогда они, послѣ долгаго весенняго дня жизни ставъ крѣпче въ любви, сохраня въ памяти многїе опыты взаимнаго дружества, совокупно погрузятся въ общественный сонъ, и свѣтлые духи ихъ взаимно воспарятъ въ горнїя селенїя, гдѣ Любовь и блаженство царствуютъ безконечно.

ЛѢТО.

СОДЕРЖАНІЕ.

Показывается матерія пѣсни. Призываніе, обращеніе къ Додингтону. Предварительное разсужденіе о движеніи небесныхъ тѣлъ, отъ котораго происходятъ перемѣны временъ года. Какъ въ сіе время года видъ Натуры бываетъ почти единообразенъ, то въ послѣдствіи пѣсни описывается лѣтній день. Утренняя заря. Восхожденіе солнца. Похвальная пѣснь солнцу. Утро. Описачіе лѣтнихъ насѣкомыхъ. Сѣнокосъ. Стриженіе овецъ. Полдень. Лѣсное уединеніе. Стадо различнаго скота. Тор-

жественная роща, какЪ она восхищаетЪ глубокомысленный духЪ. Паденіе воды и дикія явленія. ВзорЪ на лѣто жаркаго пояса. Буря сЪ громомЪ и молніею. Повѣсть. Послѣ грозы ясной вечерЪ. Купанье. Прогуливанье. ПереходЪ кЪ осматриванію богатой благоустроенной земли; оттуда течетЪ похвала ВеликобританцамЪ. Захожденіе солнца. ВечерЪ. Ночь. Лѣтнія воздушныя явленія. Комета. ВЪ заключеніи похвала Философіи.

ЛѢТО.

Отъ свѣтоносныхъ полей благорастворенннаго эѳира грядетъ желанное чадо солнца, лучезарное лѣто, грядетъ въ великолѣпіи юности, и проницаетъ бездны Натуры, сопровождаемо будучи жаркими днями и непрестанно вѣющими зефирами. Мимоидущая весна отвращаетъ уже румяный взоръ свой, и небо съ землею, повсюду улыбающеюся, предоставляетъ пламенному его обладанію.

Да спѣшитъ теперь Муза моя подъ тѣни густаго лѣса, едва солнечнымъ лу-

чемъ проницаемыя, и тамъ возлежа покойно на тучной муравѣ при брегѣ быстрой рѣки, по каменистому дну сквозь дубовые корни текущей, да поетъ славу вращающагося года!

Сойди, о вдохновенїе! отъ твоего сокровеннаго жилища, рѣдко смертными находимаго. Воображенїе мое да прїиметъ отъ сильнаго, восхищеннаго, и самое небо проницающаго взора твоего, свѣтлый лучь, тотъ лучь, которой творитъ Поэтовъ и каждую силу души возвышаетъ къ восторгу.

А ты, раннїй другъ юной Музы моей, въ которомъ соединены всѣ прїятности человѣка, чистый свѣтъ ума

и нѣжность сердца, отличный разумъ и мудрость, дружественность и благонравіе, остроуміе и доброта, въ изящной гармоніи содруженныя; безпорочная честность и дѣятельная ревность ко славѣ Британіи и ко благу человѣчества! Додингтонъ! внимай сельской моей пѣсни; снисойди къ моему предмету, одушеви каждую черту и научи меня заслужить твое справедливое одобреніе.

Какою дивною силою, всю вселенную вращающею, повержены были издревле тяжелыя планеты въ безпредѣльную пустоту, дабы въ теченіе многихъ вѣковъ, толь часто поглощавшихъ

въ бездну родъ человѣческій со всѣми искусно сооруженными ему памятниками, пребыли тверды, неутомимы и безпреткновенны въ путяхъ своихъ, и строжайше точны въ тихомъ измѣненіи дней, ночей и временъ года, безпрерывно круговращающихся! *И* сіе постоянное цѣлое уравновѣшивается, обращается и управляется по законамъ высочайше совершенною Десницею.

Когда по уклоненіи блеска пламенѣющихъ Близнецовъ багрѣетъ въ лучахъ солнечныхъ созвѣздіе Рака, царство нощи колеблется и сокращается. Скоро являетъ тихій взоръ свой утренняя заря, сія блюстительница

приближающагося дня, и мать росы, вначалѣ слабосвѣтающая въ струящемся разноцвѣтными полосами востокѣ. По томъ сїянїе увеличивается и распространяется по эѳиру. Отъ блеска лица его облака разсѣваются. Сѣдая ночь уклоняется поспѣшною ногою. Младый день разливается повсюду, и открываетъ виды въ пространныхъ окрестностяхъ. Влажная скала и мглою покрытое чело горы блестятъ утреннею ясностїю. Дымящїеся источники издаютъ сквозь сумракъ лазоревый цвѣтъ. Робкїй заяцъ боязливо угонзаетъ съ освѣщеннаго поля; а дикїй елень, пробѣгая сквозь лѣсъ, часто озирается, увидя ран-

няго путешественника. Теперь возстаетъ музыка, сей природный гласъ всеобщаго радованія, и повсюду раздаются громкіе лѣсные гимны. Пастухъ, крикомъ пѣтуха возбужденный и поспѣшно одѣтый, оставляетъ мшистый свой шалашъ, обитель мира, и въ порядкѣ выгоняетъ изъ хлѣва многочисленное свое стадо на свѣжую утреннюю зелень.

Уже ли человѣкъ не возстанетъ еще изъ льстивой роскоши? Уже ли не воспрянетъ отъ ложа нѣги и лѣности, дабы насладиться тихими, благорастворенными, бальзамическими часами, которые онъ долженъ принесть въ жертву

божественному созерцанію и священному пѣснопѣнію? Ужели сонъ столько имѣетъ прелестей, что и мудрый не возстанетъ изъ мертвеннаго забвенія, и будетъ губить скоролетящія минуты кратчайшей жизни въ совершенномъ оцѣпененіи своей души просвѣщенной, или утопать токмо въ суетномъ изступленіи, дикими зловѣщательными сновидѣніями коловращаемомъ? Кто захочетъ въ такомъ мрачномъ состояніи проводить времени больше, нежели сколько Натура повелѣваетъ, когда всѣ Музы и всѣ цвѣтущія радости желаютъ ублажить уединенную утреннюю его прогулку?

Уже торжественно грядетъ могущественный Царь дня. Разсѣвающїяся облака, пламенѣющая лазурь и осѣняемые злапотечною струею свѣта верьхи горъ радостно живописуютъ его приближенїе. Онъ во мгновенїе своего явленїя въ безпредѣльномъ величїи объемлетъ взоромъ всю блестящую росою землю и цвѣтами преисполненный воздухъ, и лїетъ свѣтозарный день, который возгоря сперва на вершинахъ скалъ, холмовъ, башенъ и извившихся рѣкъ, играетъ вдалекѣ живѣйшимъ блескомъ. О свѣтъ, великїй источникъ радостей; первое и наилучшее между всѣми матерїальными существами творенїе, ясное излїянїе

Божества, лучезарная одежда Натуры, безъ коея неописанной красоты все было бы погребено въ невещественный мракъ! и ты, о солнце, душа окружающихъ насъ міровъ, въ которой толь отлично являетъ себя Зиждитель твой! дерзну ли я васъ воспѣть?

Твоею движущею, тайною, крѣпкою силою вращается безпрепятственно весь планетный кругъ, яко неразрѣшимымъ узомъ сцѣпленный, отъ пространныхъ предѣловъ отдаленнѣйшаго Сатурна, въ тридцать лѣтъ свой путь совершающаго, до самаго Меркурія, котораго шаръ теряясь въ близкомъ ослѣпляющемъ твоемъ сіяніи, едва

может примѣчаемъ быть Философическимъ окомъ.

Водитель сонма планетъ, безъ коего животворящаго воззрѣнія безмѣрные шары ихъ былибы только грубыя, бездѣйственныя и мертвыя массы, а не цвѣтущія вмѣстилища жизни, каковы суть нынѣ! коль многіе роды существъ ожидаютъ тебя и дышатъ твоимъ вліяніемъ жизни, начиная отъ разрѣшеннаго отъ узъ, тобою возвышеннаго духа, до миріадъ тварей однодневныхъ, подъ твоимъ заходящимъ лучемъ толпящихся!

Отецъ временъ года! твой растительный міръ шествуетъ въ соотвѣтствующемъ трону твоему велико-

лѣтіи, когда сей въ восхищающей всю вселенную славѣ обтекаетъ ежегодно свѣтлымъ эклиптическимъ путемъ пространную твою область. Тогда народы, окруженные всюду различными растѣніями питающей земли, желаютъ и ожидаютъ твоихъ благодѣяній, или радостно возносятъ къ небесамъ общественную пѣснь благодаренія. А между тѣмъ времена года, скачущія вокругъ свѣтозарной твоей колесницы въ живѣйшемъ согласномъ гармоническомъ танцѣ, высылаютъ прекрасные розовые дни, нѣжновѣющихъ зефировъ, благорастворенные дожди, блистательныя, тучныя и легкія росы; а ди-

кихъ Бореевъ претворяютъ въ пріятное и тихое освѣженіе. Они постепенно дождятъ роскошною рукою всякую красоту и ароматы на травы, цвѣтки и плоды, пока весна, воспламенясь отъ прикосновенія твоего, разольется по всей вселенной неограниченными струями.

Но сила твоя не ограничивается еще оживотвореніемъ только поверхности земли, представляющей въ роскошномъ своемъ убранствѣ на холмахъ, въ долинахъ и тѣнистыхъ лѣсахъ толь многія прелести; она проницаетъ въ глубочайшія пропасти и раждаетъ тамъ минералы безпредѣльнымъ твоимъ могуществомъ. Отъ сего бле-

стітъ бѣлополосистой мраморъ и сіяетъ воинственное оружіе; отсюда благороднѣйшія дѣла мира ощастливливаютъ родъ человѣческій, а благодушная торговля связуетъ всѣ народы единою златою цѣпью.

Самая безплодная скала тайнымъ рожданіемъ твоимъ претворяется въ свѣтлый камень. *Яркій* алмазъ піетъ чистѣйшіе лучи твои. Когда сей собранный и сгущенный водный свѣтъ ясно полируется и играетъ всемъ своимъ врожденнымъ блескомъ, тогда въ суетномъ надменіи дерзаетъ оспоривать преимущество прелестныхъ глазъ красавицы, украшающей имъ грудь свою.

Тобою прозрачный рубинъ возвышаетъ блескъ неизъяснимаго своего колера, и горитъ внутри струистыми отливами. Отъ тебя сапфиръ, сей эѳиръ сгущенный, получаетъ голубой цвѣтъ небесный, и текущій пурпуромъ аметистъ, цвѣтами вечерней зари струящійся, есть плодъ твоего дѣйствованія. Желтый топазъ свѣтится твоею собственною улыбкою. Никакая зелень во всеобщей одеждѣ весны, первымъ дуновеніемъ зефировъ развиваемой, не можетъ сравняться съ цвѣтомъ смарагда; но въ бѣлѣющемъ опалѣ всѣ лучи твои играютъ совокупно, а иные скользя съ поверхности его, отли-

ваются въ различныхъ оттѣнкахъ зыбкихъ преломленныхъ колеровъ, по положенїю его въ рукѣ зрителя.

Отъ прикосновенїя твоего прїемлетъ видъ жизни самое мертвое творенїе. Отсвѣчивающаяся рѣка, тобою просвѣтленная, играетъ среди луговъ блистательнѣйшими струями. Быстрый водопадъ, ужасъ надъ черными волнами распростирающїй, при твоемъ возвращенїи утихаетъ. Пустыня во всѣхъ своихъ меланхолическихъ предѣлахъ изъявляетъ дикое сорадованїе. Самыя развалины тобою блестятъ, и соляная бездна, съ вершины острой горы созерцаемая, безпрерывно отражаетъ вол-

нующееся сїянїе до дальнѣйшаго края голубаго горизонта. Но сїе и все то, что восхищенная Муза пѣть можетъ, не касается еще и тѣни твоего достоинства, красоты и полезности, о великїй источникъ свѣта, жизни, красоты и радости на землѣ!

Но какъ дерзну я воспѣть Того, который есть самый свѣтъ; который облекшись свѣтомъ несотворенным, обитаетъ неприступно, для человѣческихъ очей ужасно и отъ чистаго Ангельскаго взора сокровенно? котораго единая улыбка возжгла искони преизобильной свѣтъ въ оныхъ свѣтильникахъ небесныхъ, кои вѣчно просвѣщаютъ безпредѣль-

ное небо? Когда бы Онъ сокрылъ лице свое, солнце и всѣ звѣзды погаснувъ, неудержно низринулись бы изъ круговъ своихъ, и паки бы явился древній хаосъ.

Но пусть бы всякой человѣческой нѣмотствующій языкъ безгласенъ былъ во хвалѣ Твоей, Отецъ Всемогущій! однако дѣла Твои всегда возносили бы общій гласъ, и прославляли могущество Твое въ самой глубинѣ уединенныхъ, никому еще несвѣдомыхъ лѣсовъ, и тоны ихъ раздавалися бы въ небесномъ хорѣ, воспѣвая Тебя, о вѣчная Причина, Основаніе и Цѣль всего существующаго!

Мнѣ же да будетъ отверсто пространное творенїе Натуры! Читать преисполненное ученїя писанїе ея, или при щастливо заимствованномъ оттуда вдохновенїи пѣть съ восторгомъ какой нибудь предметъ изъ оной, да будетъ единственнымъ моимъ удовольствїемъ, когда я буду ходить въ глубокомыслїи при наступленїи ночной темноты, или съ свѣтающимъ утромъ парить на орлихъ крылахъ воображенїя!

Уже могущественное солнце, воспламеняя небеса, растопляетъ верхнїя облака въ прозрачный воздухъ, и разгоняетъ утреннїе туманы, обвивающїеся около пригор-

ковъ разноцвѣтными полосами. Открытое лице Натуры блистаетъ повсюду до самаго отдаленнѣйшаго края, гдѣ земля какъ будто смыкается съ наклоненною сферою неба.

Росная прохлада, сокрываясь въ румянцѣ столиственныхъ розъ, удаляется подъ тѣни; и тамъ дремлетъ на злачномъ дернѣ или цвѣтникѣ, или подлѣ свѣжихъ родниковъ и тихихъ потоковъ, или погружается въ безмолвіе; а между тѣмъ палящій зной, распростираясь въ воздухѣ, съ неодержимою силою проливаетъ благословенное свое вліяніе на человѣковъ и звѣрей, на травы и свѣжія воды.

Кто можетъ смотрѣть безъ чувства сожалѣнія, какъ развившіеся поутру цвѣтки паки теряютъ свою живость отъ пронзительнаго луча? Такъ увядаютъ красавицы, когда лихорадки трясутъ голубыя ихъ жилки! Одинъ только подсолнечникъ, высокой послѣдователь Фебу, и огорчающійся захожденіемъ его, поднимаетъ въ верхъ желтые свои листья, которые во время ночи опущаются, и поставляетъ противъ лучей его влюбленную свою грудь. Уже пастухъ идетъ въ домъ съ своей утренней работы, и гонитъ стадо на стойло; а между тѣмъ мать многихъ агнцевъ съ полномлечными

сосцами блеетъ подлѣ веселаго шалаша его, и ожидаетъ принесть дань, пищу невинности и здравія. Вороны, галки, сороки направляютъ томный свой полетъ подъ тѣнистые дубы, обнимающіе спокойное село зелеными своими вѣтвями. Тамъ среди переплетшихся сучьевъ просиживаютъ онѣ, какъ въ бесѣдкѣ, все жаркое послѣполуденное время, пока наступятъ прохладные часы вечера. Тудажъ собираются и всѣ разслабѣвшія домашнія птицы. Въ темномъ углѣ и шумномъ отъ жужжащихъ мухъ, спитъ протянувшись дворная собака и праздный борзой кобель. Той грѣзится, что она на-

стигаетъ ночнаго вора, а сему, якобы скачетъ по холмамъ и долинамъ. Потомъ оса разбуждаетъ ихъ, и они воспрянувъ схватываютъ ее. — Муза не должна исключать изъ своей пѣсни малыхъ жужжащихъ лѣтнихъ роевъ, но возбуждать ихъ тѣмъ. Сїе не низко, хотя и просто. Сїи твари, имѣя связь съ солнцемъ, извлекаютъ изъ него животворящїй огнь.

Младыя насѣкомыя, возбужденныя теплымъ лучемъ его и оживленныя душею, возлетаютъ на легкїй воздухъ, будучи легче самаго воздуха. Они выпалзываютъ изъ всякой ущелины, изъ всякаго темнаго угла, гдѣ спали во

все время зимнихъ буръ, или воскресаютъ изъ гробовъ своихъ въ новую жизнь, и вдругъ начинаютъ толпиться неизчетными миріадами во всѣхъ перемѣнныхъ цвѣтахъ, какіе только можетъ изливать блистающій красотами родитель ихъ. Неизчетныя образованія и безконечно различные роды населяютъ солнечный свѣтъ. Нѣкоторыя, влекомы будучи погибельнымъ инстинктомъ, летятъ на свѣтящіяся воды; и тамъ кружатся, играя надъ поверхностью; или плывучи вдоль рѣки, поглощаются острозрячею форелью или бѣглою лососью. Иныя любятъ жить въ лѣсахъ, и тамъ въ свѣжей зелени играютъ

и питаются. Другія же избираютъ луга и посѣщаютъ каждой цвѣтокъ и каждую былинку, растущую скрытно. Ибо сладостное занятіе размноженіемъ своего рода и завиваніемъ невысиженныхъ еще дѣтей въ мягкія постельки, доставляетъ много дѣла нѣжной ихъ заботливости. А иныя поспѣшно летятъ въ домы, хлѣва или млечные погреба; садятся около крынокъ, и пьютъ или только отвѣдываютъ жирную сметану. Но часто отъ неосторожности находятъ свою погибель въ жидкомъ молокѣ, или попавъ въ сосудъ, завиваются въ объятія свои крылышка и умираютъ.

Особливо же на окнахЪ ожидаетЪ неосторожную муху неизбѣжная смерть, гдѣ злоумышленный паукЪ живетЪ вЪ темномЪ углѣ сЪ коварствомЪ и надменіемЪ. ОнЪ сидитЪ на стражѣ среди растерзанныхЪ труповЪ, и осматриваетЪ всѣ свои разставленныя сѣти. Всякой разЪ, когда безпечная тварь летитЪ мимо страшной его норы, ловецЪ высовываетЪ оттуда чело свое. Лишь только впадетЪ вЪ сѣть его добыча, онЪ бросается на нее сЪ яростною поспѣшностію по протянутой нити, пронзаетЪ сію нещастную острыми своими кохтями, и потомЪ отступаетЪ назадЪ сЪ неистовою радостію.

Дрожанїе крыльевъ и жужжанїе означаютъ сильнѣйшее ея страданїе и испрашиванїе помощи отъ руки добродѣтельной.

Все живетъ и поетъ на поверхности земной. И повсемѣстное жужжанїе не непрїятно слышать идущему лѣсомъ въ полдень въ молчанїи, или сонливому пастуху, когда онъ облокотясь лежитъ съ дремлющимъ полуоткрытымъ глазомъ подъ волнующеюся тѣнїю сѣдыхъ ивовыхъ вѣтвей, надъ рѣкою висящихъ.

Какое неизчетное множество тварей находится еще подъ сими родами, кои постепенно нисходятъ и скрываются даже отъ микроско-

ническаго зрѣнія! Натура преисполнена таковыми живыми роями, и есть какъ бы дивная масса животныхъ или организованныхъ атомовъ, ожидающихъ дуновенія жизни, какъ скоро раждающее Нѣбо повелитъ дохнуть духу своему. Стоячее болото гнилыми своими испареніями производитъ страшныя облака заразы. Посредствомъ испареній, изъ подземныхъ ущелинъ восходящихъ, куда едва могутъ находить путь самые проницательные солнечные лучи, воздымается одушевленная земля. Цвѣточные листки не имѣютъ недостатка въ мирныхъ жителяхъ. Камень множество содержитъ ихъ во внутрен-

ности излучистой своей цитадели. Особливо же древесныя вѣтви, изгибающїяся различно по вѣянїю рѣзвыхъ зефировъ, многолиственные сады и мягкое тѣло спѣлыхъ овощей питаютъ неизчетные роды различныхъ животныхъ. На цвѣтущихъ прудахъ живутъ невидимые оныхъ милїоны подъ волнующимся зелененїемъ. Всякая жидкость, какого бы она вкуса ни была, горькаго, сладкаго, жгущаго или освѣжающаго, раждаетъ безчисленные виды животныхъ. Ни чистѣйшїй кристальный родникъ, ни легкїй воздухъ не освобожденъ отъ сихъ невидимыхъ народовъ, хотя онъ и кажется прозрачною

пустотою. Тако все сїе сокрыто Премудростїю образующаго Неба по благости ея, дабы глазъ человѣка не зрѣлъ онаго. *Ибо* естьли бы сїи мїры, въ мїрахъ заключенные, представились его чувствамъ; онъ бы съ ужасомъ отвращался отъ амброзическихъ яствъ и отъ чаши исполненной нектара, и безпрерывно въ самую глухую полночь, когда всюду дремлетъ глубокое молчанїе, былъ бы оглушаемъ шумомъ и жужжаньемъ.

Престань, дерзкїй клеветникъ, нечестиво охуждать Творческую премудрость, якобы она сотворила что напрасно или безъ чудесныхъ намѣренїй. Уже

ли надменное невѣжество дерзнетъ порицать дѣла Божїи чуждыми премудрости, когда самая малѣйшая часть оныхъ далеко превосходитъ тѣсный кругъ понятїя духа его? Ужели критическое насѣкомое, взлетѣвъ на совершенно - пропорцїональный и на *великолѣпныхъ* столпахъ воздвигнутый храмъ, котораго она слабымъ своимъ взоромъ ни на одинъ вершокъ обнять не можетъ, ослѣпясь дерзкою самонадежностїю, отважится охуждать способъ архитектуры цѣлаго зданїя? Какой человѣческїй глазъ можетъ вдругъ обнять весь неизмѣримый чертежъ существъ, и опи-

сать зависимость и постоянное согласіе ихъ такъ, что твердо смѣлъ бы сказать о чемъ нибудь, что оно ни къ чему не годится? Кто обозрѣлъ безконечную цѣпь существъ отъ безпредѣльнаго совершенства въ постепенномъ низхожденіи до края страшнаго ничтожества, до самой темной бездны, отъ которой изумленная мысль со трепетомъ отступаетъ? Но пока достигнемъ мы къ сему созерцанію, будемъ возносить Богу усердное хваленіе и пѣсни священнаго удивленія и прославленія; Богу, котораго премудрость толь же милосердо втекаетъ въ души наши,

какъ исполнитель его велѣній, солнце, осіяваетъ улыбающіяся лица наши.

Въ оной рѣкѣ свѣта тысячи родовъ насѣкомыхъ повсемѣстно толпятся, играютъ, вьются и кружатся, пока крылатыя бури лютой зимы не сгонятъ ихъ съ лица дня. *Такъ* сластолюбивые человѣки проводятъ безпечно дѣтское лѣто своей жизни во блескѣ щастія, толь же скоро преходящаго, какъ и время года! Такъ преходятъ они *отъ роскоши* въ *роскошь* и отъ суетности къ пороку, пока наконецъ хищною смертію преданы будутъ забвенію и изглаждены изъ книги живота!

Уже сельскіе жители разсѣваются по пріятному лугу: крестьянской сынъ крѣпокъ и здоровъ отъ ежедневной работы. Загорѣвшая дѣвушка полна, какъ лѣтняя роза, сильнѣйшимъ солнечнымъ свѣтомъ осіяваемая. Она приходитъ туда полуодѣта съ румянцемъ стыдѣнія и со всѣми жаркими горящими на щекахъ прелестями. Тамъ же присутствуетъ и согбенная старость; дѣти влачатъ длинныя грабли, или валяются подлѣ копны душистаго сѣна въ дружескомъ взаимномъ лепетаньѣ. Трава всюду разбрасывается. Работники попеременно по идутъ впередъ длинными ря-

дами, то окружаютъ все поле, то разстилаютъ противъ солнца душистую жатву, которая по всему селенію разноситъ пріятный и освѣжающій запахъ. По томъ очищаютъ зеленѣющій матер僅 рикъ, сдвигаютъ съ луговъ безцвѣтную волну, и вывершиваютъ желтоватый и крѣпко складенный стогъ. По смежнымъ долинамъ въ тихомъ воздухѣ раздаются всюду съ вѣющими зефирами гласы щастливой работы, любви и взаимнаго удовольствія.

Тамъ идетъ великая толпа поселянъ и гонитъ робкихъ, многими собаками окруженныхъ овецъ, туда, гдѣ излучистый ручей пре-

вращается въ глубокое озеро, котораго одинъ край высокъ и крутъ, а другой разстилается песчанымъ положимъ брегомъ. Когда гонятъ овецъ въ воду съ крутой стороны, то многой трудъ и великой крикъ производятъ люди, рабята и собаки, пока кроткое и боязливое стадо ввѣритъ волнамъ свои шерстистые бока. Часто нетерпѣливый пастухъ схватываетъ иную и бросаетъ въ воду. Тогда даетъ она смѣлость и всѣмъ прочимъ: уже безъ всякаго препинанія скоро бросаются онѣ въ скачущія волны, и кашляя преплываютъ на другой берегъ. Послѣ того, когда хорошо вымытая шерсть

при неоднократномъ преплаванiи довольно напитается водою, и форель возмущенными волнами выгонится изъ своего жилища; кроткiя животныя, отяжелѣвъ и обмокнувъ, ложатся на высокихъ пригоркахъ. А между тѣмъ, какъ они разстилаютъ противъ солнечнаго луча волнистыя свои сокровища, наполняютъ всю окрестность жалобами на сдѣланное имъ безпокойство, недоумѣвая, что значитъ сей неистовой мятежъ, и безпрестанное ихъ блеянье раздается между холмами, отражаясь отъ скалы на скалу различными отголосками. Наконецъ снѣжнобѣлыя стада собираются безъ числа

на огражденныя стойла. Веселые пастухи садятся рядомъ и оттачиваютъ звонкїя ножницы: хозяйка со всѣми своими прїятно убранными служащими дѣвушками ожидаетъ богатой шерсти для валянья. Между всѣми ими особенно отличаетъ себя одна, которая сидитъ со всею благопрїятною осанкою какъ царица надъ пастушками, и бросаетъ ласковый взоръ съ прїятною улыбкою на царя пастуховъ, а окружающїя ихъ веселыя подруги предаются невиннымъ праздничнымъ забавамъ и безвреднымъ шуткамъ. Дѣло же между тѣмъ идетъ съ успѣхомъ: иные мѣшаютъ растопленный де-

готь, другіе на остриженныхъ овцахъ клеймятъ имя своего хозяина; иные тащатъ упрямаго козла, а крѣпкій и гордящійся своею силою юноша держитъ сердитаго барана за извитые рога его. Смотри, какъ тихо, какъ терпѣливо лежитъ сіе кроткое твореніе, и нуждающагося человѣка, сего господина, отъ многихъ другихъ животныхъ зависящаго, допускаетъ лишать себя собственной одежды! Какая тихость, какая невинность является въ меланхоличномъ жалобномъ его видѣ! Не бойся, кроткая тварь! не ножъ страшнаго убійцы чувствуешь ты, но хорошо направленныя ножницы кроткаго

твоего пастуха, которой, снявъ съ тебя обременительную тяжесть, шерсть твою, въ воздаянїе за годовыя издержки, выпуститъ опять на холмы къ веселому скаканью.

Простая сцена, но Британїя видитъ въ ней коренное свое величїе. Посредствомъ сего обладаетъ она знатнѣйшими богатствами и сокровищами подъ солнцемъ, привлекаемыми изъ каждаго яснаго климата, не подвергаясь бѣдствїямъ, съ оными сопряженнымъ. Симъ трудолюбивые жители побуждаются къ земледѣлїю, ремесламъ и художествамъ. Чрезъ сїе ужасный громъ ея раздается по волнамъ, ко-

торой и нынѣ виситъ и носится надъ укрощенными брегами Галлïи; симъ она господствуетъ надъ облежащими ее безднами водъ, и приводитъ въ ужасъ всю вселенную.

Наступаетъ жаркïй полдень! Солнце стоитъ прямо надъ главою, и въ прямой линïи бросаетъ могущественные лучи свои. Ослѣпительный блескъ его преисполняетъ небо и землю повсюду, куда токмо блуждающïй взоръ достигать можетъ, и все ихъ пространство отъ одного края до другаго обнято нераздѣльною пламенѣющею свѣтлостïю. Тщетно потупленное

внизъ око ищетъ облегченія! Отъ земли поднимается знойный паръ, и пронзительный свѣтъ поражаетъ мучительнымъ разслабленіемъ. Разсѣдшіяся поля и поблекшія рощи, опаляемыя зноемъ до самаго глубочайшаго корня роста, являются въ полумертвомъ цвѣтѣ; красоты воображенія изсыхаютъ, и самая душа увядаетъ. Уже пріятно звѣнящей косѣ нигдѣ не отвѣчаетъ эхо. Утомленный косецъ покрывается влажною душистою травою. Звучащій кузнечикъ едва слышенъ въ онѣмѣвшей муравѣ. Стонетъ вся удрученная Натура. Самыя рѣки издали кажутся изсохшими или

нетерпѣливо поспѣшающими укрыться въ лѣсныя тѣни.

О зной, все превозмогающїй! умѣрь твою жестокость. Не опаляй бїющихся нервъ моихъ съ такою непреоборимою силою. Ты льешься безпрерывно: каждая кипящая волна гонитъ другую, и *растекаетъ* вся на моемъ *темѣ*. Тщетно я воздыхаю и въ безпокойствѣ ищу отрады! тщетно желаю ночи! ночь далека, и наступаютъ еще жарчайшїе часы. О коль щастливъ тотъ, кто въ неосвѣщаемой солнцемъ странѣ романической, лѣсами увѣнчанной горы, покоится въ густой тѣни, или въ хладномъ, каприфолїемъ оброст-

шемъ гротѣ, подъ всегдашнимъ шумомъ журчащихъ ручьевъ, когда весь мiръ изнемогаетъ отъ жара безъ малѣйшаго прохлажденiя! Се много-знаменательная эмблема добродѣтельнаго мужа, которой среди мятежнаго, пороками пламенѣющаго мiра, духъ свой содержитъ въ умѣренности, чистотѣ и ясности, а страсти въ надлежащей гармонiи!

Здравствуйте, милыя тѣни! многолиственные кустарники, высокiя ели, почтенные дубы, шумящiя надъ стремнинами ясени! коль прiятно и сладостно сердцу ваше осѣненiе, какъ гонимому еленю скачущiй водометъ, или полная рѣка, прохлаж-

дающая трепещущїе бока его, когда онъ плыветъ по ней вдоль цвѣтущаго брега! Ваша прїятная прохлада освѣжаетъ всѣ нервы; глазъ и ухо получаютъ свою крѣпость, мышцы и мускулы твердѣютъ, и жизнь течетъ поспѣшно по легкимъ бедрамъ.

Подлѣ смежнаго ручья, которой, протекая сквозь звонкой лѣсокъ, то бѣжитъ по камнямъ, то поперегъ пересѣкаетъ обростшїй тростникомъ прудъ, то устремясь внизъ, вдругъ разливается рѣкою, или по широкой ровнинѣ течетъ прозрачными струями; тамъ стада овецъ и рогатаго скота представляютъ различ-

ныя группы, составляющія пріятный сельскій безпорядокЪ. Иныя лежатЪ и жуютЪ на травнистомЪ брегѣ; другія стоятЪ вЪ водѣ по колѣно, и часто нагибаются пить вЪ волнующейся поверхности. Посреди ихЪ крѣпкій рабочій волЪ опустя голову, не рѣдко трясетЪ почтеннымЪ челомЪ своимЪ; сЪ боковЪ сгоняетЪ хвостомЪ безпокойныхЪ мухЪ, непрестающихЪ возвращаться. Начальствующій пастухЪ беззаботно спитЪ среди подчиненныхЪ на мягкой травѣ, обнявЪ голову рукою. Здѣсь лежитЪ его кошель сЪ здоровою пищею, а тамЪ чуткая собака, слышащая самый малѣйшій шорохЪ.

Сонъ его скоро проходитъ, когда злыя осы случайно налетаютъ на стадо воловъ. Ибо сіи уходятъ тогда изъ мѣлкаго ручья и ищутъ глубокой рѣки; презираютъ пастушскій крикъ, и бѣгутъ съ клубящеюся пѣною вдоль всей ровнины, поднявъ пыль столбомъ и не смотря на жестокость палящаго полуденнаго зноя. Глухой стонъ, вырываясь изъ крѣпкой ихъ груди, раздается по пригоркамъ хрипучимъ эхомъ.

Рысакъ, подобно разъяренный въ сіе время, когда толстыя жилы его напрягаются жизненными духами, пламенѣя огненною силою, скачетъ чрезъ высокія ог-

рады въ волнованіи крови, и бѣжитъ по пространному полю съ дикимъ взоромъ и неустрашимымъ духомъ къ мрачнымъ волнамъ. Твердая, крутая шея его, сѣдалище крѣпости, останавливаетъ быструю рѣку. Жажда его неутолима! онъ пьетъ воду сугубымъ глотаньемъ, и храпя широкими ноздрями, поглощаетъ пѣнящуюся волну.

Но я прейду въ полуношную темноту рощи, гдѣ дикія и высокія древа составляютъ въ воздухѣ лѣсной хоръ и осѣняютъ лежащую подъ ними гору. При каждомъ торжественномъ шагѣ падаютъ на меня густѣйшія тѣни, и повсюду рас-

простирается величественный молчащій мракъ.

Здѣсь-то суть тайныя сѣдалища размышленій, гдѣ древніе Барды ощущали въ восторгѣ силу вдохновенія, и отлучась отъ міра, обращались съ Ангелами и безсмертными существами, отъ небесной Благости посылаемыми для предохраненія добродѣтели отъ паденія, въ сраженіи съ порокомъ утомленной; для наклоненія душъ къ чистѣйшимъ помышленіямъ и пріуготовленія ихъ ко предстоящимъ опредѣленнымъ искушеніямъ посредствомъ увѣщательныхъ внушеній и частыхъ сновидѣній; для воспламененія Поэта, посвятившаго

Музу священному пѣнію; для утоленія мученій умирающимъ; для отклоненія смерти отъ груди патріота, которой хотя и ненавидитъ губительную войну, но будучи вѣренъ въ своей должности, становится въ строй, какъ скоро его позовутъ; и для другихъ неизчетныхъ должностей любви, кои они ревностно исполняютъ денно и нощно.

Тысячи таковыхъ существъ, нисходя отъ нѣдра эѳира, торжественно и крестообразно проходятъ сквозь оный мракъ. Я чувствую священный ужасъ, и глубокое величественное удовольствіе протекаетъ сквозь смертную мою храмину. Мнѣ

зрится, якобы нѣкій возвышеннѣйшій гласъ, паче человѣческаго, касается внимательному слуху моего вообраЖенія: „Не устрашайся „насъ, бѣдный, но сродственный „ный намъ человѣкъ! Мы, „сотвари твои, получили „бытіе отъ могущества еди- „наго Отца; мы имѣемъ од- „ного Господа, одни законы „и одно великое назначеніе. „Нѣкоторые изъ насъ, такъ „какъ и ты, въ мятежной „жизни сражались съ буря- „ми, прежде нежели дости- „гли къ сей священной ти- „шинѣ и гармоніи духа, гдѣ „неизчетныя прелести чи- „стоты соединены съ кра- „сотами мира. И такъ не „страшися насъ, но въ семъ

„уединенномъ сумракѣ, не „будучи возмущаемъ неистовымъ буйствомъ козлогласующаго порока, пой съ „нами попеременно Натуру „и Бога ея. Здѣсь въ исполненный видѣнїй часъ, когда „царствуетъ молчащая полночь или тихїй полдень, „часто гремятъ Ангельскїя „лиры съ высокими голосами „въ полномъ концертѣ, отзывающимися въ обростшихъ „лѣсами холмахъ, низкихъ „долинахъ и тайныхъ пещерахъ сихъ рощей. Сїе преимущество мы только одни „дарствуемъ духовному созерцанїю или освященному „слуху Поэта; а отъ сего „дара возбуждается въ немъ „Серафимское пѣнїе.„

И ты, о Станлея (*)! толь рано оставившая насъ, и ты принадлежишь къ сему священному хору. Хотя поставлена ты превыше всѣхъ человѣческихъ страданій и радостей; однако при печальносладостномъ воспоминаніи чувствуешь любовь и страданіе нѣжной твоей матери. Она ищетъ тебя безпрерывно во многихъ прежнихъ явленіяхъ, ищетъ прекраснаго твоего лица, твоихъ любезныхъ свѣтлыхъ глазъ, пріятнаго обхожденія, одушевляемаго живымъ и здравымъ разсудкомъ, гдѣ кротко сіяла скромная му-

(*) Молодая Госпожа, знакомая Сочинителю, которая умерла на 18 году.

дрость безЪискуственной остроты, а добродѣтель горѣла во всѣхЪ улыбающихся пріятностяхЪ своихЪ безЪ примѣса надменія. Но, о наилучшая мать! отри свои слезы, или паче принеси вЪ жертву слезы благодарственной радости всеобщей чадолюбивой Матери, что она снабдила тебя на время симЪ развивающимся цвѣткомЪ просвѣщеннаго твоего духа и вожделѣннаго достоинства. Вѣрь моей Музѣ, что хладное дуновеніе смерти не убиваетЪ ростка добродѣтели. НѣтЪ, онЪ подЪ небеснымЪ лучемЪ яснѣйшаго Солнца будетЪ возрастать вЪ высшихЪ силахЪ вЪ безконечныя времена.

Восхитясь небеснымъ видѣнїемъ, восхожу я на гору въ совершенномъ забытїи себя, пока шумъ ближняго водопада возбудитъ каждое чувство изъ очарованїя мыслей. Вдругъ отступаю назадъ и останавливаюсь, разсматривая представившееся явленїе.

Многоводная рѣка тихо и величественно течетъ до самаго навислаго края, гдѣ накопясь во множествѣ, съ громомъ низвергается съ высокой крутизны и потрясаетъ всю окрестность. Сверьху спускается она въ видѣ широкой лазоревой завѣсы; потомъ сїя полоса увеличивается по мѣрѣ стремленїя падающей воды, и отражаясь

отъ звонкихъ камней въ видѣ пѣнящагося облака, разливаетъ всюду сѣдой туманъ и производитъ непрерывный дождь. Но кипящія волны не могутъ еще успокоиться здѣсь, а въ безпрерывномъ круженіи то ударяются объ разсѣдшіеся камни и сыплютъ брызги на разбросанныя развалины и обломки ихъ; то устремляются въ выбитой каналъ, и падаютъ неровными полосами съ одной скалы на другую; или съ дикимъ и прерывистымъ бѣгомъ и съ уменьшеннымъ кипѣніемъ достигаютъ до ровнаго дна, а наконецъ вливаются въ длинныя излучины спокойной тихой долины.

Быстропарящій орелъ, уклонясь отъ каменнаго утеса, на мрачномъ челѣ коего онъ водворялся, разсѣкаетъ легкими крылами струи свѣта и устремляетъ грудь свою противъ самыхъ лучей солнца, когда всѣ роды поющихъ птицъ въ разслабѣніи укрываются въ тѣнистые кустарники, или только изрѣдка и попеременно даютъ услышать свой голосъ то въ той, то въ другой рощицѣ. Горлица томно воздыхаетъ, сидя одна въ меланхолическомъ лѣсѣ печально. Иногда прерываетъ она свои жалобы; но кратко время молчанія утоленной печали. Горестная мысль о умерщвленномъ ея супругѣ, котораго

хитрый и безжалостный птицеловъ похитилъ у нея, скоро паки возвращается въ ея воображенïе; и тогда вопль жалости громко раздается по лѣсу.

Я возсяду на брегѣ рѣки въ самый свѣжïй и влажный воздухъ, на пустой пещеристой дикой скалѣ, на широкихъ мхомъ обросшихъ креслахъ, подъ осѣняющею главу мою многоцвѣтною зеленью, гдѣ пчелы прилѣжно работаютъ и обременяютъ себя чистымъ бальзамомъ душистаго каприфолïя.

И здѣсь смѣлое воображенïе укрѣпясь прохладою тѣни, когда Натура послѣ полудни дремлетъ сномъ глубокимъ, да простретъ

свой быстрый полетъ къ созерцанію чудесъ жаркаго пояса, того жестокаго климата, противъ котораго здѣшній солнечный зной есть теплота, и самый горячій воздухъ прохлада.

Зри, какъ тамъ яркое солнце прямо восходитъ, скоро сгоняетъ съ неба краткую зорю, и мощнымъ владычествомъ своимъ проницая весь прозрачный воздухъ пламенѣющею свѣтлостію, востекаетъ уже на горній тронъ свой; но милостиво посылаетъ еще благотворный вѣтръ, отъ вратъ востока исходящій (*), для умѣренія

(*) Такой безпрестанно дуетъ между поворотными кругами

своего зноя и для освѣженія изнемогающаго міра. Се суть великія явленія, увѣнчанныя плодоносною красотою и богатствомъ дикихъ народовъ, кои ежегодно видятъ возвратъ солнца и сугубыя (*) времена года. Тамъ находится множество дорогихъ камней; горы чреваты рудами, кои подъ высокимъ

съ востока или съ сѣверо-и юго-востока. Сіе происходитъ отъ давленія утонченнаго воздуха наблизъ лежащую къ оному атмосферу, по мѣрѣ ежедневнаго движенія солнца отъ востока къ западу.

(*) Солнце по годовому своему движенію вездѣ между поворотными кругами стоитъ дважды перпендикулярно; а отъ сего должно происходить и оное дѣйствіе.

экваторомъ простираются длинными цѣпями, и изъ коихъ вытекаютъ многія златородныя рѣки; величественные лѣса блестятъ неувядаемою зеленью, и волнуются надъ холмами въ видѣ многоразличныхъ и постепенно возвышающихся рядовъ, или безпредѣльной обширности глубокихъ тѣней, распространяющихся до отдаленнѣйшаго горизонта; тамъ древа, пѣвцамъ древнимъ несвѣдомыя, сіи благородныя порожденія могущественнаго зноя и влаги, свыше нисходящей, воздымаютъ до облаковъ иглистые свои стержни, и далеко бросаютъ отъ себя полуденную тѣнь; неизчетные плоды, испол-

ненные тонкаго вкуса и жизненной силы, пїютъ въ вѣчной веснѣ своей удвоенный свѣтъ, отъ преломленїя его между скалами и жгущими песками, окружающими ихъ кустистыя долины притекающїй, и въ грубыхъ своихъ оболочкахъ содержатъ благопрїятнѣйшїй сокъ, способный утолять жаръ несноснаго климата.

Пренеси меня теперь, о Помона! въ твои цитронныя рощи, гдѣ лимоны, душистый липовой цвѣтъ и зеленогнѣющїе померанцы сливаютъ во едино свой свѣтлой блескъ; поставь меня подъ развѣсистымъ тамариномъ, который, колеблемъ будучи рѣзвымъ зефиромъ, сы-

плетъ плоды свои, утоляющїе огневицу; прохлади мои горячїе члены въ глубокой тѣни, отъ твердой акацїи разливающейся; поведи въ лабиринтъ безконечныхъ алей Индѣйскихъ смоковницъ. Или позволь мнѣ, распростерщись спокойно на прекрасномъ холмикѣ подъ прохладнымъ вѣянїемъ зефира, смотрѣть, какъ надъ главою моею волнуется зеленѣющїй кедръ, и высокїй пальмовый лѣсъ осѣняетъ меня прелестною своею тѣнїю. Дай мнѣ въ сихъ вертоградахъ солнца испить чашу млечнаго какао, или освѣжающаго пальмоваго вина, несравненно цѣлебнѣйшаго, паче всякаго умо-

изступляющаго Бахусова сока. И ты, полный гранатъ, не долженъ быть забытъ, сколькобъ низко ни висѣлъ къ землѣ на тонкой своей вѣткѣ, такъ какъ и вы, прохладительныя по лѣсамъ ползущія ягоды! Часто скромная доброта, въ низкомъ мѣстѣ укрывающаяся, превосходитъ хвастливую величавость. Ты сему свидѣтель, прекраснѣйшій ананасъ, слава растительной жизни, превосходящій все то, что древніе Поэты могли изобрѣсть во время златаго вѣка. Скоро дай мнѣ себя обнажить изъ плотной твоей оболочки, раскрыть амброзическія твои богатства и быть гостемъ у Юпитера.

Теперь открываются многоразличные виды. Здѣсь распростерты предо мною неизмѣримыя ровнины и безпредѣльныя долины. Блуждающій взоръ теряется, какъ въ синемъ Океанѣ. Флора играетъ на поляхъ живѣйшими цвѣтами и обильнѣйшими сладостями, далеко превосходящими славу садовъ нашихъ, и на скоромъ полетѣ дождитъ изобильную весну. Ибо долины часто мѣняютъ зеленую свою одежду на огнѣющую смуглость, и по томъ опять на зеленую, по мѣрѣ господствованія пламенѣющаго солнца, или проливныхъ дождей и росныхъ вліяній.

Въ оныхъ пустынныхъ странахъ, гдѣ великая Натура, чуждая маловажныхъ произведенiй искусства, обитаетъ въ величественномъ уединенiи и водитъ только дикiя стада, незнающiя стойлъ никакого господина; тамъ широкiя рѣки движутъ тучныя свои волны. Въ жирномъ ихъ тростникѣ лежитъ протягшись и полусокрывшись, на подобiе упадшаго кедра, дикообразый крокодилъ съ расширеннымъ своимъ хвостомъ, покрытый зелеными чешуйчатыми щитами. Волны раздѣляются; се чудовищный бегемотъ въ сгибистомъ панцырѣ воздымаетъ главу свою. Пущенная изъ лука стрѣла, скользя

въ ребръ его, сокрушается на мѣлкія части; а онъ безбоязненно идетъ полемъ и навѣщаетъ холмы, гдѣ когда ѣстъ кормъ, окружающія его стада забываютъ себя и смотрятъ съ удивленіемъ на безвреднаго чужестранца.

Тамъ, гдѣ древа отъ самой древности осѣняютъ густою своею тѣнію желтый Нигръ, и гдѣ Гангесъ вращаетъ освященныя свои волны; или въ центральной глубинѣ темныхъ, торжественное зрѣлище представляющихъ лѣсовъ, покоится грузный слонъ, благоразумнѣйшее животное, одаренное сильною, но не губительною мощію. Онъ зритъ

спокойно на круговращающїе подверженную перемѣнамъ землю вѣка человѣческїе, на возвышенїе и паденїе государствъ, и не страшится никакихъ замысловъ рода человѣческаго, никогда дѣйствовать непрестающаго. Трикраты щастливъ онъ, естьли только можетъ избѣгать сѣтей, поставляемыхъ для уловленїя его ради звѣрскаго корыстолюбїя, или чтобъ чудовищною его величиною придать славѣ своей вящшую пышность; или наконецъ чтобъ употребить во зло его крѣпость, и среди сраженїй возбудить его къ неистовству, гдѣ онъ самъ ужасается и дивится буйству смертныхъ.

Вдали за извившимися рѣками собираются стадами блистательныя птицы, красующіяся живыми цвѣтами своего убранства: рука Натуры, покрывшая сіи пернатые роды игривою суетностію, роскошно разливаетъ здѣсь пріятнѣйшіе свои колера. Но въ то самое время, когда она даетъ имъ блескъ всѣхъ прекрасныхъ лучей свѣта, хозяйственнымъ образомъ унижаетъ ихъ въ пѣніи (*). Мы не завидуемъ ихъ разноцвѣтной одеждѣ, которую заимствуетъ отъ нихъ Мекси-

(*) Во всѣхъ странахъ жаркаго пояса птицы перьями пред сходнѣе нашихъ, но въ пѣніи хуже.

канское царство, блестящее въ легïонахъ своихъ неограниченною славою; не завидуемъ, когда съ нами нашъ соловей, когда въ нашихъ тѣняхъ сей скромно одѣтый пѣвецъ поетъ свои пѣсни во время тишины внимающей ночи.

Но теперь, Муза моя, прейди сквозь пустыни и дикïя песчаныя сумрачныя степи. Пребѣги скорѣе трудолюбиваго каравана Сеннеарскую долину; быстро вознесись на Нубïйскïя горы и смѣло протеки сквозь тайные предѣлы ревнивой Абиссинïи. Ты не хищникъ, приходящïй подъ личиною взаимной коммерцïи ограбить ее всемъ богатствомъ, ниже

одна изъ изрыгающихъ хулу противъ неба Фурій, ищущихъ истребить миръ освященнымъ оружіемъ. Нѣтъ, ты можешь, на подобіе скромной пчелы, свободно прелетать съ одного изящными цвѣтами блистающаго луга на другой, съ ясминнаго куста на другой; можешь весело прохлаждаться подъ тѣнію пальмовъ и въ ароматическихъ рощахъ, дающихъ ровнинамъ пріятность, а населеннымъ пригоркамъ одежду; въ рощахъ, волнующихся надъ такими горами, кои превышаютъ самыя Алпы. Тамъ на досязающей до эѳира высотѣ, или на ужасныхъ каменныхъ утесахъ, которые изъ пресѣкае-

мой солнечными лучами долины воздымаютъ верьхи свои до свѣжаго умѣреннаго воздуха; тамъ, гдѣ стоятъ чертоги, храмы и грады, улыбаются сады и обработанныя поля, кипятъ и струятся источники, и безпечно пасутся стада овецъ и рогатый скотъ; въ семъ безмятежномъ, никакого нападенія не страшащемся мірѣ, я буду дышать эѳирною душею; стану пить животворный воздухъ, исходящій преизобильно изъ душистыхъ кустарниковъ и благовонныхъ долинъ; слушать въ небольшомъ разстояніи шумъ волнъ и водопадовъ, износящихъ дѣвственное злато изъ разверзшихся нѣдръ земли,

поспѣшно текущихъ по всей разнообразной окрестности, и кипящихъ жизнію всѣхъ прекраснѣйшихъ родовъ животныхъ. О чудесная страна! на тебя солнце свѣтитъ безпрерывно прямымъ лучемъ, якобы оно отлично любило твою пріятную окружность, и находило удовольствіе въ освѣщеніи ея.

Какъ премѣнилась вся картина! солнце при высочайшемъ пламени полудня вдругъ погрузилось въ густѣйшій мракъ. Теперь господствуетъ глубокое молчаніе, и всюду распростирается ужасный сумракъ, неровно смѣшанный изъ нощи, со днемъ борющейся. Безпрестанно поднимающіеся

пары и страшныя тучи въ великомъ множествѣ движутся поспѣшно и спираются под жаркимъ экваторомъ, гдѣ утонченный воздухъ отступаетъ назадъ и не препятствуетъ ихъ стремленїю. Они попеременно коловращаются бурными вѣтрами, или тихо и медленно несутся, будучи обременены богатыми сокровищами испаряющаго Океана. Между тѣмъ среди сихъ вышнихъ явленїй, сгущающихся около хладнаго чела возвышенной горы и спершихся отъ влажныхъ вѣтровъ, громъ утверждаетъ свое черное и страшное сѣдалище. Ярыя молнїи сыплются изъ облаковъ, а наконецъ и весь низ-

вергшійся клубъ, растопясь въ яростномъ сраженіи стихій, проливается безпрерывными рѣками и сильнымъ стремленіемъ водъ.

Сіи сокровища были сокрыты отъ ограниченнаго изслѣдованія древней науки; сокровища, изъ которыхъ преизобилующій Нилъ, богатый царь рѣкъ, ежегодно получаетъ свое величіе. Онъ, вытекая чистыми струями изъ двойнаго своего родника въ жаркомъ Гоямскомъ государствѣ, пресѣкаетъ свѣтлое озеро прекрасной Дембеи еще слабымъ ручьемъ. Тамъ воспитанъ будучи Наядами, проводитъ свою рѣзвую юность между ароматическими островами, которые улы-

баются вокругъ его никогда не увядающимъ зеленѣнїемъ. Оттуда горделиво течетъ уже сильною рѣкою. Собирая въ себя многїе ручьи и потоки, и будучи щедро питаемъ всѣми сокровищами воздуха, извивается далѣе съ возрастающимъ величїемъ своимъ, и протекаетъ чрезъ славныя государства, или по дикимъ, пустымъ и песчанымъ степямъ, пока наконецъ оставя скучныя пустыни, весело низринетъ свою урну съ Нубїйскихъ гремящихъ стремнинъ, и обрадуетъ Египетъ расширеннымъ токомъ.

Тожъ дѣлаетъ и братъ его Нигръ, со всѣми прочими рѣками, въ коихъ жирныя

Африканскія дѣвушки прохлаждают горячіе черносвѣтлые свои члены, и которыя от хребтов лѣсистых гор, драгоцѣнную Индію пресѣкающих, текут к предѣлам Коромандела, или впадают в синее море, от восточной рѣки Менама (*), свѣтящагося ночью блестящими насѣкомыми, до самой той страны, гдѣ Аврора розовокрасным дождем орошает улыбающіеся брега Индуса. Всѣ онѣ отверзают теперь свои урны и преисполняют

(*) Сія рѣка течет чрез Сіам. На брегах ея много находится насѣкомых, огненными мухами называемых, которыя ночью дѣлают хорошій вид.

землю невоздѣлываемою жатвою.

И твой освѣженный мiръ, о Колумбъ! пiетъ такую же роскошную влагу жаркаго времени года. Многовѣтвистый Оронокъ покрываетъ пространные свои острова темноцвѣтнымъ наводненiемъ, а уроженецъ той страны спѣшитъ на высокiя деревья, которыя составляютъ его довольство жизни, его жилище, одежду, пищу и оружiе. Безмѣрный Ореланъ (*), преизобилующiй водами, изъ безчисленныхъ рѣкъ текущими, съ громомъ низвергается съ вершины ре-

(*) Амазонская рѣка.

вущихъ Андовъ (*). Муза едва дерзаетъ простерть свой полетъ чрезъ сїе ужасное сонмище стремительныхъ водъ, и описать великую, морю подобную Плату, противъ коей ужасной широты, глубины и длины теченїя наши рѣки суть токмо ручьи. Онѣ текутъ съ неодержимою силою и въ величественномъ молчанїи чрезъ несвѣдомыя царства, цвѣтущїя пустыни, страшныя степи и уединенные мїры, гдѣ солнце улыбается напрасно и времена года изобилуютъ да-

(*) Великая цѣпь горъ, простирающихся отъ Сѣвера къ Югу въ провинцїи Перу и Хили до Магеллана.

рами безполезно. Оставя сіи мѣста, онѣ прекрасно разливаются по населеннымъ ровнинамъ, и въ тихомъ своемъ лонѣ спокойно заключаютъ многіе цвѣтущіе острова, сѣдалище безпорочнаго Пана, еще ненарушенное и невозмущенное злодѣяніями сыновъ Европы. Тако проливаясь далѣе, гордѣливо ищутъ онѣ безднъ, коихъ побѣжденныя волны, ударомъ ихъ отраженныя, вмигъ отступаютъ отъ сей текучей тяжести земнаго полушарія; и тогда потрясается вся область синяго Океана.

Но къ чему служитъ сіе дивное пространство богатства, сіе улыбающееся изо-

билїе роскошныхъ даровъ, сїе великолѣпїе Натуры? На что бальзамическїе луга, цѣлебныя ихъ травы и не воздѣлываемыя жатвы? Къ чему служатъ не насаждаемые плоды ихъ, всюду разносимые птицами и силою вѣтровъ? прохладительные напитки, амброзическая пища, ароматическїя смолы и здоровыя коренья, въ тамошнихъ лѣсахъ раждающїяся? трудолюбивыя насѣкомыя, пышные шелки и одежды растительнаго царства? Ахъ! къ чему пользуютъ ихъ сокровища, глубоко въ нѣдрахъ земли сокрытыя, Голкондскїе алмазы и руды печальной Потозы, гдѣ прежде обитали мирные сыны солнца?

Къ чему все то, что влекутъ съ собою златыя Африканскія рѣки, всѣ благовоннѣйшіе лѣса, всѣ магазейны блистательныхъ слоновыхъ костей?

О народъ, судьбою нещастный! пріятныя искуства мира, ученіе человѣчества, устами Музъ преподаемое, божественная премудрость кроткаго сердца, распространеніе свѣта истины, твердая сила размышленія; спокойное изслѣдованіе, коего молчащая власть обладаетъ всемъ міромъ; руководствующее къ небесамъ ученіе, благое и единообразное правительство, сила и власть законовъ, покровительствующее человѣколю-

біе, единственно подкрѣпляющее имя и достоинство человѣка: все сіе удалено отъ твоихъ дикихъ странъ. Самое благое солнце является жестокимъ сему печальному міру, и яркимъ своимъ лучемъ, изсушающимъ весь нѣжный цвѣтъ красоты, образуетъ на лицахъ токмо смуглый цвѣтъ и грубыя черты; или, еще хуже, воспламеняетъ кипящія ихъ души къ безчеловѣчнымъ дѣламъ неистовой ревности, слѣпой ярости и бѣшенаго мщенія. Тамъ любовь не обитаетъ; тамъ нѣтъ нѣжныхъ взглядовъ, нѣтъ сердечныхъ слезъ, любезной кротости и несказаннаго удовольствія сладостнаго

человѣколюбія. Сіи качества дружелюбно послѣдуютъ теченію умѣреннаго климата; а въ дикомъ они подавляются корыстолюбивымъ и упорнымъ вожделѣніемъ и неистовою яростію сладострастнаго ощущенія. Даже и царство животныхъ участвуетъ тамъ въ семъ неистовствѣ, воспламеняясь страшнымъ огнемъ.

Зри, какъ зеленая змѣя выпалзываетъ въ полдень изъ темной норы своей, къ которой самое воображеніе приступить страшится, свертываетъ свой хвостъ въ неизчетныя кольца, и потомъ раскидываясь снова, ищетъ освѣжающаго родника. Здѣсь расположась, выпрямляетъ

свои сгибы; и когда сїе чудовище, высунувъ грозный языкъ и мертвящее жало, играетъ своимъ пламенѣющимъ гребнемъ, тогда всякое другое жаждущее животное бѣжитъ отъ нея, поблѣднѣвъ и ужаснувшись, или смотритъ издали, и отнюдъ *приближиться* къ ней не смѣетъ. Но еще опаснѣе та малая коварная служебница рока, коей кипящїй ядъ бросаетъ въ жилы быструю молнїю и вдругъ пресѣкаетъ струю жизни. Сїе чадо мстительной *Натуры* сотворено для усмиренїя человѣка. — Тамъ дикое порожденїе звѣрей рыщаетъ въ безбоязненномъ кровожадничествѣ, и пользуется темнымъ часомъ

злодѣяній и жестокости, когда ясный день закрываетъ священное свое око: тигръ, бросающійся стремглавъ и безъ всякой жалости на добычу, когда пламенѣющій глазъ его не успѣетъ еще сдѣлать о ней приговора къ смерти; свѣтлоблистательный, пестрый и многоцвѣтный леопардъ, красота пустыни; гїена, всякому искуству укрощенія посмѣвающаяся, острѣйшими зубами вооруженная, между злѣйшими звѣрями наилютѣйшая: всѣ выходятъ изъ необитаемыхъ лѣсовъ Мавританіи, или съ обростшихъ деревьями острововъ, среди Ливїйской пустыни воздымающихся, и въ неизчетномъ множествѣ

слѣдуютъ за храбрымъ царемъ своимъ, величественно идущимъ по сыпучему песку, оставляя въ немъ глубокїе слѣды стопъ своихъ, и повелительнымъ многоповторяемымъ ревомъ требуютъ опредѣленной своей пищи. Робкїя овцы бѣгутъ толпами въ свои хлѣва; а благороднѣйшїя стада, лежа подлѣ сильнаго и великорослаго быка съ спокойнымъ жванїемъ, слушаютъ со трепетомъ приближающуюся ярость. Встревоженные поселяне дрожатъ, а мать безсмысленное дитя свое прижимаетъ къ трепещущей груди. Невольникъ, убѣжавшїй изъ вертепа морскаго разбойника, или изъ тиран-

ственныхЪ кохтей лютаго Марокка, желаетЪ опять своихЪ оковЪ, когда слышитЪ тотЪ дикій ревЪ, раздающійся по пустынямЪ отЪ самаго Атласа до устрашеннаго Нила.

Коль нещастенЪ жребій того, кто бывЪ отлученЪ отЪ сообщества, и лишенЪ сего первѣйшаго удовольствія, долженЪ жить уединенно вЪ семЪ мертвенномЪ мірѣ! Здѣсь каждый день восходитЪ онЪ печально на возвышенный пригорокЪ и смотритЪ на безпрерывно волнующееся море. Часто на отдаленнѣйшемЪ краю, гдѣ обтекающій землю эѳирЪ сливается сЪ ОкеаномЪ, исполненЪ будучи тайнаго

желанія, представляетъ онъ себѣ корабли, кои ему яко изъ за облаковъ исходящими кажутся въ сумракѣ. Вечеромъ бросаетъ томный взоръ на заходящее солнце, и тоскующее сердце его изнемогаетъ отъ печали; а между тѣмъ безпрерывное обуреванїе и шумъ волнъ оглушаютъ его чрезъ цѣлую скучную ночь. Однако въ сїи мрачныя жилища ужасовъ неустрашимые Римляне уклонились нѣкогда отъ униженнаго Рима и неправеднаго Кесаря, сопровождая своего Катона чрезъ Нумидскїя степи, и презирая прекрасныя ровнины Кампанїи и всѣ цвѣтущїя прїятности Авзонїи, когда тамъ должны были

преклонять рабское колѣно и ласкательствомъ получать милости кичливаго разбойника.

Еще не окончались здѣсь ужасы сихъ странъ. Отверженные демоны, ангелы гнѣва, часто разъяряютъ тамъ стихіи. Жаркій задушающій вѣтръ, вылетая изъ безпредѣльной пещи неба, и изъ пространныхъ, блестящихъ, горячимъ пескомъ кипящихъ степей, вдругъ убиваетъ путешественника до смерти. Самый верблюдъ, сей терпѣливый въ жаждѣ и работѣ сынъ пустыни, чувствуетъ, что сіе огненное дыханіе пронзаетъ сердце его до изнеможенія. Или изъ багроваго широко разверз-

шагося неба вдругъ вырывается вихрь, грозный братъ вѣтра. Кучи песка взвиваются на воздухъ и быстро кружатся, часъ отъ часу болѣе сгущаются и крутятся, пока вся степь, восхитясь общею поглощающею бурею, вдругъ возлетаетъ на воздухъ. *Нещастный караванъ*, съ опасенїемъ остановившїйся при источникѣ въ полуденное время, или ночью погруженный въ бѣдственный сонъ, въ мигъ погребается подъ низпадшими горами. Нетерпѣливый и удивленный купецъ тщетно ожидаетъ тогда онаго на многолюдныхъ улицахъ Каира, и Мекка напрасно жалѣетъ о долгомъ промедленїи.

Особливо же въ морѣ, гдѣ каждая зыбкая волна повинуется ударамъ вѣтра, неистовствуютъ яростные вихря. Въ ужасномъ безбрежномъ Океанѣ, подъ свѣтлозарною линіею, препоясующею шаръ земной, царствуетъ кружащійся Тифонъ (*), возвращаясь отъ одного тропика до другаго, и со страшнымъ Экнефіемъ истощаетъ всю ярость облаковъ. Иногда среди неба, ложно ведреннаго, водворяется сильная непогода, сжатая въ небольшое облако (**). Сіе

(*) Тифонъ и Экнефій суть имяна особливыхъ вихрей или орканов, которые извѣстны только между поворотными кругами.

(**) Корабельщики называютъ его воловьимъ глазомъ, потому

малое предзнаменованїе, примѣчаемое токмо опытнымъ глазомъ, является въ высотѣ огненнымъ и пагубоноснымъ, или на челѣ горы приготовляетъ свою бранную силу. Демонъ предпосылаетъ токмо слабо-вѣющїй вѣтерокъ или обманчивую тишину, дабы наклонить къ погибели напряженные паруса. Потомъ вдругъ низвергается весь клубъ пламени, ревущихъ вѣтровъ и стремительныхъ волнъ. Мореходецъ ужасается и оцѣпенѣваетъ, и тогда искуство не успѣваетъ ему помочь. Уже ширококрылый корабль

что оно сначала не болѣе сего кажется.

его, неожиданною судьбою пораженный, пїетъ преливающїяся волны и погружается въ темное лоно бездны. Съ таковою яростїю моря сражался отважный Гама (*) чрезъ многїе дни и страшныя ночи безпрерыно близь бурнаго мыса, будучи водимъ смѣлымъ честолюбїемъ, а паче жадностїю къ злату. *Ибо тогда* возникающїй коммерческїй мїръ выходилъ уже изъ древней тьмы. Духъ мореплаванїя, который въ отчаянномъ небреженїи дремалъ цѣлыя столѣтїя на пространной Атлан-

(*) Васко де Гама первый ѣздилъ въ Остъ-Индїю около Африки мимо мыса Доброй Надежды.

тической глубинѣ, былъ тогда возбужденъ, и наконецъ послѣдовалъ Лузитанскому Принцу (*), которой будучи одушевленъ отъ самаго Неба, возвысилъ родъ человѣческій къ любленію полезной славы и соединилъ весь міръ неограниченною коммерціею.

Къ вящшему умноженію ужасовъ сего вихря живетъ еще здѣсь страшный морскій песъ, котораго гнусная пасть вооружена тройною

(*) Генрихъ третій Принцъ Португальскаго Короля Іоанна перваго. Побужденіе сильнаго духа его къ открытіямъ новыхъ земель было знатнѣйшимъ источникомъ всѣхъ новѣйшихъ исправленій науки мореплаванія.

смертїю. Онъ привлекается запахомъ духоты народной, прилипчивой болѣзни и смерти: и се уже спѣшитъ онъ, разсѣкая соляныя волны, съ такою быстротою, съ какою вѣтръ можетъ нести корабль, и отъ дружины безчеловѣчныхъ промышлениковъ, которые нещастную Гвинею лишаютъ дѣтей своихъ, требуетъ себѣ части добычи, требуетъ ихъ самихъ. Наступаетъ буря, судьба погибели, и равная смерть поглощаетъ тиранковъ и невольниковъ; а звѣрь жадно пожираетъ растерзанные ихъ члены, обагряетъ кровїю море и роскошествуетъ на семъ пиру мщенїя.

Когда солнце печально смотритъ на сей міръ, безмѣрно наводненный равноденственными дождями, и гонитъ на верьхъ многія испаренія изъ болотъ и зыбей, гдѣ цвѣтутъ гнилости и производятъ миріады опустошительныхъ животныхъ; или изъ лѣсовъ, непроницаемыхъ тѣней и гнилыхъ вертеповъ, наполненныхъ смрадомъ, тлѣніемъ и тьмою, куда отчаяніе никогда еще не дерзало простерть ноги своей: тогда свирѣпствуетъ яростная и губительная сила заразительной язвы. Тысячи гнусныхъ враговъ сопровождаютъ теченіе ея, воспламеняютъ болящую Натуру и низвергаютъ въ

отчаяніе и погибель всѣ высокія надежды и надменіе человѣка. Таковая недавно еще подъ Кареагеною погасила огнь Британскій. Ты, храбрый Вернонъ, видѣлъ сію жалостную сцену; ты зрѣлъ, какъ крѣпкая рука храбраго воина получала слабость младенца; ты зрѣлъ мучительную тоску, страшныя лица, блѣдныя и дрожащія губы и помертвѣвшее око, въ которомъ не было уже никакого огня. Ты слышалъ стоны сраженія съ смертію, по всему флоту раздающіеся; слышалъ ночью низверженіе многихъ труповъ въ темныя волны, когда блѣдные приставники, устремя глаза другъ на друга, ка-

жется молча спрашивали себя въ печальномъ предчувствіи, кого прежде судьба позоветъ.

Нужно ли мнѣ описывать тотъ жестокой климатъ, гдѣ сіе наистрожайшее чадо Немезисы толь часто нисходитъ на болящій градъ? *Сія великая губительница* произошла (*) изъ ядовитыхъ лѣсовъ Ебіопіи, изъ заразительныхъ нечистотъ Каира и изъ смрадныхъ полей, наполненныхъ гніющими стадами саранчи. Звѣри избѣгаютъ страшной

(*) Докторъ Меадъ въ превосходной своей книгѣ поставляетъ сіи причины первымъ источникомъ язвы.

ея свирѣпости, но невоздержный человѣкъ есть опредѣленная ей добыча. Надъ порочными его чертогами собираетъ она чреватое смертію облако, которое, не будучи разсѣваемо животворными вѣтрами, не смѣющими уже дышать тамъ цѣлебнымъ вѣяніемъ, а проникнуто различными вредными смѣшеніями, кажется угрюмымъ и гнѣвнымъ. Царственная мудрость потупляетъ свое бдительное око. Мечь и вѣсы выпадаютъ безъ дѣйствія изъ руки ослабѣвающаго правосудія. Нѣмѣетъ гласъ радованія и умолкаетъ шумъ трудолюбиваго міра. Улицы пустѣютъ и заростаютъ дурною

необычайною травою. Веселое мѣсто собранія людей вдругъ превращается въ печальную пустыню. Нѣтъ въ городѣ никого, развѣ когда изъ нещастнаго дома, заключеннаго безчеловѣчною стражею и обладаемаго неслыханнымъ ужасомъ, вырвется *зараженный* бѣднякъ въ дикомъ искаженіи; тогда громко вопіетъ онъ къ небесамъ, и строгую стражу поноситъ буйствомъ и безчеловѣчіемъ. Печальная *не зараженная еще дверь опасается отверстія* и гнушается всякаго сообщества. Пріязнь, дружба, родство и самая любовь превращаются въ жестокость отъ сего бѣдствія, и забываются нѣжныя узы и

вожделѣнныя обязанности чувствительнаго сердца. Однако самолюбивая осторожность ни мало здѣсь не пользуетъ. Сводъ неба и пространный воздухъ наполняются смертїю. Всѣ одинъ за другимъ падаютъ и умираютъ въ уединенной тоскѣ, не простясь, безъ призрѣнїя и безъ оплаканїя. Мрачное отчаянїе распростираетъ врановое крыло свое надъ низпроверженнымъ градомъ; и для усовершенствованїя сцены всюду распространяющагося опустошенїя, вездѣ стоятъ неумолимые стражи, которые запрещаютъ всякой выходъ, и бѣгущаго нещастнаго поражаютъ лучшею смертїю.

Еще многое бы осталось воспѣть: продолжительныя жестокости мѣдянаго неба и желѣзныхъ полей, когда опустошаемый годъ повергается въ гладъ и сухость; неистовствующія горы, воспаляемыя полуденнымъ зноемъ до безмѣрной ярости и изрыгающія на воздухъ огненные столбы свои; гибельныя землетрясенія, въ подземномъ мірѣ раждающіяся, невозвратно исторгающія огромные грады изъ твердыхъ ихъ основаній, и погребающія горы въ пламенѣющемъ жерлѣ своемъ. Но довольно! теперь возвратись назадъ, блуждающая Муза! тебя призываетъ ближайшее явленіе ужаса.

Зри, какъ надъ тусклымъ лѣсомъ мало по малу сгущается необыкновенный мракъ, очреватѣвшій грознымъ чадомъ, изшедшимъ изъ сокровеннаго жилища минеральныхъ рожденій, и разширяясь по пространству воздуха, занимаетъ весь сводъ небесный. Селитра, сѣра и огненная пѣна жирной смолы, возлетая съ парами на воздухъ многоразлично кипящими струями сокровеннаго пламени, обезображаютъ воздухъ, и клубятся въ темномъ облакѣ, въ багрѣющемъ мракѣ, въ магазейнѣ смерти; пока отъ ѳирнаго прикосновенія, или отъ удара облака и сильнаго сраженія борющихся вѣ-

тровъ, при глубокой въ нижней атмосферѣ тишинѣ, съ ужасомъ и яростїю расторгнутся. Страшное молчанїе всюду господствуетъ, куда токмо простирается мрачный воздухъ; по томъ глухой звукъ, предвѣстникъ бури, катится съ горъ по ревущей землѣ, останавливаетъ теченїе водъ и потрясаетъ древесный листъ безъ всякаго вѣтра. Жители воздуха поспѣшно стремятся въ самую низкую долину, и любящїй непогоды вранъ едва осмѣливается летать въ семъ неизвѣстномъ сумракѣ. Стада овецъ стоятъ въ печальномъ оцѣпенѣнїи и робкїй взоръ свой обращаютъ на грозное небо, бывъ оста-

влены человѣкомъ, которой укрывается во многолюдномъ шалашѣ, или ищетъ убѣжища въ темномъ гротѣ.

Между тѣмъ, какъ все повергается во внимательный ужасъ и безмолвное удивленіе, вдругъ предъ изумленнымъ окомъ проявляется на югѣ молнія, и извиваясь скрывается въ облакахъ. За нею слѣдуютъ страшные гласы грома съ сильнымъ трескомъ. Туча сперва величественно шумитъ на краю неба; но чѣмъ ближе подходитъ и движетъ по вѣтру ужасную свою тяжесть, тѣмъ сильнѣе блистаютъ - змїеобразныя молнїи, а громъ ударяетъ оглушительнѣе; блѣдножелтое сїя-

нїе, безпрестанно сверкая и изчезая, и всегда ширѣе и ближе, поглощаетъ весь воздухъ въ палящемъ своемъ пламени. По томъ вырывается сильный трескъ, разширяется, раздается, сливается, слѣдуетъ громъ за громомъ, ударъ за ударомъ, и потрясаетъ небо съ землею.

Тогда проливаются рѣки сильнаго дождя, или шумящаго града. Разрывающїяся облака изливаютъ цѣлыя моря. А между тѣмъ непреоборимая молнїя всюду бросается съ неугасимымъ пламенемъ, въ видѣ извивающейся змѣи, или зубца, или красныхъ вертящихся шаровъ, и опаляетъ горы съ

удвоенною яростїю. Пораженная ударомъ ея сосна стоитъ на холмѣ почернѣвъ, и кажется теперь печальнымъ раздробленнымъ пнемъ; а на землѣ лежатъ распростершись бездыханныя группы побитаго скота. Здѣсь кроткїя овцы, съ тихимъ своимъ взоромъ, какой имѣли живыя, и воображенїю представляется, будто онѣ жуютъ еще; тамъ нахмуренный волъ, или полустоящїй быкъ. Почтенная башня съ остроконечнымъ шпицемъ, на окруженной замками горѣ стоящая, оставляетъ многолѣтную свою славу. Темные лѣса сотрясаются отъ блеска молнїи, и трепещущїе жители ихъ бѣгутъ отъ по-

жирающаго пламени въ глубочайшія норы. Среди Карнарванскихъ горъ раздается ужасный ревъ, и сокрушенные верьхи дикихъ страшно воздымающихся къ небу Пенманмурскихъ скалъ съ сильнымъ громомъ катятся въ пламенѣющую бездну. Вершина Сновдена, въ одинъ мигъ растаявшая, лишается зимней своей тяжести; горятъ верхи жаркаго Шевіота, издали усматриваемые, и ужасный гулъ раздается въ самыхъ отдаленнѣйшихъ островахъ Исландіи.

Порочный, внимая сему съ возмущеннымъ чувствомъ, блѣднѣетъ; однако судьба не всегда на виновную главу

наноситъ ударъ. Юный Селадонъ и его нѣжная Амелія были несравненная чета. Они сотворены съ одинакими достоинствами и пріятствомъ; поломъ только различались. Амелія была какъ сіяніе прекраснаго утра, а Селадонъ какъ блескъ полуденнаго солнца.

Они любили другъ друга; но чистосердечная и взаимная привязанность ихъ подобна была той, которая въ самомъ началѣ міра владѣла сердцами невинности и безпритворной искренности. Любовь ихъ была дружба, возвышаемая взаимными желаніями, восторгами надежды и симпатическимъ жаромъ, обнимавшимся во вза-

имныхъ ихъ взглядахъ. Они, пожертвовавъ собою любви, были другъ другу дороги, и высочайшее ихъ щастіе состояло во всевозможномъ стараніи доставлять удовольствіе и радость своему любезному. Они всегда проводили дни въ дружественномъ уединенномъ обхожденіи. Сердца ихъ разливались во всегдашнемъ собесѣдованіи; а когда чего изобразить не могли, воздыхали и другъ на друга глядѣли. Жизнь ихъ текла, какъ свѣтлая рѣка струилась, и никакими заботами не была возмущаема, пока въ роковой часъ, во время нѣжной прогулки, не поразилъ ихъ громъ, когда они, не смотря на отда-

ленность и излучины пути своего, ходили беззаботно, щастливы будучи другъ другомъ, и когда пастушеская любовь всюду распростирала вокругъ ихъ улыбающійся и неувядаемый Эдемъ. Амелія, угнѣтаемая страхомъ приближающейся опасности, смущалась необычайными вздохами; часто бросала на Селадона томные взоры, и слезы катились по блѣднымъ щекамъ ея. Утѣшительная любовь и упованіе на Небо не могли утишить страха ея. Онъ умножался и потрясалъ все зданіе до основанія. Селадонъ примѣтилъ необыкновенную тоску въ своей возлюбленной, и какъ Ангелы взира-

ютъ на умирающихъ праведниковъ, такъ онъ смотрѣлъ на нее преисполненными сострадания и нѣжнѣйшей любови очами. „Не бойся, говорилъ онъ ей, кроткая не„винность, не знающая пре„ступлений и никакой внут„ренней брани! Тотъ, кото„рый теперь облекаетъ небо „грозною тьмою, взираетъ „на тебя съ ласковою улыб„кою. Тайная стрѣла, въ „полуночи убивающая, без„вредно пролетитъ мимо те„бя, какъ спокойный тихий „полдень. Тотъ самый гласъ, „которой сердце злодѣя пора„жаетъ ужасами, твоему „внушаетъ миръ Серафим„скимъ языкомъ. Щастливъ „и я, что близъ тебя нахожу

„убѣжище и могу прижимать „тебя къ моей груди, вож„делѣнное совершенство!„ Въ тотъ самый мигъ, о Небо исполненное таинства! молнія поражаетъ прекрасную Амелію, и изъ объятій Селадона повергается на землю темноблѣдное мертвое тѣло. Кто можетъ описать тогдашнее состояніе нещастнаго любовника, пораженнаго дикимъ изумленіемъ, безмолвно жизнь проклинающаго и поверженнаго въ мертвящее страданіе сердца? Онъ стоялъ (слабое изображеніе!) какъ согбенная на мраморномъ гробѣ, искусно представленная, вѣчно молчащая и страданій исполненная статуя печали.

Разсѣянныя облака бѣгутъ въ безпорядкѣ отъ лица неба; безпредѣльная верхняя атмосфера просвѣтляется и обтекаетъ вселенную чистою своею лазурью. Облегченный воздухъ при благорастворенной тишинѣ блистаетъ вышшимъ сїянїемъ; а между тѣмъ блещущая одежда радости покрываетъ поля многоразлично измѣняющимся великолѣпїемъ златожелтыхъ лучей, якобы въ знакъ миновавшей опасности, и вся Натура улыбается теперь въ новой жизни.

Вездѣ блистаетъ красота, вездѣ раздаются прїятныя пѣсни, смѣшанныя съ ревомъ коровъ и попеременнымъ блеянїемъ овецъ, па-

сущихся въ раздѣляемой рѣкою долинѣ. Уже ли человѣкъ, паче всѣхъ тварей облагодѣтельствованный, нарушитъ гармонїю сихъ хвалебныхъ пѣсней? человѣкъ, долженствующїй давать тонъ хору сего нижняго мїра мысленно-глаголющимъ своимъ гласомъ? Уже ли онъ такъ скоро забудетъ ту Десницу, которая утишила громъ и просвѣтила небеса? уже ли допуститъ погаснуть возбужденной грозою искрѣ и чувствованїю могущества, толико превосходящаго силу его, прежде нежели слабое сердце его опомнится отъ страха?

Исполненный огня юноша, благорастворённымъ вре-

менемъ возбужденный, спѣшитъ къ пруду, коего въ кристальной глубинѣ свѣтится песчаное дно. Нѣсколько времени стоитъ онъ на берегѣ, удивляется отсвѣчивающейся въ водѣ, на изворотъ стоящей окрестности и приходитъ въ нѣкоторую робость, видя въ ней голубую бездну; по томъ бросается головою въ струящуюся воду. Спустя одно мгновенїе, выныряетъ на верьхъ съ русыми своими кудрями и розовыми щеками, и по зыбкимъ волнамъ, отъ каждаго дохновенїя его колеблющимся, пролагаетъ себѣ свободный путь, пособїемъ стройныхъ мышцъ и лядвѣй; а между тѣмъ съ чистыхъ

боковъ его отливается на веселыхъ зрителей струистый блескъ въ видѣ росныхъ каплей.

Се есть наиполезнѣйшее упражненіе здравія и пріятнѣйшее освѣженіе въ лѣтнее жаркое время. Я бы и тогда, когда холодная зима проницаетъ сквозь свѣтлыя воды, не сталъ долго колебаться съ свойственною слабымъ робостію броситься въ волны. Сіе прибавляетъ намъ вѣка, и часто смѣлый пловецъ спасаетъ симъ жизнь свою въ непредвидѣнныхъ опасностяхъ. Купаньемъ укрѣпляются мускулы и нервы наши, и самая мышца Римлянъ, толико прославившаяся побѣдами своими надъ

покоренною землею, вЪ самомЪ еще дѣтствѣ училась укрощать волны; да и душа наша отЪ чистоты тѣлесной получаетЪ нѣкое тайное симпатическое ободренїе.

ВЪ густой тѣни частаго орѣшника, кЪ коему примыкалась широкая долина, прїятными пустынями окруженная, сидѣлЪ задумавшись молодой ДамонЪ, сладостнымЪ мученїемЪ любви пронзенный. Горько жаловался онЪ падающей сЪ крутыхЪ горЪ сЪ прїятнымЪ шумомЪ рѣкѣ и нѣжно дышущему зефиру, игравшему около навѣсистыхЪ ивЪ, на притворную суровость Музидоры. Она чувствовала его пламень; но по робкой стыд-

ливости или по дѣвичьей спѣси таила еще глубоко въ своемъ сердцѣ сїе сладостное взаимное чувствованїе, развѣ иногда нечаянно вырывалось оно изъ потупленныхъ ея глазъ въ скромныхъ взглядахъ, или изъ глубокихъ вздоховъ бїющейся груди. Плѣнясь красотою того мѣста, и будучи твердъ въ своемъ словѣ, написалъ онъ тамъ весьма трогательную пѣсенку для испытанїя ея сердца и для обнаруженїя чувствуемой ею страсти. О прещастливой пастухъ! весьма выгодный случай, которой часто рѣшитъ судьбу сильныхъ Монарховъ, рѣшилъ теперь и твою. Музидора, по руководству весе-

лыхъ божковъ любви, сама посѣтила сїе прохладное уединенїе. Жаркое время года горѣло на щекахъ ея, и она въ легкой одеждѣ пришла прохладить въ свѣжей рѣкѣ горячїе свои члены. Что ему тутъ дѣлать? Нѣсколько минутъ былъ въ сладостномъ замѣшательствѣ и лестной нерѣшимости. Чистая правота души, тонкая нѣжность чувствованїя и малое знакомство привели его въ застѣнчивость и заставили удалиться. О вы, герои добродѣтели, строгїе судїи! скажите, что бы вы сдѣлали? — — Между тѣмъ прекраснѣйшая Нимфа, каковой ниже Аркадскїя рѣки не имѣли щастїя видѣть, осмотря

скромнымЪ взоромЪ каждой берегЪ, начала раскрывать исполненные красотЪ свои члены. АхЪ! не столько билось сердце Париса на обросшей соснами вершинѣ горы Иды, когда богини соперницы безпринужденно снимали сЪ себя эѳирныя свои покрывала, какЪ теперь твое, о ДамонЪ! когда Музидора сЪ снѣжно-бѣлой своей лядвѣи и стройной ноги спускала легкое платье; когда нѣжное прикосновенïе руки ея разрѣшило дѣвическïй поясЪ и изЪ распахнувшейся тонкой сорочки со всѣми прелестями открылась жадному твоему взору юная попеременно бïющаяся грудь. Но, о дерзкïй юноша! какЪ мо-

жешь ты отважиться смотрѣть на такое восхищающее душу зрѣлище, когда съ обнаженныхъ ослѣпляющихъ бѣлизною своею бедръ ея, искуснѣйшею рукою Натуры гармонически расположенныхъ, тонкое бѣлье катилось внизъ порхающими сгибами, и когда прїятно обнаруженная красавица, стоя на берегѣ, укрывалась отъ себя самой, и стыдясь воображенїя, тревожилась самымъ тихимъ прикосновенїемъ зефира, и робѣла, какъ боязливая серна? — Она бросилась въ воду. — Раздѣленная струя приняла милаго гостя въ волнистыя свои объятїя. Каждая красота сдѣлалась тутъ нѣжнѣе,

каждая прелесть живѣе, и отливала отъ себя кроткій блескъ; подобно какъ лилея пріятно отсвѣчивается въ кристаллѣ, или какъ свѣжая въ рукѣ Авроры роза отъ утренней росы горитъ нѣжнѣйшимъ румянцемъ. Между тѣмъ, какъ она свободно рѣзвилась въ волнахъ, то полускрываясь подъ поверхностію воды, то вынырял вверхъ съ своими волнистыми косами, разбросанными до половины тѣла по блестящимъ членамъ, скрывающійся Дамонъ влекъ въ душу свою очарующія струи красоты съ такою силою, что изступленный духъ его долго порѣваемъ былъ къ самому дерзновеннѣйшему сла-

столюбію. Но почтительная благопристойность любви воспретила ему то. Хищничество почиталъ онъ порокомъ. Онъ вырвался изъ тѣнистой бесѣдки и весьма скоро побѣжалъ, бросивъ на берегъ дрожащею рукою сіи поспѣшно написанныя строки: „Мойся моя красавица, „никѣмъ еще не видѣнная, „кромѣ священнаго ока вѣр„нѣйшія любви! Я спѣшу „обезопасить твое пребыва„ніе, и отъ уединенія твоего „удалить всякую дерзновен„ную ногу и нескромный „глазъ.„ Поражена будучи чрезвычайнымъ удивленіемъ, нѣсколько времяни стояла она неподвижно, какъ бы превратясь въ бузчувствен-

ный мраморъ, на подобіе извѣстной, всю вселенную обворожающей статуи (*), скрывающей со стыдѣніемъ безсравненную красоту и всѣ прелести, коими торжествуетъ Греція. Опомнясь, бросилась она къ своему платью (которое въ блаженномъ раю было еще неизвѣстно), и надѣвъ оное съ торопливостію и въ безпорядкѣ, подняла устрашительную записку. Но какъ скоро увидѣла весьма знакомую руку своего Дамона, изчезли страхи ея, и трепещущее сердце пронзено было нѣжнѣйшимъ чувствованіемъ какихъ-то смѣшанныхъ не-

(*) Венера де Медицисъ.

описанныхъ движенiй. Безпорочная стыдливость, прелестный румянецъ невинности, почтенiе и удивленiе пламени любовника, скромностiю его увеличенному, и также чувство самолюбiя о собственной красотѣ, непримѣтнымъ образомъ вкрались въ толпу мыслей ея; и смущенiе души ея мало по малу премѣнилось въ нѣжное успокоенiе. Тогда на толстомъ буковомъ деревѣ, надъ рѣкою висѣвшемъ, написала она лѣснымъ перомъ сельскихъ любовниковъ сiи слова, которыя Дамонъ вскорѣ по томъ со слезами радости цѣловалъ: „Дражайшiй юноша! един„ственный судья смысла

„сихъ строкъ! много облаго-„дѣтельствованный щасті-„емъ, и ахъ! не меньше оща-„стливленный отъ любви! „будь всегда такъ благоразу-„менъ и скроменъ, какъ те-„перь. Можетъ быть скоро „придетъ такое время, ког-„да уже не будешь имѣть „нужды убѣгать.„

Солнце умѣрило силу зноя; отъ спускающагося внизъ шара его лїется теперь животворящая теплота и кроткое сїянїе, которое многоразличными лучами озаряетъ облака, сїю пышную и торжественную одежду небесъ, которая непрестанно измѣняется въ разные романическїе виды, на подобїе сновидѣнїй пробуж-

дающагося воображенія. Чреватая земля, спѣлымъ житомъ всюду покрытая, изготовляетъ полную годовую дань, веселясь о всѣхъ произведеніяхъ своихъ. Теперь настаетъ желанный часъ прогулки, вопервыхъ тому, кто любитъ уединенно посѣщать отдаленные холмы, ради дружественнаго тамъ бесѣдованія съ Натурою, или чтобъ по тону гармоніи настроивать свое сердце, и трогательною пѣснію внушать другимъ сладости и красоты оной; вовторыхъ друзьямъ, щастливымъ сердечнымъ союзомъ сопряженнымъ, предъ которыми изящнѣйшая Натура раскрываетъ всѣ свои прелести, никогда тру-

бою чернїю невидѣнныя; которыхъ умы богато снабдѣны философическими дарами и возвышеннѣйшими проницанїями, и которыхъ сердца пламенѣютъ любовїю къ добродѣтели, хотя сынъ вольнодумства и роскоши почитаетъ ее романическимъ вымысломъ. Сихъ вызываетъ теперь преклоняющїйся день къ наслажденїю. Прїятная прогулка ведетъ ихъ въ зеленыя бесѣдки лѣсовъ, въ великое торжественное собранїе Натуры; и въ семъ кроткомъ училищѣ, въ коемъ нѣтъ гордаго учителя, каждый учится и учитъ въ дружескомъ искренномъ собесѣдованїи. Симпатическїя души оставляютъ теперь шум-

ныя собранїя, и предаясь сладостному уединенїю, изливаютъ другъ другу сердца свои въ восторгахъ, одобряемыхъ и подтверждаемыхъ любовїю. А намъ куда, милая Аманда! направить свой путь? трудно рѣшиться. Но на что затрудняться выборомъ? съ тобою мнѣ вездѣ равно прекрасно. Пойдемъ ли мы по той змїе-образной излучинѣ ручья, или вдоль смѣющагося луга, въ густой лѣсъ, среди волнующейся жатвы? Или взойдемъ на пригорокъ веселаго Сена (*); ибо свѣтящее солнце открываетъ те-

(*) Такъ въ старину назывался Рихмондъ. *Сейнъ* на старомъ Саксонскомъ языкѣ значитъ *блескъ*.

перь всю его красоту. Оттуда обозримъ всю безпредѣльную окрестность: простремъ быстрый и восхищенный взоръ на обширную столицу, на оба смежные и замыкающіе долину пригорка; на высокобашенный Гарровъ, или гдѣ царственный Виндзоръ (*) воздымаетъ величественное чело свое. По томъ, въ пріятной противоположности сему славному виду и его тихой возвышенности, обратимъ взоръ туда, гдѣ сребристая Темза начинаетъ теченіе свое между полями и селами. Тамъ око мое да насыщается всѣми пріятно-

(*) Дворецъ, на высокомъ мѣстѣ построенный, въ 20 миляхъ отъ Лондона.

стями, роскошно да блуждаетъ по висячимъ лѣсамъ, осѣняющимъ Гаррингтоново уединенїе. Оттуда сойдемъ въ зеленыя алеи Гама, подъ тѣнїю которыхъ достопочтенный Квеэнсбури, удаляясь отъ мїра въ невинномъ спокойствїи, еще до нынѣ оплакиваетъ своего Гая съ прелестною другинею своего сердца; и гдѣ многоученый Корнбури снискиваетъ благопрїятство своей Музы. Тамъ будемъ медленнымъ шагомъ проходить несравненную долину Темзы, толь благопрїятствующую къ обитанїю Музамъ въ Твитнамскихъ бесѣдкахъ (*), гдѣ онѣ хода-

(*) Г. Поппъ въ Твитнамѣ имѣлъ очень хорошїй загородный домъ.

таинствуютъ о своемъ Попѣ у отца поэзiи. По томъ обратимся къ Королевскому Гамптонскому дворцу, къ Клермонтскимъ высокимъ насыпямъ, къ Эсерскимъ рощамъ, гдѣ Пелгамъ (*) въ сладостномъ уединенiи, обнимаемомъ тихими излучинами спокойной Малы, находитъ свое отдохновенiе отъ дѣлъ государственныхъ. О прелестныя, очаровательныя мѣста! ничто съ вами сравняться не можетъ, чѣмъ нѣкогда въ пѣсняхъ Музъ славилась Ахаiа и Гесперилы. О долина щастiя! о холмъ,

(*) Пелгамъ, знаменитый въ тогдашнее время государственный человѣкъ.

тихо возвышающійся, гдѣ богиня земледѣлія, возлежа спокойно, съ полнымъ удовольствіемъ смотритъ на чудныя дѣла свои!

О небо! какой изящный открывается видъ пригорковъ и долинъ, кустарниковъ и лѣсовъ, блестящихъ башенъ и позлащенныхъ рѣкъ до самыхъ предѣловъ теряющагося въ сумракѣ горизонта! О щасшливая Британія, гдѣ просвѣщеніе и трудолюбіе одушевляютъ каждаго сына отечества благоуспѣшною бодростію, и господствуя неограниченно до самыхъ отдаленнѣйшихъ хижинъ, разсѣяваютъ всюду изобиліе щедрою рукою!

Земля твоя изобильна, твой климатъ благорастворенъ; рѣки твои отъ частой лѣтней засухи не пресыхаютъ; твои защитительные дубы чрезвычайно рослы, долины зыблются златыми волнами, а на горахъ блѣютъ неизчетныя стада овецъ, окружаемыя группами ревущаго чернаго рогатаго скота. Луга твои пестрѣютъ и противоборствуютъ орудїю косца. Во всѣхъ странахъ возвышаются замки и города; села твои преизобилуютъ богатствомъ. Земледѣлецъ обезопасенъ въ своей собственности; работаетъ съ удовольствїемъ, и неутомимъ въ вѣрныхъ трудахъ своихъ.

Города твои преисполнены сынов художества. Во всякой рабочей слободѣ слышен стук ремесла и глас удовольствія. Самый наемник весел и бодр, потѣя под плугом, или обтесывая с пыли квадратные камни для палат. — Твои многолюдныя гавани наполнены судами, коих высокія мачты представляют необозримый проспект. Там господствует неусыпная дѣятельность и трудолюбіе, и отзывается громкое эхо мореходца, когда он, распустя всѣ паруса и предав корабль силѣ вѣтра, в послѣдній раз кричит: *прощай!*

Великодушные твои юноши храбры, постоянны, любезны. Они, укрѣплены будучи трудами и научены самыми опытами опасностей, всюду покаряютъ народы, куда токмо шагнутъ. Они первые въ строю сраженія какъ на сушѣ, такъ и на бурномъ Океанѣ. Но ты блистаешь и кроткою славою, когда глубокомысленные патріоты твои, возвышенные умомъ и ученостію, всякою добродѣтелію и достоинствомъ знаменитые; сіи искренніе, откровенные, гостепріемные и благодѣтельные сыны отечества, въ высокихъ засѣданіяхъ Парламента начертываютъ планы ненарушимому миру, всякимъ

изобилїемъ преисполняющему. Но когда сїи мужи раздражены бываютъ, уподобляются грому и молнїи, и сильныхъ враговъ своихъ устрашаютъ, а стенающимъ подъ игомъ угнѣтенїя служатъ единственнымъ прибѣжищемъ.

Ты произвела многихъ сыновъ славы: тебѣ принадлежитъ Алфредъ, въ которомъ блескъ побѣдоносной войны при добромъ правленїи соединенъ былъ съ ревностнѣйшимъ стремленїемъ къ миру. Каждая добродѣтель ублажаетъ священное имя его, и самыя Музы его любятъ, его, наилучшаго Государя. При немъ блистаютъ твои Эдуарды и Ген-

рихи, драгїя славному потомству имена: они первые внушили глубокїй страхЪ твоего оружїя горделивымЪ ГалламЪ, коихЪ еще нынѢ Генїй ихЪ ужасаетЪ. Ты имѢешь многихЪ мужей государственныхЪ и патрїотовЪ. Ты произвела твердомысленнаго Моруса (*), который съ великодушнымЪ, хотя и заблужденнымЪ поревнованїемЪ, сопротивлялся корыстолюбной ярости дикаго тиранна. ОнЪ былЪ твердЪ, какЪ КатонЪ; справедливЪ, какЪ АристидЪ; благородно-нищЪ, какЪ стро-

(*) КанцлерЪ и великїй мужЪ XVI вѢка. Ему отрубили голову за непризнанїе Генриха VIII начальникомЪ церкви Англинской.

тій Цинциннатъ. Неустрашимая душа, пребывшая непоколебимою, и на самую смерть съ улыбкою взиравшая! Мудръ и хозяйственъ твой Вальзигнамъ (*), а Дракъ (**) учинилъ тебя обладательницею морей и обнесъ съ громомъ имя твое вокругъ всего міра, и тогда возвысился духъ твой въ высокомъ пламени. Но кто можетъ изчислить толь многихъ знаменитыхъ мужей, бывшихъ во дни правленія жены? Въ Ралейхѣ (***) всѣ

(*) Министръ Королевы Елисаветы.

(**) Знаменитый своими путешествіями около земнаго шара и завоеваніемъ многихъ Американскихъ городовъ.

(***) Адмиралъ Англіи.

ихъ частныя заслуги соединены: Ралейхъ былъ бичь Гишпанїи; грудь его вмѣщала въ себѣ весь огонь мудраго, патрїота и героя. Твердое мужество его не поколебалось и тогда, когда слабое правительство заключило воинственника въ оковы, и наконецъ для утоленїя мщенїя побѣжденнаго непрїятеля, выдало его сему. Тогда дѣятельный и неодержимый духъ его изслѣдывалъ отдаленные пути протекшихъ вѣковъ и обогащалъ мїръ писанїями во время своего плѣнничества. Во всемъ кругѣ пространнаго своего зрѣнїя не нашелъ онъ такихъ временъ, какїя самъ испыталъ, и не видалъ толико

знаменитаго и купно постыднаго вѣка, какъ тотъ, въ которомъ онъ воевалъ и пролилъ кровь свою. Муза моя не можетъ умолчать о рыцарѣ Сиднеѣ (*), о семъ украшенiи воинства. Онъ увѣнчавался ранними лаврами и миртами симпатическихъ душъ, вѣнкомъ пiитическимъ соплетаемыми. И Гамденъ (**) тебѣ же принадлежитъ, о знаменитая и просвѣщенная страна! мудрый, неустрашимый, постоянный, нераболѣпный духъ, противуставшiй

X

(*) Любимецъ Королевы Елисаветы. Онъ во время своего посольства написалъ свою Аркадiю.

(**) Сочленъ Протестантскаго заговора.

стремленїю упадающаго и къ рабству страстей преклоненнаго вѣка, и снова возставившїй тебя въ полное природное твое величїе. По гласу его свѣтило просїялъ твой вѣкъ мужей знаменитыхъ, на которыхъ потомство бросаетъ ревнивый взоръ, и которыхъ дѣянїя должны самаго тиранна приводить въ трепетъ. *Принеси* сюда всѣ благовонные твои цвѣтки и позволь мнѣ осыпать ими ту могилу, въ которой покоится Руссель, коего безпорочная кровь, съ спокойнымъ радованїемъ за тебя пролїянная, затмила лѣтописцы непостоянствомъ правленїя, стремившагося къ неограниченной власти и

погрязшаго притомъ въ низкую и безчестную роскошь. Съ нимъ безстрашно пролилъ кровь другъ его Британскій Кассій, Алгернонъ Сидней. Сей былъ высокаго и рѣшительнаго духа, храбръ до ожесточенія, и знаніемъ древности былъ воспламененъ къ просвѣщенной любви древняго величія человѣчества. Достопочтенные мудрецы и благородные поэты снискали тебѣ изящную славу, какъ скоро свѣтъ приблизившихся наукъ простеръ свой утренній лучь и возбудилъ пѣніе Музъ. Твой Баконъ нещастно избралъ высокое званіе: онъ не умѣлъ поддержать себя въ междуусобной брани государства,

и итти путемЪ своимЪ сЪ твердою, однако снисходительною добродѣтелїю, при ласкательной жестокости ДворовЪ. Натура сбразовала его для уединенїя и наукЪ: онЪ былЪ глубокомысленЪ, проницателенЪ, откровенЪ, вѣренЪ и нѣженЪ; вЪ одной великой душѣ соединены были ПлатонЪ, СтагиритЪ и Туллїй. ОнЪ извлекЪ истинную Филоссфїю изЪ мрака тѣсныхЪ и пустословныхЪ училищЪ, заточенную вЪ Магическую цѣпь словЪ, формЪ и безсмысленныхЪ толковЪ. ТакЪ, онЪ освободилЪ сїю дщерь Неба; и она возвышаясь постепенно и проницая всю связь существЪ, указуетЪ теперь

небо лучезарнымъ своимъ перстомъ. Твой благородный Аслей, нѣжный другъ человѣчества, измѣрившій Натуру его окомъ кротости, готовъ защищать его слабости, возвышать цѣль его, растрогивать тончайшія струны ума и очаровывать сердце красотою нравственности. Какъ умолчу я о твоемъ Боилѣ, котораго благочестивое любомудріе созерцало великаго Творца среди сокровенныхъ таинъ дѣлъ Его? какъ умолчу о твоемъ Локкѣ, которой весь внутренній міръ сдѣлалъ своимъ собственнымъ? Невтонъ, сей свѣтлый умъ, отъ Бога смертнымъ данный, для истолкованія безпредѣльныхъ

дѣлъ Его по простымъ и высокимъ законамъ, долженъ славу твою распростерть по всей Философіи. Грубый въ дѣтствѣ Шаксперъ не есть ли твое и Натуры величіе по высокому своему смыслу, по творящему воображенію и по острому проницанію во глубокія силы человѣческаго сердца? Также и въ Мильтонѣ твоемъ не всѣ ли соединены великія и вожделѣнныя Музы классическаго вѣка? въ Мильтонѣ, коего духъ такъ былъ всеобщъ, какъ хаосъ; такъ прекрасенъ, какъ цвѣтущій Эдемъ; такъ возвышенъ, какъ небо? Да не забвенъ будетъ въ пѣсни моей древній Бардъ, вожделѣнный Спенсеръ, воз-

любленный сынЪ воображе-нїя, пролившїй пѣснь свою, какЪ полную рѣку, по всѣмЪ лабиринтамЪ очарующихЪ красотЪ Натуры; да не забвенЪ будешь и ты, о Шосеръ! древнїй его учитель, улыбающїйся мудрецЪ, котораго натуральное, нравы живописующее стихотворство, изЪ Готоскаго облака времени и нарѣчїя, сокрывающаго духЪ его, блистаетЪ благороднѣйшимЪ ученїемЪ.

Да разлїется пѣснь моя нѣжно, когда я привѣтствую дщерей твоихЪ, Великобританїя! Красота, чувствительность сердца, благородная простота нравовЪ, превосходство и вкусЪ, суть достоянїе ихЪ. Совершенный

ихъ ростъ образованъ рукою самой гармонiи; на щекахъ ихъ въ природной бѣлизнѣ тихо разливается живѣйшiй румянецъ, и по всему лицу играетъ юный цвѣтъ съ несказанными прiятностями. Нѣжныя губы, подобныя алой, утреннею росою блистающей розѣ, дышатъ неизъяснимою сладостiю; изъ подъ волнистыхъ темнорусыхъ волосъ или свѣтложелтыхъ кудрей, или окладистыхъ локоновъ просiяваетъ бѣлая тонко-отѣняемая шея и высокая бiющаяся грудь. Побѣдительный ихъ взглядъ проницаетъ сердце, когда онъ управляется душею, подъ одеждою любви господствующею въ нѣжнѣйшей

улыбкѣ многосвѣдущаго глаза.

О островъ благоденствїя, поставленный среди подданныхъ морей, около каменистыхъ твоихъ бреговъ гремящихъ! Ты чудо, ужасъ и утѣшенїе отдаленныхъ народовъ, коихъ самый дальнѣйшїй край можешь скоро потрясть твоими морскими силами, пребывая между тѣмъ самъ въ себѣ непоколебимъ и отражающъ всѣ нападенїя, какъ кремнистые морскїе камни отражаютъ ярящїяся волны!

О Ты, коего всесильнымъ мановенїемъ возвышаются и унижаются вѣсы правительствъ! ниспошли на землю сїю лучезарный соборъ

спасительныхъ добродѣтелей! пошли мудрость мира и общественную любовь, нѣжное добросердечїе, о дѣлахъ человѣколюбїя помышляющее, и при самой улыбкѣ слезы лїющее; подай неустрашимую истину и достоинство духа; утверди законы, прозорливое мужество, щастливую умѣренность, оказующую полезныя дѣйствїя свои въ сердцѣ и взорѣ; чистое цѣломудрїе, алѣющее стыдѣнїемъ въ обращенїи и приходящее въ замѣшательство отъ единаго взгляда, имъ самимъ привлекаемаго на себя; благослови трудолюбивое раченїе и неутомимую дѣятельность долготою жизни и

бодростїю во всѣхъ силахъ; а между тѣмъ на лучезарномъ тронѣ съ высокимъ преимуществомъ да блистаетъ оная первѣйшая отечественная добродѣтель, жаркое поревнованїе о благѣ общественномъ, все единымъ взоромъ объемлющее, и при всегдашнемъ занятїи пользами государства безпрерывно стремящееся къ произведенїю великихъ и славныхъ намѣренїй для благосостоянїя человѣчества! —

Уже солнце низко спустилось и часъ отчасу приближается къ закапу. Измѣняющїяся облака предстоятъ заходящему его трону въ веселомъ ликѣ со всею своею пышностїю, и въ драго-

ценномъ великолѣпномъ убранствѣ. Воздухъ, земля и Океанъ улыбаются. Теперь утомленная его колесница (какъ поется въ Греческой баснѣ) ищетъ рощицъ Амфитриты и служащихъ ей Нимфъ. Свѣтлый кругъ закатывается; видѣнъ только до половины — златое полукружїе пускаетъ еще огненной лучь — уменьшается — меркнетъ — исчезаетъ. —

Такъ день за днемъ течетъ безпрерывно, яко въ волшебномъ круговращенїи, и изчезаетъ обманчиво, суетно и праздно! Подобно какъ сновидѣнїе впечатлѣвается въ преисполненномъ образовъ мозгѣ и возбужденную душу съ силою восхищаетъ въ сїе

мгновенїе, а вскорѣ по томъ изчезаетъ: такъ время для разсѣяннаго человѣка уподобляется безполезному и неписанному листу; а для порочнаго, для такого, которой будучи самъ себѣ несносною тягостїю, весь вѣкъ свой погубилъ въ безчестныхъ утѣхахъ, и съ подобными себѣ расточилъ все свое имущество, которое могло бы служить подкрѣпленїемъ цѣлому нуждающемуся достойному семейству; для такого время есть видъ преисполненный ужасовъ; но для благородномыслящаго и всегда улучшающагося духа, которой отчаянныя сердца творитъ поющими отъ радости, и исполненное любви

благотворенїе распространяетъ вокругъ себя такъ обильно и безтщеславно, какъ теперь падаетъ тихая роса; для такого воззрѣнїе на прошедшую благоустроенную жизнь есть внутреннїй восторгъ, которой токмо собственнымъ опытомъ можетъ быть совершенно познанъ.

Тихїй вечеръ, медленно-угасающими зарями знаменуемый, при благорастворенїи эѳира, занимаетъ обыкновенное свое мѣсто въ срединѣ воздуха, и тысячи тѣней окружаютъ его. Сначала посылаетъ онъ на землю тонкїя изъ нихъ; за сими слѣдуютъ другїя густѣйшїя, кои по томъ часъ от-

часу постепенно сгущаются и покрываютъ лице всея Натуры. Прохладнѣйшее вѣянїе начинаетъ разливаться по лѣсамъ, двигать рѣки и носиться по обремененнымъ пшеницею полямъ тѣнистыми волнами; а между тѣмъ перепелка манитъ къ себѣ супруга крѣпкимъ крикомъ. Какъ скоро вѣтеръ повѣетъ сильнѣе, вдругъ летитъ тучами бѣлой пухъ съ нѣкоторыхъ растѣнїй заобростшую терномъ рощу. Натура по благому и безпристрастному раченїю своему ничего не пренебрегаетъ. Она, помышляя о пропитанїи самыхъ послѣднихъ своихъ произведенїй и одеждѣ будущаго года, пре-

носитъ съ одного поля на другое окриленныя сѣмена.

Уже пастухъ сгоняетъ съ поля безпечныя свои стада, весело идетъ домой, и во многихъ мѣстахъ отъ безчисленныхъ юныхъ чернявыхъ молошницъ принимаетъ пѣнящїяся крынки. Можетъ быть между ими есть такая красавица, которую искренно любитъ безхитростное его сердце, не примѣчая, что значитъ смущенїе его, смѣшанное съ удовольствїемъ. Онъ обнаруживаетъ сїе наилучшимъ языкомъ, чистосердечными искренними взглядами и услужливостїю. Онѣ ходятъ по высокимъ холмамъ и низкимъ дикимъ долинамъ, гдѣ при ве-

черней зарѣ выходятъ толпами народныя феи, и проводятъ лѣтнія ночи въ различныхъ играхъ и пляскахъ, какъ гласятъ сельскія повѣсти. Но на длинномъ пути своемъ уклоняются онѣ отъ могилы такого человѣка, котораго злощастная судьба заставила поднять убивственную руку противъ своей собственной груди; и также отъ уединенной башни, гдѣ, по ихъ мнѣнію, во мрачныхъ сводахъ и углахъ живутъ шумливые духи, какъ-то представляется воображенію въ темнотѣ ночи.

Свѣтящійся червячокъ зажигаетъ теперь свою лампаду на каждомъ зубцѣ за-

борника, и просіяваетъ изъ мрака зыблющимся блескомъ. Вечеръ вселенную предаетъ ночи, облеченной не зимнею, грубою, Стикскою одеждою, но легкою темноцвѣтною мантіею. Слабый блуждающій лучь, отражаемый поверхностію тѣлъ, изображаетъ въ напряженномъ окѣ несовершенный видъ. А лѣса, села, скалы, рѣки, верхи горъ, долго удерживающія мерцающій надъ ними свѣтъ, сливаются въ одинъ зыблющійся сумракъ, гдѣ глазъ никогда себѣ не довѣряетъ. Утомленный взоръ вдругъ обращается къ небу. Тамъ прелестная Венера кротко выводитъ тихіе часы любви, сіяетъ чистѣйшимъ

блескомъ, и съ самаго своего восхода, при уклоненіи дневнаго свѣта начинающагося, до новаго рожденія его, господствуетъ безъ соперницы, какъ наипрекраснѣйшій свѣтильникъ ночи. Между тѣмъ, какъ я наслаждаюсь пріятнымъ созерцаніемъ сего струистаго свѣта, въ нижній воздухъ падаютъ блудящіе огни или носятся горизонтально подъ странными видами, въ которыхъ ропщущій и боязливый народъ видитъ многія худыя предзнаменованія. — Тамъ между свѣтящими шарами, не только украшающими, но и одушевляющими все небо, между животворящими солнцами и другихъ міровъ, скорымъ ша-

гомъ идетъ быстрая комета изъ ужасной неизмѣримости небеснаго пространства и спускается къ солнцу! Когда входитъ она въ земную тѣнь съ величественнымъ, по небу распростертымъ хвостомъ своимъ: тогда порочные народы трепещутъ. Но сей страхъ овладѣваетъ только боязливою, слѣпою, ложныя послѣдствія вымышляющею чернію; просвѣщенные же сыны, которыхъ божественныя души Философіею возвышены, благословляютъ сего славнаго пришельца. Они ощущаютъ великую небесную радость въ вышшихъ своихъ силахъ и торжествуютъ въ оной удивленія достойной крѣпости

духа, которая превышаетъ сїе мрачное явленїе и измѣряетъ всѣ небеса. Теперь видятъ они, что сїе пламенѣющее, дивное, изъ отдаленнаго пути чрезъ многїя пустыни эѳира въ назначенное свое время паки возвращающееся созвѣздїе, облечено страхомъ только наружно, и весело спѣшитъ исполнить волю Любви, содержащей всю вселенную. Можетъ быть оно изъ безмѣрнаго дымящагося парами хвоста своего кропитъ освѣжающую влагу на многочисленные шары мїра, около которыхъ совершаетъ эллиптическїй путь свой, или погасающїя солнца снабдѣваетъ новою свѣтною матерїею, просвѣщаетъ

міры и питаетъ вѣчный огнь.

Позволь мнѣ, о свѣтлая Философія! увѣнчать пѣсню мою тобою и вѣнкомъ твоимъ. О быстротекущій источникъ удостовѣреній и истинъ! сіяніе, проливаемое тобою на облагороженный духъ, яснѣе лѣтняго полудня, и толико чисто, колико оный свѣтъ, коего *тихія изліянія* просвѣщаютъ отходящую душу, при наступленіи новаго утра небеснаго дня. Духъ, тобою разширенный и во всѣхъ способностяхъ укрѣпленный, воспаряетъ тогда въ высокомъ надменіи превыше сѣтей низкихъ желаній, связующихъ толпу непостоянной черни, и на крылахъ

Ангельскихъ достигаетъ высоты познанія и добродѣтели, гдѣ все тихо и ясно, и гдѣ Натура открывается оку разума и воображенія то въ поляхъ звѣздныхъ, то во глубокой безднѣ. Разумъ открываетъ цѣпь причинъ и дѣйствій отъ самой пустоты до творящаго вселенную Существа, владѣющаго самосущнымъ бытіемъ; а воображеніе обнимаетъ всю великость неба и земли со всѣми жидкими или твердыми, видимыми или сокровенными красотами, кои вдругъ и съ живѣйшимъ ощущеніемъ образуются въ быстропарящемъ духѣ.

Руководимая тобою Поэзія простираетъ гласъ свой

ко грядущимъ вѣкамъ, наполняя писанія свои сладкопѣніемъ, картинами и глубокомысліемъ. Никакая смерть не можетъ устрашить ее. Она всегда пребудетъ сокровищемъ человѣчества, высочайшею его честію и истинною радостію.

Что бы былъ безъ тебя непросвѣщенный человѣкъ? Дикій, скитающійся по лѣсамъ и пустынямъ, и ищущій добычи звѣрь, одѣтый длинною невыдѣланною кожею; никакого искуства и украшенія жизни незнающій, чуждый хозяйственнаго щастія, съ пріятностію и заботою смѣшаннаго; невѣдущій нравственной красоты, ни общественнаго благосостоя-

нія и защитительныхъ законовъ, ни многоразличныхъ способностей въ обработываніи полей и въ механическомъ приготовленіи матерій, ни отважнаго, небомъ руководимаго мореплаванія, безбоязненно преходящаго чрезъ жаркую линію и достигающаго до хладнаго полюса. Безъ тебя, о строгая мать неизчетныхъ утѣхъ! человѣкъ не имѣлъ бы ничего, кромѣ хищничества, лѣности и злодѣйствъ, сверьхъ другихъ безпрерывно производимыхъ имъ золъ; а отъ сего ужаснаго коловращенія жизнь человѣческая была бы хуже самаго несуществованія. Но твоимъ руководствомъ учрежденные уставы

правительства и мира ведутъ насъ къ согласному житїю, къ единодушїю и взаимному украшенїю жизни. Когда трудолюбивый народъ дѣйствуетъ веслами, Философїя держитъ правительственный руль, или невидимо, какъ благое дуновенїе могущаго Неба, напрягаетъ паруса и движетъ весь нижнїй мїръ.

Она не ограничивается симъ мѣлькающимъ пунктомъ земли, но простираетъ веселый и возвышенный ходъ свой въ лучезарныя страны вышняго мїра, тщася проникнуть и обнять своимъ взоромъ все творенїе и изъ цѣлой связи безпрерывныхъ чудесъ почерпнуть правиль-

ное понятіе о единомъ Существѣ, изрекшемъ *Слово* и Имъ приведшемъ Натуру во всеобщее движеніе. Оттуда быстро обращаетъ она внутреннее свое око на идеальное царство, и послушныя виденія должны по ея мановенію немедленно изчезать или являться, и входить въ свой порядокъ, отъ простаго понятія до изящныхъ образовъ, въ плодовитой силѣ воображенія раждающихся; отъ сихъ къ разуму, извлекающему истины изъ истинъ, и наконецъ къ отвлеченнымъ понятіямъ, гдѣ уже начинается міръ духовъ, въ которомъ все есть токмо дѣйствіе, все жизнь свободная и несмѣшанная. Но тамъ

уже лежитъ непроницаемое облако, по непостижимой волѣ вѣчнаго Провидѣнія. Для насъ довольно и сего свѣдѣнія: въ нынѣшнемъ мрачномъ состоянiи, погрязшемъ въ дикихъ страстяхъ и суетныхъ исканiяхъ, въ семъ дѣтствѣ существованiя, не можно намъ достигнуть къ послѣдней цѣли Божескихъ дѣлъ, безпредѣльною Любовiю и совершенною Премудростiю сотворенныхъ; дѣлъ, всегда паче возвышающихся, по мѣрѣ возвышенiя и усовершенствованiя души нашей.

ОСЕНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предлагается тема; посвященіе Господину Онслову. Взоръ на поля, покрытыя жатвою. Похвала трудолюбію. Жатва. Жатвенная повѣсть. Гроза во время жатвы. Стрѣлянье и охота; жестокость оной. Взоръ на садъ. Полевые плоды. Виноградникъ. Описаніе тумана, какой бываетъ въ концѣ осени. Отступленіе къ изслѣдованію происхожденія источниковъ и рѣкъ. Осенніе птицы, перемѣняющія мѣсто пребыванія своего. Удивительное ихъ множество на

сѣверныхъ и западныхъ островахъ Шотландіи. Взоръ на сію землю. Видъ увядающихъ и желтѣющихъ лѣсовъ. Лунное сіяніе послѣ яснаго тихаго дня. Осенніявоздушныя явленія. Утро, за которымъ слѣдуетъ тихій, ясный, солнечный день, какой заключаетъ сіе время года. Жатва вообще. Утѣхи сельскихъ жителей. Похвала сельской философической жизни.

ОСЕНЪ.

При наступленїи увѣнчанной пшеничными класами и серпомъ осени, по желтымъ ровнинамъ волнующейся, я буду снова играть на Дорической флейтѣ съ веселїемъ и бодростїю. Все, что зимнїй хладъ приготовилъ изъ селитры, что разноцвѣтная весна произвела, утѣшая надеждою изобилїя, и что произвело лѣтнее солнце, все то неограниченно представляется теперь глазамъ моимъ въ полнотѣ и совершенствѣ, и обогащаетъ славную мою тему.

Онсловъ (*)! гордящаяся твоимъ именемъ Муза; именемъ, дающимъ пѣсни ея прiятность, одушевленiе и достоинство, желаетъ дружественное вниманiе твое обратить на себя отъ гласовъ народныхъ. Она знаетъ благородныя твои заботы и патрiотическiя добродѣтели, которыя разширяютъ твой духъ, покоятся на челѣ твоемъ и горятъ въ груди твоей, когда Парламентъ внимаетъ слову твоему, проливающемуся по всему лабиринту краснорѣчiя несравненно сладчайшими перiодами, нежели пѣсни ея. Однакожъ и она желаетъ воспѣть

(*) Риторъ Парламента.

общественныя добродѣтели; и она, чувствуя въ себѣ силу пламеннаго рвенія, всегда пріемлетъ, хотя впрочемъ и не соотвѣтствуетъ дѣло желанію ея, дерзновеннѣйшій тонъ, какъ скоро любовь къ отечеству коснется сердцу ея, и съ искреннею ревностію покушается соединить усердіе патріота съ піитическимъ своимъ жаромъ.

Когда ясное созвѣздіе Дѣвы приноситъ красные дни, а Вѣсы потомъ поставляютъ годъ въ равновѣсіе, и когда спускающееся съ высокаго небеснаго свода солнце проліетъ все изобиліе свѣта: чистѣйшая лазурь, златымъ свѣтомъ оживленная, обтекаетъ

вокругъ всего пространнаго міра. Солнце восходитъ съ умѣреннѣйшимъ и пріятнѣйшимъ сіяніемъ, и нерѣдко сквозь прозрачныя облака изливаетъ вожделѣнную тишину. Спѣлая, богатая, тихая и глубокая жатва, по широкимъ полямъ распростертая, наклоняетъ тяжелую главу свою. Ни самый слабѣйшій вѣтерокъ не влечетъ уже легкихъ своихъ волнъ по покатистымъ долинамъ. И сія чрезвычайная тишина царствуетъ дотолѣ, пока возмущенный воздухъ не потеряетъ равновѣсія, и пока не начнетъ вѣять западный вѣтръ. Волнистая мантія неба раздѣляется, и внезапный лучь

солнца позлащаетъ озаренныя поля, гдѣ разстилается черная тѣнь. Утѣшающая сердце жатва, распростирающаяся всюду, куда токмо глазъ досязать можетъ, волнуется и движется, какъ полная рѣка.

Се есть твое благословенїе, о трудолюбїе! богиня, безпрестанною работою, старанїемъ и *трудами* сопровождаемая; тихїй источникъ всѣхъ художествъ и вожделѣннаго гражданскаго союза; воспитательница человѣческаго рода, подверженнаго отъ Натуры свирѣпымъ стихїямъ среди лѣсовъ и степей въ наготѣ и безсилїи! Хотя въ умѣ его много посѣяно было сѣмянъ искусства и вездѣ

находились матеріалы безъ числа, однако оставались безъ употребленія. Способности души всегда с али безъ дѣйствія въ оцѣпенѣлой его груди; прожорливая лѣность всегда поглощала то, что щедрая рука Благости производила во времена года безъ воздѣланія. Свирѣпый и угрюмый человѣкъ всегда скитался въ толпѣ хищныхъ звѣрей, или сражался съ дикимъ щетинистымъ кабаномъ за жолудовой его обѣдъ. Когда блѣдный, зимою обремененный сѣверъ высылалъ бури съ градомъ, дождемъ, снѣгомъ и жестокимъ мразомъ; бѣдный человѣкъ съ трепетомъ и робостію убѣгалъ подъ покровъ своей хи-

жины и стеналъ въ ней среди нечистотъ въ продолженіе всего бурнаго времени года. Не было у него дома: ибо домъ есть гостинница любви и радости, мира и изобилія, въ коей благовоспитанные друзья во взаимномъ согласіи и снисхожденіи соединяются щастливыми узами для общаго блага. Но грубый дикарь никогда оныхъ не ощущалъ. Онъ былъ уединенъ среди всей толпы подобныхъ себѣ, и дни свои проводилъ въ скукѣ и безъ пользы. Сіе печальное и дикое время продолжалось дотолѣ, пока трудолюбіе не приближилось, пока не извлекло его изъ жалостной его лѣности и не

разкрыло способностей. Тогда оно показало ему, откуда роскошная Натура получаетъ руководство къ искуствамъ, и открыло средство укрѣплять слабыя свои силы механическими орудїями, и искапывать минералы изъ глубины земли; также чѣмъ и какъ отклонять непобѣдимую ярость огня, стремленїе воды и бурные вѣтры; сѣкирѣ его подвергло древнїе и рослые лѣса; научило разрубать бревна и обсѣкать камни, пока мало по малу могъ онъ соорудить цѣлое зданїе. Трудолюбїе сняло съ бедръ его окровавленную звѣриную кожу, и вмѣсто оной облекло волнистою одеждою, блестящею

свѣтлыми шелками, или струистымъ полотномъ; столъ его покрыло здравыми яствами и всюду разлило драгоцѣнные крѣпкiе напитки для возбужденiя силы остроумiя, къ утонченiю нравовъ служащей. Оно не ограничилось одними потребностями, но простираясь всегда дерзновеннѣе, раскрыло ему пышности, украшенiя, забавы и прiятности; доставило высокость и знатность, показало науки, мудрость и славу, и потомъ нарекло его обладателемъ вселенныя.

Соединенные человѣки, совокупляя натуральныя свои силы, строили города, въ которыхъ все было на-

клонено и обращено къ общей пользѣ; учреждены совѣты патрiотовъ, представляющiе совершенное цѣлое; начертаны священные защитительные законы, поставлены различныя степени, оживлены художества, непрiятель соединенною силою былъ заключаемъ въ узы; а царственное правосудiе, возсѣдя на тронѣ правленiя, первою обязанностiю почитало жертвовать собою благосостоянiю народа, и существовать только для общественной пользы человѣчества.

Чрезъ сiе всякой родъ художества приведенъ былъ въ порядокъ, защищенъ, ободренъ и доведенъ до совер-

шенства. Всякой союзъ сдѣлался многочисленнымъ, знаменитымъ, благоустроеннымъ и щастливымъ обществомъ. Города, *воспитатели художествъ*, въ изящномъ великолѣпіи возвышали окруженные башнями верьхи свои, и во многолюдныя улицы тысячами привлекали изобрѣтательныхъ сыновъ, дабы они престали уже укрываться по лѣснымъ вертепамъ и изъ гибкаго тиса гнуть только тугіе луки.

По томъ коммерція вывела въ открытое море трудолюбиваго купца, построила и наполнила товарами магазейны, выставила крѣпкаго журавля, улицы покрыла иностранными богат-

ствами, и тебя, о царица рѣкъ! широкая, пріятная, глубокая и величественная Темза, избрала для сего великимъ своимъ орудіемъ. Здѣсь съ обѣихъ странъ спирались безчисленныя мачты, и представляли цѣлые лѣса, а знамена ихъ развѣвались по пространству воздуха. Черной грузной корабль плылъ тихо; стройно бѣжала красивая барка при помощи веселъ; легкія суда всюду распростирали весельныя свои крылья; между тѣмъ различные гласы прилѣжныхъ работниковъ съ брега на брегъ раздавались громко, а наконецъ выступилъ въ море черный, смѣлый, дубовыми ребрами связанный, сильный

военный корабль, повсюду несущій громъ Британскій.

Послѣ того окруженный колонадою храмъ возвысилъ великій и обширный свой сводъ, и великолѣпіе расточило внутри его всѣ блистательнѣйшія свои сокровища. Чистое полотно расписывалось живѣйшими колерами и представляло взору дѣйствія и подобія въ тѣлесномъ видѣ. Статуя казалась оживленною и въ нѣжную плоть претворенною отъ прикосновенія образующаго искуства, силою воображенія воспламеняемаго. Все есть даръ раченія и трудолюбія, что только возвышаетъ жизнь и доставляетъ ей красоту и пріятность. Меланхоличе-

ская зима, сидя у камина, пріятно имъ занимается, и спокойно слушаетъ шумъ необузданно ярящейся непогоды. Твердые персты трудолюбія доставляютъ веснѣ драгоцѣнную одежду. Лѣто безъ него было бы сухая степь, и осеннимъ мѣсяцамъ не моглобъ доставлять того преизобильнаго, зрѣлаго и неизмѣримаго сокровища, которое волнуясь повсюду, призываетъ къ себѣ блуждающую Музу.

Какъ скоро въ эѳирѣ начнетъ свѣтать утро и непримѣтнымъ образомъ распрострѣтъ повсюду ясный день; жнецы въ стройномъ порядкѣ становятся на спѣлую ниву, и каждый подлѣ

своей возлюбленной для облегченія ей тяжелой ноши и для уменьшенія труда ея пріятною услужливостію. Тут нагибаются они всѣ вдруг и нажинают полные наручни. А между тѣм сельскіе разговоры, невинныя шутки и безвредныя насмѣшки раздаются среди сего веселаго общества для прогнанія скуки, и дабы нечувствительно провесть жаркое время. На концѣ нивы ходит сам хозяин и кладет снопы в копны. Часто смотрит он на всѣ стороны исполненным удовольствія оком, и чувствует в сердцѣ своем движеніе радости. Вокруг его разсѣяны бѣдные от крупиц

падающихъ живущїе отроки, и выбираютъ изъ жнива расточенные колоски Но, о домостроители! не будьте съ излишкомъ бережливы; оставляйте отъ полныхъ сноповъ вашихъ по нѣскольку колосьевъ съ человѣколюбивымъ расточенїемъ. Воспоминайте съ благодаренїемъ, коль благъ и щедръ къ вамъ Богъ жатвы; какое изобилїе разливаетъ Онъ на волнистыхъ поляхъ вашихъ въ то самое время, когда нещастные сочлены рода вашего, привитая вокругъ васъ, какъ птицы небесныя, просятъ умѣренной своей доли. Представьте себѣ многоразличное непостоянство счастїя, и размыслите, что можетъ быть

дѣти ваши будутъ нѣкогда просить тогоже у другихъ, что вы нынѣ такъ сурово и неохотно даете просящимъ.

Юная и любезная Лавинія имѣла у себя друзей, и щастіе при ея рожденіи ласково улыбалось; но она еще въ нѣжномъ дѣтствѣ лишилась всего и всякой помощи, кромѣ невинности и небеснаго Промысла. Она жила съ слабою, престарѣлою и бѣдною своею матерію вдовою въ нѣкоей уединенной хижинѣ на скатѣ лѣсистой и отъ міра удаленной долины, подъ покровомъ густой тѣни, а паче стыдливой скромности. Обѣ онѣ старались избѣгать того жестокаго посмѣянія, въ которое свѣтское легко-

мыслїе и подломыслящее высокомѣрїе необходимо повергли бы добродѣтель ихъ, жребїю нищеты подверженную. Онѣ жили общими дарами Натуры и были такъ довольны, какъ веселыя птицы, при успокоенїи ихъ пѣвшїя, и не заботились о будущемъ пропитанїи. Лавинїя была прекраснѣе розы, утреннею росою блистающей; бѣлѣе чистѣйшей лилеи и самаго снѣга, на горахъ лежащаго. Всѣ скромныя добродѣтели были начертаны въ цѣломудренныхъ глазахъ ея, кои бросали кроткїе лучи свои только на разцвѣтающїе цвѣтки; или когда мать разсказывала ей о лестныхъ обѣщанїяхъ обманчи-

ваго щастія, и тѣмъ возбуждала меланхолическія мысли; они блистали слезами, какъ росоносная вечерняя звѣзда. Натуральное пріятство раздавалось въ прекрасной гармоніи по всѣмъ свѣтлымъ членамъ ея, покрытымъ однимъ простымъ бѣльемъ, какъ наилучшимъ ея убранствомъ, превосходившимъ всякую пышную одежду. Любезность не имѣетъ нужды ни въ какомъ убранствѣ: она тогда наипрекраснѣе, когда ничѣмъ не украшается. Не упоминая о красотѣ, скажу, что Лавинія была самая красота, заключенная въ тѣнистую чащу густыхъ деревьевъ. Какъ на звучномъ хребтѣ Апенина растетъ мир-

товой кустъ подъ покровомъ окружающихъ его холмовъ, и тамъ, удаленъ будучи отъ глазъ человѣческихъ, разливаетъ по всей пустынѣ бальзамическій свой запахъ: такъ цвѣла нѣжная, никѣмъ невидѣнная Лавинія, пока наконецъ по величайшей нуждѣ должна была итти съ сердечною терпѣливостію и кроткими взглядами на Палемоновы поля для собранія оставшихся колосьевъ. Палемонъ, слава тамошнихъ жителей и щедрый богачь, проводилъ сельскую жизнь отлично отъ другихъ и въ полномъ удовольствіи, такъ какъ Аркадскіе стихотворцы описывали ее въ древнее неповрежденное время, когда

тиранственная власть страстей не заключала еще человѣка въ оковы свои, и человѣкъ жилъ по законамъ Натуры. Желая пріятно занять свои мысли осенними предметами, пошелъ онъ для прогулки къ своимъ жнецамъ, и тутъ бѣдная Лавинія тотчасъ обратила на себя взоръ его. Неизвѣстна еще была ей сила красоты. Она въ тотъ же мигъ отвратилась отъ него закраснѣвшись. Палемонъ смотрѣлъ на прелести любви, скрывавшіяся отъ глаза его подъ покровомъ цѣломудренной скромности, и въ тоже мгновеніе возродилась въ сердцѣ его любовь и непорочное влеченіе къ дѣвицѣ, хотя и самъ того не

примѣчалъ; ибо мїръ и его правила, противъ которыхъ самый твердѣйшїй Философъ едва устоять можетъ, всегда брали верьхъ надъ простотою сердца, и Палемонъ подвергъ бы себя общему посмѣянїю, естьли бы сердце его избрало себѣ другомъ собирательницу колосьевъ. Тогда изъ стѣсненной груди его вырвались сїи тайные вздохи: „Какъ жалко, что такое „милое и прекрасное творе„нїе, въ которомъ, кажет„ся, обитаетъ живая чув„ствительность съ возвы„шенною добротою, должно „быть назначено для гру„быхъ объятїй невоспитан„наго земледѣльца! Мнѣ ка„жется, что она изъ рода

„древняго Акаста, и напоми-
„наетъ мнѣ того покрови-
„теля щастливой моей жиз-
„ни, отъ котораго произо-
„шло все мое щастїе и слава,
„которой лежитъ уже во
„прахѣ, и коего домы, села,
„и многочисленная фамилїя
„давно изчезли. Сказываютъ,
„что гдѣ-то въ уединенной
„хижинѣ живетъ престарѣ-
„лая вдова его съ своею до-
„черью, оставя прежнее жили-
„ще щастливыхъ своихъ дней
„ради печальнаго воспомина-
„нїя и благороднаго стыдѣ-
„нїя. Я сколько ни искалъ и ни
„навѣдывался о томъ, трудъ
„мой былъ безуспѣшенъ. О
„когдабъ это была дочь ея!
„какое лестное желанїе!„

Разспрося подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, нашелъ дѣйствительно, что она дочь друга его, благодѣтельнаго Акаста. Кто можетъ изобразить оныя пламенныя движенія, какія наполнили тогда сердце его и разлились по всѣмъ нервамъ въ неописанномъ восторгѣ? Погашаемое пламя любви возгорѣлось теперь въ полной силѣ и свободѣ; и когда онъ пристально разсматривалъ ее, вдругъ полились изъ глазъ его слезы благодарности, сострастія и нѣжности. Лавинія отъ неожиданныхъ слезъ его смутилась и оробѣла; красоты ея возгорѣли живѣйшими цвѣтами, и Палемонъ въ сильномъ тревол-

ненїи сердца и чувствованїи справедливости, изъявилъ восторгъ души своей слѣдующими словами:

„Такъ это ты, дражайшїй остатокъ друга моего „Акаста? Это та самая, „которую чувство благодар„ности моей толь долго ис„кало безуспѣшно? Такъ, по„длинно та, нѣжнѣйшее изоб„раженїе благороднаго моего „друга, гдѣ точно ознамено„вана каждая черта его и „каждое движенїе. Милое тво„ренїе, самой весны прїят„нѣйшее, единственный пос„лѣднїй цвѣтокъ корня, „благополучїе мое утвердив„шаго! скажи, гдѣ, въ кото„рой отдаленной и заклю„ченной пустынѣ ты при-

„влекла благій взоръ мило-
„сердаго Неба, и получила
„такую красоту и нѣжность
„при толь сильномъ и же-
„стокомъ обуреваніи юныхъ
„лѣтъ твоихъ хладными
„вѣтрами нищеты и бѣдст-
„вій? Позволь же мнѣ теперь
„со всею безопасностію пре-
„селить тебя на изобильнѣй-
„шую землю Будь славою
„и радованіемъ моему верто-
„граду тамъ, гдѣ весеннее
„солнце и раннiй дождь
„обильно изливаютъ благо-
„растворенное свое вліяніе.
„Тебѣль, дщери Акаста, от-
„ца цѣлой области, коего
„открытыя житницы, при
„всемъ ихъ изобиліи, тѣсны
„были для пространнаго
„сердца его; тебѣль собирать

„расточенныя колосья точно на тѣхъ поляхъ, коими „я владѣю отъ щедрой его „дружбы? Брось сіи малые „пучки: руки твои не симъ „владѣть назначены: всѣ по„ля, самъ хозяинъ и всѣ „его сокровища принадле„жатъ тебѣ, моя красавица, „ежели ты со всѣми богат„ствами, коими щедро награ„дила меня твоя фамилія, „захочешь соединить и сіе „желаннѣйшее для меня ща„стіе, чтобъ дать мнѣ сво„боду ощастливить тебя.„

Юноша умолкъ; но красноречивый глазъ его не преставалъ выражать вожделѣннаго торжества души своей, чувствовавшей необычайную и возвышеннѣйшую радость,

основанную на увѣренїи въ добродѣтели, на признательности и любви. Возхищенная красотою неописанной доброты и въ прїятнѣй нее смущенїе погруженная Лавинїя, не произнося ни одного слова, изъявила свое согласїе только разлившимся на щекахъ румянцемъ стыдливости, и въ ту же минуту поспѣшила увѣдомить о семъ мать свою, которая, безпокоясь объ отсутствїи ея, проводила уединенныя минуты въ великомъ смущенїи и страхѣ. Услышавъ же сїю новую вѣсть, пришла въ изумленїе и едва могла тому вѣрить. Тогда струя радости пролилась по ожестѣвшимъ нервамъ ея, и ясный лучь

заходящей жизни освѣтилъ еще вечерніе ея часы. Она не меньше радовалась, какъ и та щасшливая чета, которая долго наслаждалась цвѣтущимъ благоденствіемъ въ нѣжнѣйшей любви, и произвела многочисленное, любви достойное и столь же доброе, какъ она сама, потомство, которое было украшеніемъ всей страны.

Часто знойный югъ собираетъ сильныя грозныя тучи и погубляетъ работы цѣлаго года. Сперва колеблются тихо дрожащія вершины лѣсовъ, потомъ вдоль всѣхъ волнующихся полей пробѣгаетъ нѣкій тонкій свистъ. Когда же поднимается жестокая буря, и воз-

душныя воды носятся по всей возмущенной атмосферѣ надъ томящимся мiромъ въ видѣ безпредѣльныхъ морей, и сопровождаются безпрерывными ударами: тогда съ нагбенныхъ до самаго корня лѣсовъ летятъ съ свистомъ тучи зеленыхъ листьевъ. Смежныя горы, поражаемыя сильными ударами, встрѣчаютъ бури, съ дикихъ степей устремляющiяся на нихъ, и съ потоками водъ низводятъ оныя въ долины. Ровнина, подверженная всей необузданной и цѣлыя жатвенныя моря коловращающей ярости вѣтровъ, потопляется всюду кипящими волнами. Никакiе изгибы, никакiе извороты не спасаютъ жатву

отъ насильственнаго обуреванія. Иная часть оной искореняется и съ землею смѣшивается, а другая развѣвается по воздуху, какъ легкая плева.

Иногда воздушная тяжесть, поднявшись съ чернаго горизонта, проливается на землю быстрыми, безпрерывными и широкими рѣками. *Ненастье* тчетъ безпрестанно свои мраки, а воды всегда глубже и сильнѣе разливаются, пока всѣ смежныя поля будутъ потоплены и погребены подъ мутными волнами. Скоро наполняются рвы и каналы, луга потопляются, съ холмовъ текутъ съ шумомъ неизчетные и разноцвѣтные ручьи, рѣки

выступаютъ изъ береговъ, и быстрыми своими волнами уносятъ и кружатъ шалаши, снопы, овецъ, быковъ и пастуховъ. Бури пощадили еще благія чаянія и щастливо собранныя сокровища года; но сіе страшное мгновеніе все то погубило. Хозяинъ, убѣжавъ на пригорокъ, жалостно смотритъ, какъ потопленное имѣніе его увлекается волнами безвозвратно; какъ плыветъ утопшій волъ и вся рабочая сокрушенная его збруя. Тутъ воображаетъ онъ ужасы приближающейся зимы и вопль милыхъ голодныхъ дѣтей своихъ. О вы, стяжатели имѣній! вспомните тогда грубую рабочую руку,

доставляющую вамъ все великолѣпіе и спокойствіе; вспомните покрытые рубищемъ члены, пекущіеся единственно о доставленіи вамъ теплоты и богатыхъ убранствъ; вспомните умѣренное и недостаточное пропитаніе, которое столы ваши покрываетъ роскошнымъ изобиліемъ, кристаллы наполняетъ свѣтлыми напитками, а чувства упоеваетъ радостію; по крайней мѣрѣ не требуйте съ жестокостію того, что погублено у нихъ проливнымъ дождемъ и все поглощающею бурею.

Теперь звонкій крикъ веселыхъ егерей, громъ ружья и охотничій рогъ побуждаютъ Музу мою воспѣть сіи

сельскія забавы: какъ легавая на всемъ скаку останавливается вдругъ, почувствовавъ тонкій запахъ дичины; какъ стелется по землѣ, прилегаетъ ничкомъ, и съ великою чуткостью и весьма тихо ползетъ къ скрытной добычѣ; какъ стада куропатокъ, разширяющихъ противъ солнца разноцвѣтныя свои перья, и осторожно выглядывающихъ изъ высокой жнивы, вдругъ попадаются въ частыя тенета; какъ порхаютъ, бьютъ крыльями и больше запутываются. Высоко летаютъ онѣ въ неограниченномъ воздухѣ, однако и тамъ небезопасны. Прямой и скорой выстрѣлъ ружья выпережи-

ваетъ ихъ свистящія перья, въ мигъ пресѣкаетъ полетъ и убиваетъ ихъ до смерти; или только подстрѣливъ, разгоняетъ во всѣ стороны, гдѣ онѣ различно кружатся по движенію вѣтра.

Но сіи предметы миролюбивой Музѣ не свойственны, и она не хочетъ безобразить ими невинной своей пѣсни. Наилучшее удовольствіе ея видѣть вокругъ себя все твореніе животныхъ, смѣшенное и соединенное въ полной радости и жизни. Нѣтъ ей ни малѣйшей утѣхи въ сей безчеловѣчной и ложно забавной игрѣ смерти, въ семъ неистовомъ удовольствіи, которое дерзкаго и нетерпѣливаго юношу

возбуждаетъ еще на разсвѣтѣ дня, въ такое время, когда хищные звѣри, чрезъ цѣлую ночь во тмѣ рыкавшіе, ища утоленія глада своего, уходятъ въ свои норы, якобы устыдясь своего хищничества и устрашась приближающагося свѣта. Но безжалостный тиранственный человѣкъ мыслитъ иначе; онъ распаляется безразсудною и необузданною яростію гнѣва, паче самаго злѣйшаго и лютѣйшаго чудовища, какое токмо рыкало когда либо въ дикой пустынѣ, и для одной забавы при сіяніи благотворнаго солнца идетъ на жестокую травлю. О вы, плотоядные звѣри! упрекайте насъ всегда

въ необузданной нашей ярости. Вы понуждаетесь къ сему гладомъ и нуждою, не знающими никакихъ законовъ; радоваться же о мученіи и утѣшаться пролитіемъ крови среди всего роскошства и изобилія Натуры; нѣтъ, сего никогда не знали жестокія сердца ваши.

Бѣдная побѣда! поразить робкаго, устрашеннаго рогомъ зайца, бѣгущаго въ уединенное и скрытное мѣсто, въ заростшее тростникомъ болото, въ иглистую зиноватъ; въ жниво, въ колючій ситникъ, въ частой терновникъ, въ густой папоротникъ, въ изсохшій ковылъ, по одинакому съ нимъ цвѣту ему благопріят-

ственный; на распаханное поле, лучами солнечными жегомое; на свѣтлый песчаный берегъ, надъ текущимъ съ горы ручьемъ висящій. Тутъ сидитъ онъ, прижавшись и сложа уши; зорко смотритъ глазами, поставленными отъ самой Натуры въ удобное для обозрѣнія всего горизонта положеніе, и прижавъ голову къ шерстистымъ своимъ лапамъ, готовится вспрыгнуть и убѣжать: однако тщетна вся его осторожность! запахъ его въ утренней росѣ открываетъ ранній его слѣдъ. Онъ въ каждомъ слабомъ вѣтеркѣ слышитъ идущую противъ него тучу, и какъ скоро она по теченію его приближится

къ нему, то вдругъ ужаснувшись, выскакиваетъ изъ ущелины, и тогда вся охотничья дружина приходитъ въ жаркое треволненіе: тутъ слышатся тысячи различныхъ голосовъ; звукъ роговъ, по всѣмъ холмамъ раздающійся; ржаніе коней разъяренныхъ, громкій крикъ егерей противъ сего слабаго, безвреднаго и бѣгущаго творенія, и все сіе въ неистовомъ мятежѣ смѣшивается съ изступленнымъ радованіемъ.

Устрашенный сею тревогою елень, отставшій отъ своего стада, въ коемъ онъ какъ вѣтвистый монархъ лѣсовъ съ давняго времени величался, скачетъ стрем-

главъ по дикой степи. Сперва надѣясь на свою легкость и проворство, бѣжитъ нерадиво и тихо, а потомъ, объятъ будучи сильнѣйшимъ страхомъ, пускается во всю прыть, сколько есть силъ и противъ стремленія вѣтра, дабы тѣмъ скорѣе избѣгнуть отъ убивственнаго настигающаго его крика, которой по мѣрѣ его удаленія и уменьшается; но кратокъ сей обманъ! Елень, легчайшій тонкаго вѣтра, на горахъ сѣверныхъ дышущаго, пробѣгаетъ сквозь чащу лѣсовъ, мелькаетъ межъ деревьями и уходитъ въ самую дичь; однако безчеловѣчная стая, гонясь за нимъ надежно по свѣжему слѣду, на-

стигаетъ его снова и выгоняетъ изъ темнаго убѣжища, сколь бы оно ни было скрытно. Тщетно пробѣгаетъ онъ вдоль всего лѣса, и съ воздыханіемъ смотритъ на пріятныя, открытыя подъ свѣтлымъ небомъ лужайки, гдѣ часто боролся онъ въ дружественномъ спорѣ съ бодливыми своими товарищами, или прохлаждался въ любовныхъ утѣхахъ; тщетно старается потерять свой запахъ въ полной быстрой рѣкѣ, прохладить тамъ горящіе бока, или найти свое стадо; оно съ робостію и опасеніемъ убѣгаетъ отъ нещастнаго своего сотоварища. Чтожъ дѣлать ему? Крѣпкія и исполненныя бо-

дрыхъ жизненныхъ духовъ нервы ослабѣваютъ на бѣгу; задушающая усталость и крайнее изнеможенїе овладѣваютъ его сердцемъ. Онъ останавливается и ищетъ въ отчаянїи послѣдней помощи. По синимъ щекамъ его катятся слезы большими круглыми каплями. Онъ стонетъ и тоскуетъ, а между тѣмъ злые кровожаждущїе псы виснутъ на прекрасной высокой груди его и обагряютъ кровїю пестрые бока.

Но довольно о семъ! А ежели сельскому юношѣ, коего жаркая кровь кипитъ желанїемъ къ побѣдѣ, необходимо нужна ловля: то пусть онъ безтрепетно взираетъ

на раздраженнаго льва, которой спокойно, рѣшительно и прямо идетъ на устремленное противъ него копье и на всѣ стаи гончихъ собакъ, кои увидя его еще издали, разбѣгаются всюду! Пусть устремляется противъ волка, выходящаго изъ норы дремучаго лѣса, и спускаетъ на него мохнатаго его непрїятеля во всей ярости для умерщвленїя сего кровопїйцы! Или, когда страшно реветъ сѣрый медвѣдь и грозитъ яростнымъ растерзанїемъ; пусть въ сердце сего чудовища вонзаетъ стрѣлу крѣпкою своего мышцею!

Такой охоты вы, Британцы, не знаете; а весь

неумолимый скорый гнѣвъ вашъ обращаете противъ ночнаго хищника стадъ, коего и надлежитъ выгонять изъ глубокой каменистой норы его и преслѣдовать со всѣмъ громомъ травли. Окапывайтесь широкими рвами, смѣло перескакивайте чрезъ ограды и оплоты, отворяйте себѣ путь безпрепятственно чрезъ зыбкія болота и степи; бросайтесь безбоязненно въ глубокія и стремительныя рѣки, и преплывая оныя, торжествуйте велегласно, дабы громкое эхо всюду раздавалось по горамъ и утесамъ.

Пусть грубые мущины забавляются неистовою утѣхою звѣриной ловли! но сердце

Британскихъ красавицъ никогда не должно быть омрачено такою дикою и ужасною радостїю. Да будетъ отъ нихъ удаленъ сей духъ жестокости! Чужда для нихъ быть должна непристойная смѣлость и проворство скакать чрезъ окопы и управлять необузданнымъ конемъ, также рыцарская шляпа, бичь и весь мужской снарядъ, въ коихъ нѣжныя чувства ихъ грубѣютъ, и прелестная, полу ихъ свойственная кротость изчезаетъ. Сострадать страждущему, при каждомъ словѣ и движенїи обнаруживать на алыхъ щекахъ румянецъ стыдѣнїя, гнушаться всякаго насилїя съ прелестнѣй-

шею робостію; кроткою и безмолвною любезностію побуждать мужа защищать себя со всею искренностію: се есть пріятнѣйшее украшеніе пола ихъ! О когдабъ око ихъ нигдѣ не встрѣчало инаго жалостнаго предмета, кромѣ сѣтующихъ любовниковъ, и никакой иной ловли, кромѣ благороднѣйшаго сраженія съ преслѣдовательными очарованіями любви въ волшебныхъ ея пустыняхъ! Да будетъ похвалою и достоинствомъ красавицъ, одѣвать нѣжные свои члены цѣломудреннымъ убранствомъ простоты; силою гармоніи умѣть крѣпко содержать въ плѣнѣ побѣжденную душу, очарованную дышу-

щими любовію устами; выражать на арфѣ тоны нѣжности; каждымъ тихимъ шагомъ и въ каждой минѣ являть новыя прелести, и украшать танцы легкими своими движеніями; на бѣлѣйшемъ полотнѣ изображать цвѣтки и бесѣдки, владѣть и управлять кистію живописи, читать листъ музыки; въ плодородное время года воспитывать новые цвѣтки и возвышать красоты Натуры; въ милыхъ наслѣдникахъ возрождать снова свои любезности и пріятности; распространять въ обществѣ утонченный вкусъ; благоустроеніемъ хозяйства доставлять мужу пріятнѣйшее удоволь-

ствіе; скромнымъ благоразуміемъ, вѣжливымъ, тихимъ и предупреждающимъ всѣ заботы искуствомъ возвышать добродѣтель, возбуждать чувствованія благоденствія и услаждать всѣ горести жизни человѣческой: сіе да будетъ славою и честію красавицъ!

Теперь вы, пастухи, поспѣшайте въ оный орѣшникъ, гдѣ покатистая долина тихо спускается къ излучистому ручью. Тудажъ и вы, пастушки, идите въ легкой одеждѣ, удобной къ прохожденію сквозь чащу переплетшихся кустовъ. Для васъ жители лѣсовъ начинаютъ пѣть послѣднія свои пѣсни. Тамъ въ густой тѣни юноша

ищетъ вамъ кисти спѣлыхъ блестящихъ орѣховъ, и со тщательною поспѣшностїю сбиваетъ ихъ съ высокихъ вѣтокъ, или вытрясаетъ изъ кожи. Они сыплются съ кустовъ сильнымъ дождемъ, похожимъ своимъ цвѣтомъ на густые русые волосы Мелинды, всѣми прелестями безъ изъятїя одаренной, которая однакожъ ими не уважаетъ, потому что большее отдаетъ преимущество мудрости, нежели красотѣ, и превосходитъ всякую народную похвалу.

Оставя рабочїя, удовольствїемъ и радостїю гремящїя поля, прейдемъ свободно въ прїятномъ замѣшательствѣ по всему лабиринту

осени и насладимся бальзамическимъ запахомъ садовъ, обремененныхъ зрѣлыми плодами. Они, повинуясь Зефиру и побѣдительному лучу солнца, кучами валятся безпрерывно съ нагбенной вѣтви. Полносочная груша вездѣ разсыпана въ великомъ изобилїи. Сей прїятный плодъ наполненъ различною сладостїю. Усовершенствующая всѣ произведенїя рука Натуры образовала его изъ умѣренной теплоты солнца, воздуха, воды и земли въ пропорцїональномъ и всегда различномъ смѣшенїи. И такъ во время прохладной осенней ночи благовонныя сїи сокровища сыплются изобильно изъ крѣпкой руки года на

тучный дернъ, и покрываютъ оный разноцвѣтными полосами. Въ ихъ парахъ живетъ различный, свѣжїй, прїятный и острый духъ, которой даетъ изъ себя проницательный утоляющїй жажду сокъ. Се твоя природная тема и вдохновенїе, о Филиппъ, пѣвецъ Помоны! благодарно и со всею Британскою свободою воспѣвшїй безриѳменнымъ стихомъ: какъ сей блистательный сокъ лїется изъ Силурїйскихъ бочекъ прозрачными струями, веселящими крѣпкаго человѣка при зимнихъ пиршествахъ, или съ прїятностїю прохлаждающими его во время лѣтнихъ жаровъ.

Позволь мнѣ, о Додингтонъ! въ сіе веселое время года, когда солнце ліетъ умѣренно благотворные лучи свои на тихій день, потеряться въ пріятныхъ зеленыхъ алеяхъ сельскаго твоего жилища, гдѣ толь открытно и свѣтло господствуетъ простая Натура, и гдѣ теряющійся въ безпредѣльной окрестности взоръ открываетъ песчаныя Дорзетскія горы, покрытыя густыми рощами, богатою жатвою, или стадами бѣлыхъ овецъ; а между тѣмъ великолѣпіе твоихъ чертоговъ издали поражаетъ блескомъ восхищенное мое око. Тамъ ежедневно открываются новыя красоты, ежедне-

вно воздвигаются новые столпы; каждое ясное утро оживляетъ новыя растѣнія и одѣваетъ зеленью новыя рощи. Все преисполнено твоего ума! Тамъ, въ жилищѣ Музъ, которыя въ тайной бесѣдкѣ среди излучистыхъ алей соплетаютъ вѣнокъ добродѣтельному мужу Юнгу и тебѣ; тамъ часто блуждаю я въ уединеніи и ожидаю вдохновительнаго вѣянія Зефира, воспламеняясь непреоборимою ревностію къ похвалѣ твоей; разсматриваю книгу Натуры, всегда отверстую, и съ горящимъ сердцемъ тщусь изучать нравственныя пѣсни. Потомъ прохожу далѣе на открытыя мѣста, гдѣ осень

блистаетъ темно-пурпуровыми своими плодами, и прїятная моя тема безпрестанно вдыхаетъ мнѣ новыя мысли: представляетъ млечный, покрытый пухомъ персикъ, прозрачную сливу, голубоватою влагою одѣтую; сладкїй финикъ, подъ длинными листьями сокрытый; и виноградныя лозы, износящїя на изкривленныхъ своихъ вѣткахъ полныя кисти, кои созрѣваютъ при зноѣ полуденнаго солнца и не требуютъ жарчайшаго климата.

Теперь простремъ быстрый полетъ воображенїя въ исполненныя жизни страны подъ прекрасными пространными климатами, гдѣ виноградные сады блестятъ и

тучнѣютъ отъ дѣйствія могущаго солнца, разстилаясь по широкой долинѣ, или по открытому косогору, и піютъ двойное пламя, отраженіемъ лучей отъ одной скалы къ другой усугубляемое. Обремененныя плодами вѣтви нагибаются; отѣняемыя листвіемъ кисти пламенѣютъ и свѣтятся. Спѣяніе навѣваетъ на полную тугую кожицу плода бѣлую животворную росу. Когда же сей плодъ начнетъ свѣтлѣть зрѣлымъ сокомъ, покрытымъ смѣшанными колерами: тогда сельскіе отроки и дѣвицы, другъ другу милыя, выходятъ въ поле для собранія осеннихъ начатковъ, и весело возвѣщаютъ приближеніе сея

жатвы. Наконецъ приходитъ хозяинъ и собираетъ плодъ, и тогда вся страна течетъ и дымится рѣками собраннаго винограда. Сокъ мало по малу окисаетъ, очищается, и по томъ преисполняетъ чашу радости во всякомъ веселомъ народѣ. Изъ сего приготовляется драгоцѣнное вино Бургонское, которое такъ красно, какъ алыя отсвѣчивающїяся въ чашѣ уста пїющаго оное; изъ сего образуется превосходное Токайское и веселое Шампанское, толико же летучее, какъ острота, пїющему имъ сообщаемая.

Уже преклоняющееся время года начинаетъ сгущать многїе пары. Сїи невидимо

восходятъ на воздухъ, сжимаются тамъ, осѣдаютъ въ низъ и въ спустившемся туманѣ обтекаютъ холмы и города. Высокїя, пространныя, ужасныя горы, изъ нѣдръ которыхъ выливаются рѣки, и которыя между бранными государствами служатъ каменистымъ длиннымъ оплотомъ, не наполняютъ уже зрѣнїя великимъ многоразличїемъ предметовъ; но погружены будучи въ ночь скопившихся паровъ, представляются обманутымъ чувствамъ громадою мрака и предметомъ ужаса. Сїе мрачное сгущенїе паровъ постепенно расширяется, и поглощаетъ ровнины и мелькающїе лѣса. Рѣки, едва

примѣтныя въ сихъ парахъ, кажутся мутны и темны, и медленно влекутъ мглистыя свои волны. Самое солнце, въ высокомъ полудни омраченное, бросаетъ слабый и тупый лучь въ отдаленныхъ преломленіяхъ; и тогда отсвѣчиваются многіе разширенные солнечные круги, коихъ весь простой народъ ужасается. На землѣ не возможно тогда въ густомъ воздухѣ различать предметовъ, которые представляются гораздо болѣе противъ натуральной своей величины. Пастухъ идетъ по полю въ странномъ исполинскомъ видѣ. Наконецъ всеобщая мгла неограниченно разстилается и сгущается

по всей землѣ въ безпрерывномъ и всеобъемлющемъ круженіи; безобразное и сѣдое дымленіе погребаетъ всю вселенную. Такъ древле (поетъ Еврейскій Бардъ) не собранный свѣтъ проницалъ сквозь хаосъ новою своею стезею, когда порядокъ не извлекъ еще вожделѣннаго своего сопутничества изъ сомнительнаго мрака!

Сіи разсѣянные, безпрестанно теперь дымящіеся около гористыхъ мѣстъ туманы наполняютъ горныя пещеры грузнымъ дождемъ и растаявшимъ на Альпахъ снѣгомъ. Они суть обильныя сокровища водъ, въ пустотѣ скалъ собираемыя, изъ которыхъ вытекаютъ

рѣки, кипятъ неизсякаемые родники, и ручьи получаютъ никогда неумаляющееся богатство свое. Ученые говорятъ, что гдѣ многоразличныя волны безпрерывно ударяются объ звонкіе берега; тамъ воды, проходя сквозь песчаный *материкъ*, поднимаются вверьхъ съ уносимымъ ими пескомъ. Тогда между углами песка оставляютъ онѣ зубчатыя свои соли, очищаются и дѣлаются сладкими, проходя симъ тѣснымъ путемъ. Неутомимая влага нигдѣ не останавливается и восходитъ безпрерывно, хотя часто выступаетъ среди наводненной долины. Она поднимается на горы чрезъ посредство песка, который

темными лабиринтами отводитъ ее отъ моря, происхожденія ея, весьма далеко, пока наконецъ въ такой прозрачности и изобиліи откроется, что блестящій пригорокъ весь скачущими водометами воскипитъ. Но прочь съ такимъ суетнымъ, ложнымъ, сонным грѣзомъ! Что можетъ заставить воду востекать на горы такимъ дальнимъ путемъ, когда пріятныя долины представляютъ ей лестное въ трудѣ успокоеніе и ближайшее вмѣстилище? Положимъ, что она по слѣпому надменію устремляется вверьхъ; но для чего же вдругъ останавливается въ разсѣлинахъ обвалившихся горъ, и оставляетъ

влекущїй песокъ, толь долго теченїе ихъ очаровавшїй, не достигнувъ самой вершины оныхъ? Сверьхъ того окаменѣлыя вязкїя соли, сїя добыча столѣтїй, непроницаемо заградили бы имъ тайные ихъ ходы, или мало по малу возрастая, сравняли бы долины съ высокими холмами; и самый Океанъ древнїй, проницая сквозь разсѣлины и поры земнаго шара, давно бы уже оставилъ пространное и ужасное свое вмѣстилище и вывелъ Девкалїоновы волны.

Скажи же, гдѣ скрываются вѣчные отдаленные родники, смертному оку невидимые, подобно какъ и сама творящая Натура, но

освѣжающіе шаръ земной и всѣ веселыя его произведенія обильнѣйшими своими сокровищами? О духъ прозорливости, данный человѣку для изслѣдованія таинъ мрачной бездны! раскрой мнѣ горы и покажи ясно сокровенную ихъ структуру изумленному оку; совлеки со многовѣтвистыхъ Альповъ тяжкіе сосновые лѣса; сними съ Азіатскаго Тавра и простирающагося чрезъ мрачные предѣлы блуждающей Тартаріи Имауса огромную тяжесть ужаснѣйшихъ деревъ; представь испытательному взору моему разверзающагося Гемуса и высокій Олимпъ, толь многія рѣки изливающій; смой вѣчные снѣга съ шумливыхъ

вершинъ Сѣвера, съ Дофринскихъ холмовъ, чрезъ всю Скандинавїю до отдаленнѣйшей Лапландїи и ледянаго моря простирающихся; съ безмѣрно высокаго Кавказа, усматриваемаго мореходцами съ Каспїйскаго и Черпаго моря; съ хладныхъ скалъ Рифейскихъ, именуемыхъ Россами каменнымъ поясомъ мїра; и со всѣхъ ужасныхъ, въ эѳирныхъ вихряхъ погребенныхъ хребтовъ горъ, изъ которыхъ пространная Сибирь влечетъ уединенныя свои рѣки. Повели Атланту, носящему, по мнѣнїю Поэтовъ, на раменахъ своихъ небо, и висящему надъ бездною, вѣчно подъ звучнымъ основанїемъ его дѣйствующею, об-

наружить подземныя чудеса свои. Раскрой исполненныя минераловъ пещеры, повели имъ возблистать изъ подъ Абиссинскихъ до облаковъ досязающихъ скалъ и нагбенныхъ лунныхъ горъ. Паче же обнаружи страшныя глубины превосходящихъ всѣхъ тѣхъ исполиновъ земли, ужасныхъ Андовъ, простирающихся отъ лучезарной линіи до бурнаго моря, около южнаго полюса гремящаго. О дивное явленіе! я созерцаю рѣки въ ихъ дѣтской колыбели; слышу сильное ихъ устремленіе къ освобожденію; вижу слои, искусно расположенные; созерцаю разсѣлины, для принятія дождей, тающихъ снѣговъ, и влажныхъ

тумановъ зїяющїя; вижу сыпучїй песокъ, надъ ними разсѣянный; кремнй и хрящи; ряды смѣшанной жирной земли, глины и ила, жерловатые камни и излучистыя трещины, которыя удерживаютъ стремленїе протекающей сквозь оныя влаги и сохраняютъ ее отъ порчи. Подъ истоками оной вижу каменистые далеко простирающїеся каналы, обширныя вмѣстилища водъ, изъ ожестѣвшей извести или окремнѣвшей глины образованныя. Сей великїй запасъ кристальныхъ сокровищъ воднаго мїра отворяетъ себѣ кипящїй выходъ сквозь зыбкїй песокъ, и востекая къ гордому челу горы, проры-

вается изъ боковъ оной, или изъ подошвы пологихъ холмовъ чистыми родниками. Такимъ образомъ зной солнца, обремененный парами воздухъ и хладные верьхи горъ, образуя изъ сихъ претворенныхъ въ дождь паровъ безпрерывные ручьи, и по томъ благотворными рѣками, изящно землю раздѣляющими, возвращая ихъ во глубину моря, производятъ общественную работу и служатъ твердыми столпами благоустройства и гармонiи всѣхъ вещей.

Когда осень изливаетъ послѣднiй блескъ свой; ласточки, предчувствуя приближенiе зимы, играютъ цѣлыми стадами, плаваютъ

въ тихомъ воздухѣ, и кружася скорыми изворотами, представляютъ теченiе пернатыхъ волнъ. Онѣ играютъ въ послѣднiй разъ, и по томъ отходятъ на зимнiй свой покой подъ мшистый берегъ, гдѣ и дремлютъ, сцѣпясь другъ съ другомъ на подобiе виноградной кисти, или въ теплыя непроницаемыя хладомъ пещеры, или съ прочими улетаютъ въ теплые климаты, и тамъ весело проводятъ время, пока весна опять оттуда ихъ вызоветъ. Теперь сiи пернатыя стада наполняютъ воздухъ безпрерывнымъ движенiемъ.

Тамъ, гдѣ Реинъ теряетъ величественную свою

силу, въ ровнинахъ Голландіи, кои мощная и непобѣдимая рука удивительнымъ своимъ раченіемъ отняла у мятежнаго моря, аисты собираются нынѣ въ великомъ множествѣ. Нѣсколько дней проводятъ они въ приготовленіи и нерѣшимости, прежде нежели вступятъ въ трудное свое путешествіе подъ яснымъ небомъ. Какъ же скоро будутъ готовы, предводитель назначенъ, станицы отдѣлены, крѣпкія крылья направлены, нѣсколько предварительныхъ и краткихъ опытовъ сдѣлано, и всѣ уже стада собраны вмѣстѣ: то вдругъ поднимаются и летятъ разными рядами по воздушнымъ вол-

намъ, взвиваясь подъ самыя облака.

Кто можетъ изчислить, сколько такихъ путешествій совершается ежегодно, сколько сихъ народовъ прилетитъ и отлетитъ, и сколько такихъ крылатыхъ облаковъ толпится подъ небесами, тамъ, гдѣ сѣверный Океанъ кипитъ неизмѣримыми вихрями около голыхъ меланхолическихъ острововъ отдаленнѣйшей Исландіи, и Атлантическія волны разбиваетъ между бурными Гебридами? Тамъ весь воздухъ помрачается неописаннымъ ихъ множествомъ, а по брегамъ раздаются отголоски дикаго ихъ крика.

Простый и кроткій поселянинъ пасетъ тамъ малое стадо овецъ и многоцвѣтнаго рогатаго скота на зеленыхъ холмахъ небольшаго острова, пастушескаго царства, препоясуемаго моремъ; или съ опасностію лазая по утесамъ, достаетъ себѣ въ пищу различныя яица; ходитъ по богатымъ рыбою брегамъ и собираетъ пухъ для роскошной своей постели. Тамъ парящая надъ пространнымъ лазоревымъ явленіемъ Муза созерцаетъ въ романическихъ видахъ свою Шотландію: какъ она высокими своими горами воздымается изъ волнующагося Океана, и обтекается острымъ, тонкимъ, пронзаю-

щимъ душу эѳиромъ; какъ одѣта огромными лѣсами, крѣпко и глубоко насажденными рукою Натуры за нѣсколько столѣтій. Она зритъ голубыя моря, по безмѣрнымъ пространствамъ разлитыя и всѣми водными дарами изобилующія; видитъ плодоносныя, зеленыя, далеко извивающіяся долины, пріятно омываемыя свѣжими, прозрачными, струистыми ручьями, отъ береговъ Тведы, матери чистыхъ рѣкъ, которая съ сыномъ своимъ Эдомъ первая слушала на пастушескихъ брегахъ Дорическую мою флейту, до самаго того предѣла, гдѣ возходящія отъ сѣвера тучи дымятся надъ высокими челами Орки

и Бетубїума. Она видитъ землю, питательницу такого народа, которой будучи воспитанъ въ училищѣ нещастія къ храбрымъ поступкамъ, былъ скоро ученостїю просвѣщенъ, когда она, удалясь отъ Готфскаго неистовства, простерла свой полетъ къ западу; народа мужественнаго, мудраго и неусыпнаго духа, которой въ бранноносныя времена жестоко сражался, (какъ то нещастный Валласъ, великїй патрїотъ, герой и предводитель, худо вознагражденный, засвидѣтельствовать можетъ) ради сохраненїя государства въ благородствѣ и невредимости; и которой, не терпя тѣсныхъ предѣ-

ловъ, и влекомъ будучи во всѣ земли прелестями славы, безщадно жертвовалъ за оныя жизнїю своею; а проницательный умъ его начерталъ и произвелъ въ дѣйство славу мира, вѣрностїю его прїобрѣтеннаго: такъ какъ полунощная заря часто отъ свѣтлаго сѣвера льется по Европѣ тихими ясными струями.

Не сыщется ли здѣсь такой патрїотъ, которой бы имѣлъ во своей власти возвышеннѣйшее Божеское удовольствїе ощастливить тысячи еще нерожденныхъ народовъ посредствомъ позднихъ потомковъ? Нѣтъ ли человѣка великой души, способной подкрѣпить ослабѣ-

вающее трудолюбїе, бѣдному земледѣльцу доставить двойную жатву, работающей рукѣ споспѣшествовать къ снисканїю награды за труды, и научить: какъ по отличному искусству ткать домашнее полотно, самое тонкое, подобное снѣгу бѣлизною; какъ благоправимыми щастїемъ веслами разсѣкать широкїя волны, и уже не подвергаться посмѣянїю покоренїя отъ флота Батавскихъ блещущихъ чешуйчатыхъ войскъ, стоящихъ среди морскихъ заливовъ Британїи и тѣснящихся къ предѣламъ оной; какъ возвысить всеоживляющую коммерцїю и изъ каждой пристани отправлять корабли

на щастливыхъ парусахъ для объѣзда всего моремъ обтекаемаго шара земнаго непроходимыми еще путями, дабы и мужествомъ и именемъ утвердить надъ морями господство Британіи?

Такъ, есть еще таковые! Аргилъ (*)! надежда, слава, подпора и любимецъ Британіи, отъ первыхъ ея патріотовъ и героевъ происходящій! на тебя перваго устремляетъ умиленный глазъ свой отечество твое. Въ тебѣ срѣтаетъ оно во всемъ материнскомъ торжествѣ своемъ всѣ соединенныя съ прелестями добродѣтели свои, мудрость, дарованія,

Э 2

(*) Генералъ-Фельдцейгмейстеръ и краснорѣчивѣйшій Риторъ.

плѣняющую любезность, свое любочестїе и мужество, срѣтаетъ ихъ сохраненными неустрашимо и великодушно среди самой бездны кипящей огнемъ и сѣрою брани на ужасномъ полѣ Тенїеровомъ. Не меньше же увѣнчаваетъ главу твою и пальмовый вѣнокъ мира. Отъ велерѣчивыхъ устенъ твоихъ льется слово съ таковою же убѣдительною силою, какъ страшенъ мечь твой; слово, рѣшащее самыя важнѣйшїя дѣла. Въ тебѣ соединены прелести юноши съ крѣпостїю мужа и глубокомыслїемъ старца. Равно и тебя, о Форбъ! всѣми достоинствами увѣнчанный, искренній, какъ самая истина,

благодѣтельный, какъ со-страждущее дружество, истинно благородномыслящій и въ самомъ молчаніи великій Форбъ! и тебя чувствуетъ отечество твое въ возраждающихся искусствахъ своихъ, получившихъ отъ мудрости твоей чертежъ, а отъ души твоей форму. Рѣдко имѣло оно подобнаго тебѣ друга.

Уже разноцвѣтные увядающіе лѣса, измѣняясь въ тѣняхъ своихъ, темнѣютъ во всей окрестности, на подобіе отливающей всѣ цвѣты завѣсы, которая каждый колеръ представляетъ, хотя впрочемъ тускло и темно, начиная отъ поблекшей зелени до густой черни.

Теперь легкимъ своимъ шумомъ уводятъ они уединенную Музу на покрытыя листвïемъ тропинки, и представляютъ время года въ последнемъ его видѣ.

Между тѣмъ, какъ глубокая тишина одѣваетъ легкою тѣнïю безпредѣльный эѳиръ, коего каждая малѣйшая струя стоитъ въ колебанïи и нерѣшимости, куда наклонить тихое свое теченïе; свѣтлыя росоносныя облака пïютъ сïянïе солнца, и чрезъ посредство свѣтлыхъ своихъ покрывалъ преливаютъ на спокойную вселенную умѣреннѣйшую силу онаго. Теперь настаетъ время любящимъ мудрость и Натуру удалиться отъ тол-

пы превратныхъ человѣковъ, воспарить превыше настоящаго краткаго явленія существъ, попрать гнусный порокъ, обуздать волнующія сердце страсти и искать уединеннаго спокойствія въ тихой прогулкѣ.

Я буду пустыннически ходить въ задумчивости по опустѣвшему пригорку, и въ поблекшей рощѣ, гдѣ не слышно почти никакого, даже издыхающаго тона, заниматься работою лѣсника. Тамъ осиротѣвшая коноплянка издаетъ еще свой жалобный гласъ слабыми тонами среди покрытаго влагою кустарника. Стада скворцовъ соединяются съ жаворонками и другими жителями лѣсовъ,

коихъ безъискусственная пѣснь недавно составляла всю музыку среди густыхъ тѣней рощей. Теперь сіи робкія стада садятся боязливо на оголѣвшія деревья, перья ихъ не издаютъ уже блеска, и все пѣніе состоитъ только въ разногласномъ ворковaніи. Ахъ! не погубляй, безчеловѣчный глазъ! убивственною дробью пѣвцевъ будущей весны. Не поражай, не убивай сихъ слабыхъ тварей; онѣ такъ невинны, что не подозрѣваютъ никакой опасности, и притомъ весьма малую добычу составляютъ для тебя.

Блѣдное истекающее время года, впрочемъ всегда пріятное, должно одушевлять

насъ вящшимъ благомыслїемъ. Теперь безпрестанно опадаетъ листъ съ печальныхъ рощей, и тихо кружась въ колеблющемся воздухѣ, часто останавливаетъ идущаго въ задумчивости; а когда вѣетъ сильный западный вѣтръ, тогда листвїе разливается по воздуху рѣками, пока покроются и наполнятся имъ всѣ лѣсныя тропинки, куда оно каждымъ дуновенїемъ далѣе и далѣе уносится съ шорохомъ. Изчезла осиротѣвшая зелень полей, и всѣ цвѣтки лишась радужныхъ колеровъ, приникли въ свои ложи. Даже и самые крѣпкїе остальные плоды опадаютъ теперь съ голыхъ деревьевъ. Лѣса и

луга, сады и огороды, поля и всѣ окрестности сѣтуютъ и наполняютъ душу печалїю.

Се грядетъ богиня Философическаго глубокомыслїя въ каждомъ дуновенїи вѣтра! Приближенїе ея возвѣщаютъ неожиданно проливающїяся слезы, горящїя ланиты, прїятныя тѣлодвиженїя, кроткое чело и бїющееся сердце, многимъ добродѣтельнымъ болѣзнованїемъ пронзаемое. Священное влїянїе ея проницаетъ всю душу, воспламеняетъ воображенїе, преисполняетъ сердце всякою нѣжностїю, и плодовитое размышленїе возводитъ превыше печальной земли. Тысячи скорыхъ идей, изъ коихъ ни одна еще прослолю-

дину не грѣзилась во снѣ, тѣснятся предъ творящимъ взоромъ ума; тысячи высокихъ побужденій возраждаются въ сердцѣ мгновенно: благоговѣніе, къ божественному созерцанію возхищенное; преимущественная любовь къ ближнимъ своимъ и ко всему роду человѣческому; ревностное и неограниченное желаніе поспѣшествовать къ щастію его; сожалѣніе о страждущемъ въ безъизвѣстности погибающемъ достоинствѣ; презрѣніе непріятельской гордости; неустрашимая рѣшимость; удивленіе патріоту, по роду смерти въ позднѣйшемъ потомствѣ славному; жаркое стремленіе сердца къ добродѣ-

тели и славѣ; нѣжная симпатія любви и дружества, и многія другія движенія возстаютъ тогда въ праводѣтельномъ сердцѣ.

Тогда, о Муза! перенесись въ пространные лѣса, въ тѣнистыя рощи и дальновидныя долины, въ печальные гроты и прорицательныя тѣни, гдѣ лики Ангеловъ явленіемъ своимъ потрясаютъ мраки, и въ глубокой пустотѣ слышатся энтузіастическому уху крѣпкіе гласы, превосходящіе гласы человѣковъ.

Ежелижъ сей мракъ чрезмѣрно густъ, то поведите меня, о вы начальствующія надъ садами и селами власти, коихъ неизчетное мно-

жество осѣняетъ щастливую и прїятную землю Британскую! поведите въ длинныя алеи величественнаго Стовенскаго вертограда. Никогда Персидской Киръ не видалъ на брегахъ Іонїи толь прелестныхъ окрестностей, толь многоразличнаго искусства, умомъ оживленнаго, и столь пылкаго ума, хладнокровнымъ искусствомъ умѣреннаго, что самая прекраснѣйшая Натура опасается, чтобъ въ семъ спорѣ искусству не уступить. Здѣсь-то, о *Питтъ*! ранняя слава отечества, позволь мнѣ возсѣсть въ тѣнистыхъ бесѣдкахъ, или въ храмѣ добродѣтели, гдѣ ты въ позднїя времена заслужишь знаме-

нитое имя и получишь последнюю улыбку осени, желтыми лѣсами блистающей и притомъ вожделѣннымъ твоимъ присутствїемъ одушевляемой. А между тѣмъ, какъ я буду тамъ прогуливаться съ тобою по очарующимъ окрестностямъ и искусственнымъ пустынямъ, смѣлое воображенїе прелетитъ сквозь *Аттическїя* рощи, будетъ по твоему изящному вкусу образовать свой собственной и направлять свою кисть по чистѣйшей истинѣ Натуры; или оставя безжизненныя тѣни, возвыситъ ее къ изображенїю человѣчества. Ежели она будетъ когда смѣлою рукою описывать печальныя явле-

нїя, то научи ее изображать различныя движенїя сердца по свойству каждаго и по точному языку каждой страсти. Дай пѣсни моей твое трогательное витїйство, которое все внимательное собранїе научаетъ, убѣждаетъ, движетъ и наклоняетъ, и которое яркїя молнїи праводѣтельной ревности вержетъ противъ низкаго потворства и потрясаетъ оное на измѣнничьемъ его тронѣ. Во время такого нашего бесѣдованїя и прїятной прогулки по Елисейскимъ долинамъ можетъ быть вырвется изъ груди моей вздохъ: ахъ! какая жалость! Кобгамъ! вмѣсто устроенїя сильныхъ эскадро-

новъ и длинныхъ линїй армїи, ты долженъ нынѣ только подравнивать свои зеленыя деревья, въ такое время, когда гордый непрїятель, суетный и вѣроломный нарушитель спокойствїя народнаго, насмѣшливый Галлъ движетъ всю вселенную на брань, и когда Британское юношество могло бы пользоваться твоими мудрыми велѣнїями, умѣренною ревностїю и древне-воинственною опытностїю.

Заходящее солнце уводитъ съ собою краткїй осеннїй день, и влажный вечеръ влечетъ на землю съ небесной тверди пары, приближенїемъ своимъ сгущенные. Тамъ, гдѣ разливаются во-

ды, гдѣ стоятъ болота и извиваются рѣки, тамъ крутятся туманы и плаваютъ надъ обвитыми сумрачною одеждою кустами. Между тѣмъ полная луна проницаетъ сквозь раздѣленныя облака, и являетъ свѣтлое лице свое на пурпуровомъ востокѣ. Теперь пятнистый кругъ ея, какъ меньшая земля, на которой по Астрономическимъ наблюденiямъ замѣчаются высокiя горы, низкiя долины и глубокiя пещеры, стоя противъ солнца, отбрасываетъ отъ себя весь блескъ онаго, чуждый огня и теплоты, и лiетъ на землю тишайшiй день. Иногда какъ-бы прокрадывается она сквозь бѣгущiя облака, а

иногда стоитъ высоко въ чистой небесной лазури. Сей блѣдный свѣтъ озаряетъ всю окрестность, волнуясь въ стихїи воздушной, и тихо лїется на высокїя горы и тѣнистыя долины. Каменные утесы и рѣки дрожащїй блескъ его отражаютъ, и весь воздухъ бѣлѣетъ отъ безпредѣльнаго прилива сего сребристаго, всю вселенную осїявающщаго озаренїя.

Но когда сей свѣтъ въ небесной тверди полу-погасаетъ и оскудѣнїемъ своимъ допускаетъ звѣздному огню свѣтить остроугольнымъ его блескомъ во глубинѣ небесной; или когда кругъ сея планеты является совсѣмъ погасшимъ такъ, что едва

примѣчается въ немъ только слабая нѣкая бѣлизна: тогда въ сїе время года часто являются на сѣверѣ огни метеоровъ. Сперва странствуютъ они въ нижней атмосферѣ, по томъ вдругъ востекаютъ на высоту небесъ, и тотчасъ опускаются и паки восходятъ, мѣшаются и пресѣкаются, гаснутъ и опять возгараются такъ, что по всему эѳиру разливаются лабиринты свѣта.

Отчаянный страхъ распростирается тогда на лицахъ простолюдиновъ, и даетъ явленїю сему дивные виды и толки: войска въ полномъ боевомъ строѣ, вооруженныя копьями и укрѣпленныя огненною конницею;

длинные ряды воинственников мѣшаются уже въ кровавой сѣчи, и багровыя рѣки безчеловѣчнаго убивства льются по ровнинамъ неба. Суевѣрная молва вмигъ разносится повсюду, и боязливое невѣжество, смотря на сіе воображаемое зрѣлище, болтаетъ о крови и слезахъ, о разрушеніи городовъ, въ ту же самую ночь страшными землетрясеніями поглощенныхъ, или неодержимымъ пламенемъ пожранныхъ; о гладѣ, наводненіяхъ и буряхъ, о язвѣ и величайшихъ бѣдствіяхъ и о низпроверженіи государствъ, коимъ всеправительственный рокъ назначилъ неизбѣжную кончину; и якобы сама Натура

приближается уже къ последнему своему предѣлу. Но не такъ мыслитъ мужъ съ Философическимъ окомъ и мудрымъ проницанïемъ! онъ смотритъ на сей струистый блескъ съ любопытствомъ и вниманïемъ, дабы изслѣдовать неопредѣленное еще основанïе и причины толь прекраснаго и новаго явленïя.

Теперь наступаетъ черная и глубокая тьма ночная. Слава пространныхъ небесъ и земли погружается въ темный мракъ; стройность приходитъ въ безпорядокъ, всякая красота умираетъ, многоразличïе вещей изчезаетъ, и прïятное разнообразïе сливается въ одну всеобщую ночь. Толь велика

сила свѣта въ сотворенїи и оживленїи вселенной! Но страшно тогда состоянїе странственника, путешествующаго съ робостїю среди тьмы, исполненной блѣдныхъ призраковъ и нелѣпыхъ страшилищъ; котораго не ободряетъ ни малѣйшая искра свѣта отъ какой нибудь хижины, или отъ чертоговъ высокаго замка! Когда онъ съ нетерпѣнїемъ продолжаетъ путь свой, можетъ голубой блудящїй огонь выскочить изъ корня смолистаго тростника, и разостлаться по моху въ ложномъ видѣ огненною полосою. Когда же симъ призрачнымъ блескомъ, то изчезающимъ, то паки возгарающимся,

увлекается онъ; погибаетъ съ конемъ и всадникомъ въ глубокой пропасти; между тѣмъ печальная его супруга и плачущія дѣти со дня на день ожидаютъ возвращенія его и теряются въ ложныхъ гаданіяхъ. Иногда же сей призракъ, отъ благодѣтельнаго Генія ночи посланный, садится и тлѣетъ безвредно на конской гривѣ, и странственнику показываетъ узкую тропу, среди ужасныхъ стремнинъ идущую, или опасный переѣздъ чрезъ рѣку.

По прошествіи должайшей ночи наступаетъ ясное утро, и выводитъ послѣдній осенній день во всемъ блескѣ росы и красоты. Восходящее солнце разгоняетъ туманъ;

оцѣпенѣлая влага разтекаетъ отъ луча его, и на каждой вѣткѣ, на каждомъ травяномъ листкѣ блестятъ тысячи росныхъ каплей.

Ахъ, зрите! тамъ въ вертепѣ лежитъ похищенный и убитый еще свѣжій улей. Онъ былъ украденъ вечеромъ подъ облакомъ скрывающей злодѣянія ночи и поставленъ на горящую сѣру. Когда сіи щасливыя твари, никакого зла не предчувствующія, сидѣли спокойно въ восковыхъ своихъ норкахъ, занимались благосостояніемъ всего своего общества, дѣлали распоряженія о умѣренномъ содержаніи во время скудной зимы, и радовались о богатомъ сво-

емъ запасѣ: вдругъ обнялъ ихъ густой убивственный чадъ, и онѣ, какъ привыкшія къ благовоннѣйшимъ запахамъ, задохлись отъ него и повалились кучами на землю изъ исполненныхъ медомъ жилищъ своихъ. Для сей ли награды вы цѣлую весну летали съ цвѣтка на цвѣтокъ? Ради сего ли вы съ такою неутомимостію преносили солнечный зной? Для сего ли во время осени разсѣявались по всѣмъ цвѣтами обильнымъ лугамъ, и не пропускали ни одного солнечнаго просіянія? Ради такого ли жребія вы все то дѣлали? О человѣкъ! о жестокой господинъ! доколѣ, доколѣ еще будетъ стенать угнѣтенная Натура подъ

твоимъ неистовствомъ, ожидая своего обновленія? Уже ли ты за благодѣянія долженъ платить совершеннымъ погубленіемъ? Развѣ не можешь и заимствовать отъ нихъ амброзическую пищу, и въ справедливое воздаяніе доставлять имъ защиту отъ зимнихъ вѣтровъ? или въ жестокое зимнее время удѣлять *имъ отъ* того, что у нихъ тобою занято? Зрите, какъ спустошено и разрушено твердое основаніе ихъ града! и какъ нѣкоторые оставшіеся въ живыхъ сочлены сего погубленнаго общества ослабѣли, изнемогли и уже близки къ смерти! — Такъ погибаетъ великолѣпный, многолюдный

и богатый градъ, всѣми произведенїями искуства изобилующїй, погибаетъ отъ ужаснаго землетрясенїя среди утѣхъ театральныхъ или пиршествъ, или во время глубокаго сна, (каковъ недавно твой былъ жребїй, о Палерма!) низвергается съ лица земли, покрывается тиною и поглощается бездною голубаго сѣрнаго огня!

Но удались теперь всякое печальное представленїе! уже по небу и землѣ разлился теплый и ясный день. Какое неограниченное сїянїе объемлетъ всю вселенную! какъ тихъ воздухъ! Но непримѣтнымъ движенїемъ своимъ уноситъ съ ровнинъ тонкїя жилки поднявшейся

ня воздухъ росы. Какъ свѣтлъ и чистъ эѳиръ, и какою прозрачною лазурью окруженъ! коль неизмѣримо возвышена сїя эѳирная дуга! какъ ярко блистаетъ въ голубой высотѣ лучезарное солнце! и какъ все тихо стоитъ на позлащенной лучами его землѣ! Всѣ сокровища жатвы уже собраны, удалены отъ ярыхъ бурей и находятся въ безопасности у земледѣльца. Всѣ ограды укрѣплены, и могутъ противустоять жесточайшимъ вихрямъ предстоящей зимы. Между тѣмъ сельскїе жители въ праздничные дни веселятся, радуются отъ искренняго сердца и разгоняютъ свои заботы и печали.

Трудолюбивый юноша, не имѣя другаго учителя въ музыкѣ, кромѣ біющагого сердца, скачетъ въ веселомъ своемъ танцѣ безъискуственно и со всею благопристойностію. Молодая, гибкая, рѣзвая, отъ природы красотою одаренная крестьянская дочь, со всѣми развившимися прелестями любви, бросаетъ многозначущій взглядъ; и когда взоръ ея получаетъ одобряющую улыбку, игры становятся живѣе, и борецъ изгибается съ удвоенною силою. Старые люди тутъ же сидятъ и разсказываютъ долго и болтливо о забавахъ своей юности. Такъ весело проводятъ они часы отдохновенія сво-

его и не унываютъ отъ того, что съ завтрашнимъ утромъ начнется безпрерывный кругъ годовой работы.

О коль велико щастіе того, кто удалясь отъ мірскаго замѣшательства съ немногими избранными друзьями, наслаждается чистыми удовольствіями сельской жизни среди спокойныхъ долинъ! Какая нужда, что онъ не живетъ въ чертогахъ, гдѣ предъ гордыми преддверіями каждое утро толпятся подлые льстецы, кои обманываютъ другихъ, и отъ другихъ взаимно обманываются! — низкое и недостойное поведеніе! — Что нужды, что не тяготитъ его блистательная одежда, всѣ-

ми цвѣтами играющая, ни нѣжная волнистая, ни жесткая златотканная? Пусть не закалается для него всякая рѣдкая живность, изъ отдаленнѣйшихъ странъ и морей привозимая, а роскошной и ненасытной столъ не угрожаетъ ему раззоренїемъ и смертїю! Пусть чаша съ драгоцѣннымъ питїемъ не вливаетъ въ жилы его пламени! Пусть не проводитъ онъ ночей въ роскошной нѣгѣ, и не погубляетъ дней въ праздности среди суетной пышности! Пусть не знаетъ тѣхъ мнимыхъ радостей, которыя ласкателя всегда разсѣваютъ и обольщаютъ! Пусть не умѣетъ изъявлять на лицѣ удоволь-

ствія, когда сердце исполнено огорченія, и не знаетъ недостатка въ радости въ праздныя минуты! Но спокойствіе его тѣмъ тверже и безопаснѣе, а состояніе отъ всякаго безуспѣшія и обманчивой надежды удаленнѣе. Онъ богатъ удовольствіемъ, и богатъ дарами Натуры во многоразличныхъ растѣніяхъ и плодахъ; во всемъ, что производитъ весна, когда небо спускается на землю проливными дождями; чѣмъ обременяются древа въ теченіе краснаго лѣта и блистательной осени, и что зимою сокрыто въ глыбахъ земныхъ и исполнено обильнѣйшимъ тукомъ; во всемъ томъ недостатка онъ не

имѣетъ. Онъ изобилуетъ доилицами, въ пространной долинѣ разсѣянными и мычащими; богатъ стадами овецъ, по горамъ блѣющими; богатъ струящимися источниками и жужжащими пчелами, вливающими сладкую дремоту въ невинную его грудь, когда онъ подъ тѣнію древесъ, или на открытомъ воздухѣ близь ароматическаго кустарника успокоевается. Не недостаетъ ему ни хорошихъ видовъ, ни рощей, ни пѣвцовъ лѣсныхъ, ни прохладныхъ гротовъ, ни свѣтлыхъ озеръ, ни прозрачныхъ ручьевъ. Съ нимъ обитаетъ простая искренность, невинная откровенность, безпорочная красота, нерас-

тлѣнная и бодрая юность, никакой работы не страшащаяся, всегда веселая и малымъ довольная. Съ нимъ водворяется всегда цвѣтущее здравіе, неутомимая дѣятельность, спокойное размышленіе и поэтическая тишина.

Пусть другіе ради корысти преплываютъ моря, и чрезъ многіе скучные мѣсяцы разсѣкаютъ темныя волны! Пусть ищущій славы въ разрушеніи благоденствія омывается кровію ближнихъ и ищетъ опустошенія градовъ, не чувствуя, а паче торжествуя о стенаніи вдовицъ, о жалостномъ воплѣ дѣвъ и рыданіи ссущихъ младенцевъ! Пусть иные, отъ

нищеты, или ради гнуснаго прибытка, открываютъ новыя земли подъ другими солнцами! Пусть потерявшій чувство жалости къ погубленію и обольщенію человѣчества, обтекаетъ грады съ неутомимою ревностію и возбуждаетъ буйственную толпу къ измѣнничеству, или повергаетъ оную въ оковы! Пусть иные уловляютъ нещастныхъ въ сѣти ухищреній своихъ, возгнѣтаютъ огнь нестроенія и превращаютъ всѣ права! Пусть другіе — о жестоковыйное поколѣніе! — челомъ благовиднѣйшіе, но въ безчеловѣчіи лютымъ звѣрямъ подобные, утѣшаются черными своими коварствами, украшаютъ

вѣнками глубоко поразительныя свои стрѣлы, раздаютъ льстивую улыбку и кружатся въ мятежномъ лабиринтѣ жизни! Но сей, свободенъ будучи отъ всѣхъ вихрей страстей, безопытныхъ человѣковъ угнѣтающихъ, въ безопасной отдаленности своей внемлетъ только шуму человѣческаго треволненія и *покоится въ твердомъ* своемъ спокойствіи. Ярость народовъ и возмущеніе государствъ не колеблютъ того мужа, который, отлучась отъ міра, въ тихой отдаленности и пріятномъ уединеніи своемъ, постепенно слѣдуетъ гласу Натуры съ мѣсяца на мѣсяцъ и со дня на день чрезъ все теченіе лѣтъ сво-

ихъ. Онъ со удивленіемъ взираетъ на нее во всѣхъ видахъ, и всѣ сладкія побужденія ея чувствуетъ въ своемъ сердцѣ. Онъ пріемлетъ то, что она по своей щедрости даетъ, о большемъ же не помышляетъ. Когда ранняя весна выгоняетъ на деревьяхъ развивающіяся почки, онъ разсматриваетъ тутъ первые зародыши и всасываетъ въ освѣжающуюся грудь здоровый ихъ запахъ; временемъ же цвѣтенія и плодотворенія наслаждается изобильнѣе; никакая красота не разцвѣтаетъ, и никакой возникающій цвѣтокъ не дышетъ напрасно. Лѣтомъ въ густой тѣни, каковою окружается хладный Гемусъ,

онъ читаетъ то, что Муза безсмертнымъ тономъ воспѣла о немъ, или пишетъ, что она внушаетъ ему, и часто возводя свой взоръ на цвѣтущія окрестности, піетъ чистѣйшее удовольствіе. Когда же желтый блескъ осени позлащаетъ вселенную и вызываетъ земледѣльца въ поле съ серпомъ; тогда восхищенное всеобщимъ радованіемъ сердце его преисполняется нѣжнѣйшими чувствіями, и руководясь прохладнѣйшимъ лучемъ солнца ко глубокому размышленію, износитъ въ міръ пѣснь свою въ наилучшемъ тонѣ. Самая зима въ дикости своей преисполнена для него благословенія. Свирѣпыя бури и пе-

чальныя опустошенія, распространяясь по омертвѣвшей землѣ, возбуждаютъ въ немъ важныя размышленія. Отверстое, упонченнымъ мразомъ горящее ночное небо лїетъ въ возхищенное око его новый блескъ. Друзья и книги раздѣляютъ съ нимъ скоротечные часы, и онъ каждую минуту употребляетъ съ пользою и благоразумїемъ. Мысль его мгновенно объемлетъ земли и моря. Божественная истина открывается уму его, возвышаетъ существо его и раскрываетъ его силы, или возжигаетъ въ груди его геройскїя добродѣтели. Онъ чувствуетъ восторги родства и любви, когда скромный глазъ нѣжной супруги всѣ радости

свои находитъ въ его только взорѣ, когда нѣмотствующія чада крѣпко объемлютъ его, бросаясь на выю, и извлекаютъ изъ него нѣжную отеческую душу, стараясь наперерывъ ему нравиться. Онъ не презираетъ съ суровымъ видомъ никакой забавы, ни пріятнаго провожденія времяни, ни пѣсни или танца: благополучіе и любомудріе всегда сопровождаются дружественностію и веселіемъ. Такая жизнь неизвѣстна живущимъ въ злодѣяніяхъ и исполненныхъ пороками городахъ. Такую жизнь препровождали человѣки въ прежніе безпорочные вѣка, когда еще Ангелы и самъ Богъ съ ними сожительствовали.

О Натура, вседовольная и всевладѣтельная Натура! обогати меня познанїемъ дѣлъ твоихъ, возвыси къ небесамъ; раскрой мнѣ тамъ чудеса, мїры надъ мїрами, вращающїеся въ безконечныхъ пространствахъ, разсѣянные во многочисленности по голубой неизмѣримости; дай разумѣть ихъ движенїя, кругообращенїя и законы. Покажи невидимые пути въ разверзающихся подземныхъ ходахъ, и научи изслѣдовать слои и сѣдалища минераловъ, по томъ вышшее и паче непроницаемое царство растѣний и животныхъ, а наконецъ еще возвышеннѣйшее царство духовъ, различныя явленїя скорой мысленной силы ихъ и безконечное

измѣненіе смѣшанныхъ страстей. Позволь возхищенному оку моему всегда открывать здѣсь новыя явленія, и продолжать всегда сіе изслѣдованіе, никакимъ послѣдствіемъ временъ неизчерпаемое. Ежелижъ для сего силы мои будутъ слабы; ежели медленное теченіе крови моей въ сей несравненной славѣ мнѣ *откажетъ*: то усыпи меня, чуждаго чести оной, подъ густою тѣнію древесъ близъ тихаго ручья, и вѣщай мнѣ во сновидѣніи. Съ тебя да начинается всегда пѣснь моя, въ тебѣ продолжается и оканчивается тобою! и не попусти мнѣ никогда удалятъся отъ тебя!

З И М А.

СОДЕРЖАНІЕ.

Означеніе предмета. Приписаніе Графу Вильмингтону. Приближеніе зимы. Бури, соотвѣтственные натуральному ходу сего времени года. Дождь, вѣтръ, снѣгъ, вьюги и снѣжные бугры. Человѣкъ въ оныхъ умирающій. Размышленіе о нуждахъ и бѣдствіяхъ человѣческой жизни. Съ Альпійскихъ и Аппенинскихъ горъ приходящіе волки. Описаніе зимняго вечера, какъ его проводятъ Философы, сельскіе жители и городскіе. Морозъ. Зима подъ полярнымъ кругомъ. Оттепель. Все заключается нравственнымъ размышленіемъ о будущемъ состояніи.

ЗИМА.

Уже мрачная и печальная зима, сопровождаемая парами, облаками и бурями, грядетъ господствовать надъ измѣнившимся временемъ года. Да будутъ моею темою сїи предметы, возвышающїе душу къ торжественному размышленїю и небесному удивленїю! Грядите, сродные мнѣ мраки! благословляю васъ, о ужасы, подъ которыми я родился! При веселомъ утрѣ жизни моей, когда я воспитывался въ беззаботномъ уединенїи и пѣлъ Натуру съ непрестаннымъ удовольствїемъ, часто

въ полномъ восторгѣ обходилъ дикія ваши области; ходилъ по чистымъ дѣвственнымъ снѣгамъ въ такой же невинности, какъ они были бѣлы; слушалъ шумъ вѣтровъ и паденіе стремительныхъ потоковъ, или при пасмурномъ вечерѣ смотрѣлъ на спирающіяся въ небѣ тучи. И тако протекало время мое, пока веселая весна съ улыбкою не выглядывала изъ свѣтлыхъ чертоговъ юга.

О Вильмингтонъ, покровитель первыхъ моихъ опытовъ! тебѣ Муза моя возобновляетъ пѣснь свою. Она обтекла вращающійся годъ; бѣгло коснулась радостной весны, на крылахъ орлихъ

дерзнула возлетѣть ко зною лѣта, по томъ съ осѣняющимъ Зефиромъ носилась въ лонѣ осени, а теперь на зимнихъ, удвоенными бурями вращаемыхъ облакахъ дерзаетъ паки воспарить, надмить гласъ свой шумящими вѣтрами, и звонкую лиру настроить по паденїю водъ въ такомъ же дико-важномъ тонѣ, каковъ предметъ ея пѣсни. Трикраты щастлива бы она была, когда бы могла вѣрный слухъ твой наполнить смѣлымъ описанїемъ и важными мыслями! Ты не только великъ въ произведенїи важныхъ предпрїятїй и ощастливленїи народа; но имѣешь великую доброту, здравую праводѣтельность;

имѣешь твердую, непоколебимую и непоползновенную душу, основательный, правый и свободный разумъ, который несуетно блеститъ, но съ силою горитъ для блага твоего отечества. Сіи-то качества, превосходя одно надъ другимъ, даютъ видѣть въ патріотѣ мужа государственнаго; и онѣ, обращая на тебя всеобщую надежду и глаза всѣхъ сограждан, повелѣваютъ Музѣ пѣть то, что никакая зависть не отважится назвать ласкательствомъ.

Уже Стрѣлецъ предоставляетъ Козерогу воздушную область, и строгій Водолей омрачаетъ измѣнившееся время года. Солнце, являясь

на отдаленнѣйшемъ краю неба, сыплетъ по эѳиру краткій и печальный день. Сіяніе его слабо, и лучи, падая въ густой воздухъ горизонтально, остаются безъ дѣйствія. Оно, яко мглою одѣтое, слабо осѣняетъ южную страну, скоро заходитъ за горизонтъ, и унылую землю оставляетъ на долго въ темной ночи, поглощающей все пространство творенія. Но въ такое время года и ночь бываетъ пріятна, потому что день лишенъ всякой животворной теплоты, свѣта, жизни и радости; и лице всей Натуры покрыто густою, мглистою тѣнью, и обвито сгустившимися облаками и всею

туманною сумрачностію. Тако удручаетъ вселенную наступающая зима, яко тяжкая тьма, проливаетъ на Натуру злотворныя влїянїя и возбуждаетъ сѣмена скрытныхъ болѣзней. Тогда душа человѣческая изнемогаетъ, скучаетъ жизнїю, и отъ меланхолическихъ представленїй погружается въ горькое страданїе. Стада животныхъ унываютъ; печальныя обезображенныя овцы бѣгаютъ безъ призрѣнїя по вспаханнымъ нивамъ и гложутъ крѣпкїе корни. Въ лѣсахъ и болотахъ стонетъ печальный Генїй наступающихъ бурей и непогодъ; а отъ томящихся ручьевъ и вертеповъ по пустымъ раз-

сѣдшимся скаламъ и дикимъ горамъ раздается глухой предзнаменующїй непогоду вой, и долго отзывается во внимательномъ ухѣ фантазїи.

Тогда выходитъ отецъ непогоды, черною тьмою облеченный. Сперва мутныя омрачающїя свѣтъ воды кружатся въ тверди съ гнилыми парами; по томъ обуреваютъ верьхи горъ и потрясаютъ шумящїе лѣса. Необозримыя ровнины лежатъ подъ мрачнымъ наводненїемъ; чреватыя дождемъ облака проливаются рѣками, и будучи неизчерпаемы отъ новыхъ притеченїй, сгущаются и чернѣютъ на подобїе ночи, и омрачаютъ ясное

лице дня. Поднебесные странственники удаляются въ свое отечество, кромѣ тѣхъ, которые любятъ путешествовать въ непогоду, или держатся около прудовъ по мокрымъ мѣстамъ. Стада воловъ возвращаются съ лишенныхъ пажити луговъ, и крѣпкимъ ревомъ требуютъ корму и стойлъ, или собравшись подъ ближнюю кровлю, отрыгаютъ жванїе. Домашнїя птицы сбѣгаются туда же; пѣтухъ съ высокимъ гребнемъ предшествуетъ, а за нимъ слѣдуетъ все стадо обмокшихъ и задумчивыхъ его женъ. Между тѣмъ крестьянинъ, опершись на очагъ, разсказываетъ свои веселыя и шут-

ливыя повѣсти, болтаетъ, смѣется, и не уважаетъ тѣмъ, что на дворѣ непогода и бурный вѣтръ воютъ надъ его низкою кровлею.

Наконецъ выступившая изъ береговъ отъ припеченія лѣсной воды рѣка разрушаетъ свои преграды, разливается по пространнымъ долинамъ; съ непреоборимымъ стремленіемъ, шумомъ и ужасомъ низвергается съ крутыхъ горъ или дикой мшистой пустыни, и пробираясь сквозь камни, распространяетъ свой ревъ въ отдаленныя страны. Потомъ разливается по песчаной долинѣ и течетъ спокойно, медленно и тихо, пока

опять, спершись между холмами, съ насилїемъ откроетъ себѣ путь по такимъ мѣстамъ, гдѣ каменныя горы и лѣса препятствуютъ быстрому ея стремленїю. Тутъ, удвоивъ соединенныя свои силы, паки низвергается, шумитъ, коловращается, пѣнится, гремитъ и все опрокидываетъ.

О Натура, великая мать, коея неутомимая рука круговращаетъ всѣ измѣняющїяся времена года! коль мощны и величественны дѣла твои! Какимъ прїятнымъ ужасомъ наполняютъ они душу, со удивленїемъ созерцающую и воспѣвающую тебя! Къ вамъ, о бурные вѣтры, съ шумомъ дуть нынѣ начинающїе! къ

вамъ простираю я гласъ мой. Скажите, о мощныя существа! гдѣ ваши сокровищницы? гдѣ воздухохранительницы ваши, служащія ко увеличенію предстоящихъ ужасовъ непогоды? Въ какой отдаленной странѣ неба спите вы въ глубокомъ молчаніи, когда на землѣ царствуетъ тишина?

Когда съ блѣднаго неба спускается солнце, затмѣваемое многими блуждающими по свѣтлому кругу его облаками: тогда сіи покрывала начинаютъ около его багрѣть огненными полосами. Бѣглыя облака волнуются въ равновѣсіи, и какъ бы сомнѣваются еще, которому повелителю слѣдовать имъ

должно. Въ то же время медленно восходитъ блѣдная луна въ померкшемъ востокѣ съ свѣтлымъ кругомъ, тупые рога ея замыкающимъ. Звѣзды издаютъ отъ себя дрожащій лучь, которой теряется въ волнующемся пасмурномъ воздухѣ. Часто въ темномъ пространствѣ воздуха бросаютъ онѣ струи свои наискось, и влекутъ за собою длинное бѣловатое пламя. Увядшія и изсохшія листья достаются въ игру вихрямъ, и многія перья плаваютъ и скачутъ по водамъ. Предчувствующій непогоду волъ, поднимая къ небу широкія ноздри, втягиваетъ въ себя ненастный воздухъ; и когда

хозяйка при вечерней работѣ со внимательнымъ прилѣжанїемъ прядетъ свой ленъ, оплывающая свѣча или трескучая лучина предсказываетъ ей также непогоду. Особливо же пернатыя стада, жители воздуха, умѣютъ предвѣщать сїи перемѣны. Крикливыя галки, улетая съ полей, гдѣ онѣ чрезъ цѣлый день клевали кормъ, тѣснятся, шумятъ и ищутъ безопасной защиты въ ближнихъ рощахъ. Жалобный филинъ прилѣжно вопитъ въ кустарникѣ свою мрачную пѣсню. Выпъ, всплывая на поверхность воды, издаетъ глухой тонъ по землѣ. Громко кричитъ возлетающая цапля, и отъ дикаго

полета кружащейся гагары отдается шумъ въ волнистыхъ облакахъ. Океанъ отъ неровнаго давленія поднимается съ порывистымъ приливомъ и внезапнымъ движеніемъ; а между тѣмъ изъ пещеристыхъ бреговъ, безпрестаннымъ его волненіемъ подмытыхъ, и изъ оброспшихъ лѣсомъ горъ исходитъ торжественно гремящій гласъ, повелѣвающій міру быть въ осторожности. Вдругъ по томъ наступаетъ страшная буря, и весь возмущенный воздухъ превращаетъ въ потокъ водный. На Океанъ низпадаетъ воздушная тяжесть, и крѣпкимъ ударенıемъ извращаетъ со дна возмущенную бездну.

Гордая соленая вода среди мрачной ночи сражается съ безчисленными ярящимися волнами, а между тѣмъ водяныя горы напираются другъ на друга, съ ужаснымъ ревомъ воздымаются до облаковъ, по томъ съ страшнымъ громомъ разбиваются, сбиваютъ съ мѣста стоящій на якорѣ флотъ, и съ необузданнымъ стремленіемъ гонятъ его въ дикія степи пространнаго Океана, выбрасываютъ на верьхъ водяныхъ громадъ, или съ яростію низвергаютъ въ тайныя храмины бездны, и тогда лютый мразъ гремитъ надъ нимъ; оттуда паки воздымаясь, удвояетъ онъ бѣгъ свой отъ дыханія

грознаго неба, и устремляется къ отдаленнымъ брегамъ, естьли только быстраго его полета не пресѣчетъ какой подводный камень, или порогъ, и не сокрушитъ его на мѣлкія части.

Съ таковою же властїю господствуетъ и на землѣ яростная непогода: горы трещатъ, и крѣпкїя ихъ произрастѣнїя наклоняются до основанїя тѣхъ скалъ, на которыя они бросали тѣнь свою. Отчаянный путешественникъ, идущїй уединенно по холмамъ въ темную полночь, истощаетъ силы свои въ безполезныхъ напряженїяхъ, теряетъ духъ, и на каждомъ шагѣ спотыкается

кается. Нагбенный и искорененный лѣсъ волнуется еще и теряетъ остатки поблекшей своей красоты. Сокрушенные великанскiе члены его разсѣваются повсюду необузданною яростiю бурнаго вѣтра. Неистовый вихрь, прошедъ сквозь лѣсъ, производитъ подобныя опустошенiя и въ долинахъ, и мгновенно срываетъ съ царскихъ чертоговъ мѣдную кровлю, такъ какъ и соломою крытый шалашъ. Спящiе пробуждаются и трепещутъ; вѣтръ около палатъ воетъ дикими голосами и ищетъ себѣ входа въ нихъ. Тогда въ отягченномъ воздухѣ слышатся, какъ сказываютъ, протяжные стоны, пронзи-

тельные голоса и томные вздохи, отъ ночныхъ демоновъ издаемые, кои нещастному бѣдняку предвѣщаютъ бѣдствїе и смерть.

Сїе неистовое возмущенїе господствуетъ повсюду. Облака мѣшаются со звѣздами и увлекаются по небесному пространству, и вся Натура приходитъ въ треволненїе, *пока царь оной*, часто обитающїй въ неистовомъ мракѣ, вдругъ на крылахъ быстраго вѣтра, проявясь съ торжественною свѣтлостїю, изведетъ священную тишину. Тогда мгновенно умолкаютъ вѣтры и море и земля.

Еще царствуетъ глубокая полночь. Облака, мало

по малу собираясь, превращаются въ густый мракъ. О естьли бы я въ сїе время, когда безпечный мїръ погружается въ сонъ, могъ соединиться съ важнымъ божествомъ ночи и съ постоянною сопутницею ея, размышленїемъ; отложить тяжкїя заботы дня и отринуть всякое любопытство чувствъ!

Гдѣ ты теперь, о льстивая суетность жизни, всегда искушающая и всегда обольщающая сопутница? Куда стремишься и что преднамѣреваешь? мученїе, обманъ, раскаянїе! О печальная и горестная мысль! Но человѣкъ непримѣчательный едва успѣетъ пробудиться отъ без-

прерывнаго дреманія и разсѣять грубыя и нелѣпыя сновидѣнія, какъ уже снова начинаетъ вращаться въ гибельномъ кругѣ льстивыхъ чаяній!

Отецъ свѣта и жизни! верховное Благо! научи меня познать доброе, научи познать Тебя самаго. Сохрани меня отъ буйства, суеты, порока и всякаго низкаго желанія. Напитай душу мою благими познаніями, внутреннимъ миромъ и чистою добродѣтелію, симъ священнымъ, существеннымъ и неоскудѣваемымъ благословеніемъ!

Наступаютъ жесточайшія непогоды. Отъ мрачнаго востока или пронзи-

тельнаго сѣвера поднимаются густыя облака, темными парами исполненныя. Въ ихъ пространной окружности заключенная мгла претворяется въ снѣгъ. Тяжко движетъ она свои бѣлыя волны, и небо помрачается отъ возстающей бури. Сей бѣлѣющійся дождь при тихомъ воздухѣ падаетъ сперва легкими круженіями, потомъ кучами валятся большія клочья и омрачаютъ день продолжительнымъ своимъ паденіемъ. Многоцѣнныя нивы облекаются зимнею своею одеждою наичистѣйшей бѣлизны. Все блеститъ сею бѣлизною, кромѣ узкихъ ручьевъ, гдѣ новый снѣгъ тотчасъ превращается

въ воду. Лѣса низко нагибаютъ сѣдую главу свою, и прежде нежели солнце блеснетъ въ западѣ слабымъ вечернимъ лучемъ своимъ, все лице земли повивается глубокими хладными пеленами и превращается въ дикоблестящую пустыню, погребающую всюду дѣла человѣческія. Рабочій волъ стоитъ подъ снѣгомъ, повѣся голову, и требуетъ воздаянія за всѣ труды свои. Поднебесныя птицы, суровостію времени года усмиренныя, толпяся около гуменъ, просятъ малыхъ крупицъ, отъ Провидѣнія имъ назначенныхъ. Красношейка, домашнимъ божествамъ посвященная, предусматривая непо-

году, оставляетъ дрожащихъ своихъ подругъ на печальныхъ поляхъ и въ терновыхъ кустарникахъ, и дѣлаетъ ежегодное посѣщенiе надежному хозяину. Сперва съ робостiю вьется она вокругъ окна, по томъ скоро прелетаетъ на теплый очагъ, прыгаетъ по полу, смотритъ на все дружелюбное семейство, клюетъ, останавливается и удивляется мѣсту своего посѣщенiя. Наконецъ дѣлается совсѣмъ смирна и привычна, и тонкими своими ножками собираетъ крупицы на столѣ. Гладныя степи выгоняютъ мрачныхъ своихъ жителей. Робкiй заяцъ, не смотря на смерть, которая ему гото-

вится отъ скрытныхъ сѣтей, отъ собакъ и лютѣйшихъ человѣковъ, бѣжитъ въ сады, гонимъ будучи безбоязненнымъ гладомъ. Блѣющія животныя смотрятъ на блѣдное небо и блестящую землю съ безмолвнымъ отчаянїемъ; по томъ разсѣваются всюду въ унынїи и разкапываютъ снѣжные бугры, *ища засохшей травы.*

Теперь вамъ, пастухи, надлежитъ печься о ввѣренныхъ вамъ стадахъ. Наполняйте стойла ихъ кормомъ, не смотря на суровость годоваго времени; доставляйте безопасную защиту во время непогоды и охраняйте ихъ съ попечительностїю. Ибо въ сїе жестокое время часто

съ востока поднимается бурный вихрь и всю тяжесть зимы уноситъ съ ровнинъ, и бѣдныхъ овецъ, укрывающихся въ пещерѣ навислаго пригорка, потопляетъ снѣжными рѣками, такъ что въ долинахъ возрастаютъ изъ нихъ горы, коихъ верьхи досязаютъ до небесъ.

Ежели такіе снѣги идутъ въ продолженіе всей зимы и омрачаютъ воздухъ, то земледѣлецъ не узнаетъ собственныхъ своихъ полей и заблуждаетъ въ нихъ: тутъ видитъ онъ холмъ съ незнакомымъ печальнымъ челомъ; тамъ открываетъ другіе ужасные виды и непроходимыя ровнины; нигдѣ не видитъ ни лѣсовъ, ни рѣкъ;

все то глубоко сокрываетъ печальное опустѣнїе. Онъ идетъ далѣе съ пригорка на пригорокъ, съ долины на долину, и всегда болѣе заблуждаетъ. Воспоминая домашнихъ своихъ, съ нетерпѣливостїю преходитъ снѣжныя громады. Желанїе достигнуть къ своему дому напрягаетъ его нервы, и истощаетъ всѣ силы ихъ во многихъ тщетныхъ напряженїяхъ. Какъ томится душа его, какое черное отчаянїе, какїе ужасы обымаютъ сердце его, когда онъ вмѣсто своего дома, которой обольстительное его воображенїе представляло ему подъ видомъ нѣкоего темнаго пятна, находитъ только дикую степь

въ великой отдаленности отъ пути и щастливаго жилища человѣковъ! А между тѣмъ ночь паче и паче окружаетъ его, и всякой надъ главою его воющїй шумъ, дикую степь дѣлаетъ еще ужаснѣйшею. Тутъ представляются ему вертепы и бездонныя пропасти, обманчивыя и никогда незамерзающїя болота, ужасныя крутизны и снѣгами наполненные овраги, незнакомая страна, гдѣ можетъ быть находятся всегда текущїе родники, топкїя болота или отдѣленные пруды, на днѣ которыхъ бьютъ свѣжїя жилы. Таковыя мысли останавливаютъ дрожащїе шаги его. Уже падаетъ онъ подъ

навѣсъ снѣжной громады и представляетъ всю горесть смерти своей и лютѣйшую тоску, какою только можетъ Натура пронзить стѣсненную грудь умирающаго человѣка; тоску, не видѣть никогда своей супруги, чадъ и друзей! Тщетно разводитъ на очагѣ заботливая его хозяйка свѣтлой огонекъ и готовитъ теплую одежду! Тщетно милыя дѣти выглядываютъ изъ оконъ въ кружащуюся вьюгу, и зовутъ отца своего со слезами безпритворной невинности! Ахъ! онъ уже никогда не увидитъ ни супруги, ни чадъ, ни друзей, ни тихаго своего жилища. Убивственная зима овладѣваетъ всѣми его

нервами, отсѣкаетъ чувствительность, выжимаетъ всѣхъ жизненныхъ духовъ, распростираетъ его по снѣгу, и оцѣпенѣлое тѣло отъ дыханія сѣвернаго вѣтра дѣлается сине-блѣднымъ.

Ахъ! коль мало помышляютъ о семъ распутные горделивцы, живущіе среди утѣхъ, изобилія и могущества! Они, погубляя время свое въ роскоши и часто въ изступленной безчеловѣчной радости и піянственномъ круженіи, не мыслятъ о томъ, коль многіе ихъ собратія въ тѣ же самые часы подвергаются смерти, или многоразличнымъ страданіямъ; коль многіе погибаютъ въ поглощающихъ волнахъ и

въ пожирающемъ пламени, или проливаютъ кровь ради постыднаго несогласія человѣковъ, и истаеваютъ гладомъ во мрачныхъ темницахъ, удалены будучи отъ всеобщаго воздуха и лишенны употребленія собственныхъ своихъ членовъ! Коль многіе ѣдятъ хлѣбъ печали, или піютъ чашу болѣзней! не имѣютъ инаго прибѣжища, кромѣ бѣдной хижины, подверженной всей суровости воздуха; удручаются отъ лютѣйшихъ мучителей духа, отъ необузданныхъ страстей, буйства, долговъ и угрызеній совѣсти, и чрезъ то обыкновенно лишаются жизни, и трагической Музѣ доставляютъ богатую тему!

Коль многїе и въ самыхъ селахъ, гдѣ обитаетъ дружество, съ спокойствїемъ и глубокомыслїемъ соединенное, проводятъ дни свои въ глубокой уединенной печали, будучи удручаемы отъ страстей своихъ! Коль многїе окружаютъ смертный одръ дражайшихъ друзей своихъ и ожидаютъ рѣшительнаго удара смерти! Когдабъ сластолюбивый человѣкъ помышлялъ о всѣхъ сихъ и другихъ безчисленныхъ бѣдствїяхъ, которыя дѣлаютъ жизнь безпрестаннымъ сраженїемъ и полемъ трудностей, страданий и нещастїй: тогдабъ порокъ, содрогнувшись отъ ужасныхъ послѣдствїй, былъ обузданъ; раз-

сѣянное пылкое юношество научилось бы мыслить; чувствительное сердце горѣло бы человѣколюбїемъ; снисхожденїе паче разширяло бы свои чувствованїя; сострадательность обнаруживалась бы въ жаркихъ слезахъ и воздыханїяхъ, и всѣ общественныя добродѣтели постепенно восходили бы къ возвышеннѣйшему совершенству, и распространяли твердое щастїе.

Могу ли я здѣсь умолчать о тѣхъ благородномыслящихъ патрїотахъ (*),

(*) Коммисїя, учрежденная для изысканїя плѣнныхъ въ 1729 году, которою болѣе 97000 человѣкъ освобождено было плѣнниковъ за долги.

которые, пронзены будучи сострадан҇іемъ къ удрученному бѣдствіями человѣчеству, проникли въ самыя мрачныя темницы, гдѣ бѣдность стенала безъ сострадан҇ія и участвован҇ія всѣхъ человѣковъ, гдѣ свирѣпствовали болѣзни, гладъ и жажда, и гдѣ нещастіе чувствовало казни порока? Когда въ той странѣ свободы, гдѣ всѣ улицы и открытыя мѣста преисполняются изобиліемъ и славою, неистовствовали изверги человѣчества, вырывали сухой кусокъ хлѣба изъ гладнаго рта, и съ удрученныхъ зимнимъ хладомъ чреслъ срывали обветшавшее рубище, лишая ихъ самаго послѣд-

няго утѣшенія, ночнаго успокоенія; когда они заключали въ узы и темницы свободно рожденнаго Британца, или по звѣрской кровожадности подвергали его безчестнымъ казнямъ, и даже скрытными и жестокими средствами истребляли такія души, которыя готовы бы были пролить кровь свою за отечество: тогда вы, о драгіе сыны отечества! рѣшились на такое великое предпріятіе, которое токмо помощію неусыпнаго раченія и мудростію руководимаго ревенія могло быть въ дѣйствіе произведено съ щастливѣйшимъ успѣхомъ. О коль преславенъ былъ тотъ день, въ который всѣ сѣти и все

то, что соткали мрачные и коварные умы для затмѣнія истины и ослабленія правосудія, было уничтожено, и когда каждый гражданинъ могъ паки утѣшиться возвращеніемъ своего права!

Гонимые зимнимъ гладомъ волки, сіи лютые какъ смерть, алчные какъ гробъ, изможденные, сухіе, разъяренные и кровожаждущіе звѣри, устремляются теперь на стада овецъ со всѣхъ длинныхъ ужасныхъ хребтовъ блистательныхъ горъ Алпійскихъ и волнистыхъ Аппенинскихъ и Пиринейскихъ, простирающихъ свои вѣтви въ отдаленныя страны. Они появляются толпами и похищаютъ все, какъ

сѣверный вѣтръ здуваетъ съ земли блестящїй снѣгъ. Все достается имъ въ добычу. Они нападаютъ на коня, давятъ его и исторгаютъ изъ него крѣпкое сердце. Волъ не можетъ защитить твердаго своего чела отъ сихъ убивственныхъ дикарей. Съ яростїю бросаются они на шею матери, отторгаютъ отъ груди ея кричащаго младенца и пожираютъ. Богоподобный взоръ человѣка не пользуетъ ему здѣсь ни мало. Самая красота, сїя Божеская сила, коея ослѣпительный взглядъ укрощаетъ и останавливаетъ великодушнаго льва, истекаетъ кровїю, какъ нещастная жертва, безъ всякаго различїя пожираемая.

Когда же поселяне, узнавъ о ихъ звѣрскихъ нападеніяхъ, принимаютъ осторожность противъ нихъ : тогда сіи опустошители обращаются на кладбища, влекомы будучи запахомъ, и, о ужасная вещь! выкапываютъ изъ могилъ похороненныя тѣла, и тутъ надъ ними воютъ среди сонмища злыхъ тѣней и страшныхъ духовъ!

Въ гористыхъ странахъ, гдѣ среди пріятныхъ долинъ обитаетъ щастливая простота, часто съ навѣсистыхъ скалъ неожиданно свергаются снѣжныя горы, и катятся съ великимъ неописаннымъ ужасомъ и громомъ съ одного холма на другой. Тогда все царство зимы и мраза

приходитъ въ страшное волнованіе. Стада воловъ и овецъ, путешественники, земледѣльцы, а иногда цѣлыя бригады идущихъ войскъ, или въ глубокой ночи спящія селенія погребаются подъ сими развалинами.

Среди жестокостей времени года, въ самомъ сердцѣ зимы, когда необузданные вѣтры разносятъ всюду ледъ и мразъ, я избираю убѣжищемъ моимъ стоящее между лѣсомъ и омываемымъ безпредѣльными волнами брегомъ мѣсто, сельское уединенное, огражденное жилище, гдѣ огонь на очагѣ и горящій свѣтильникъ разгоняютъ зимнюю мрачность. Тамъ возсяду я поучатися и буду

бесѣдовать съ великими мудрецами древности, которые будучи почтенны и благодѣтельны, какъ боги, ощастливили человѣковъ науками и оружїемъ, и послужили къ просвѣщенїю ихъ нравовъ. При семъ возхитительномъ созерцанїи встаю съ мѣста, оставляю книгу древности, и погружаясь во глубокомыслїе, благословляю священныя тѣни, проходящїя мимо удивленныхъ очей моихъ. Вопервыхъ вижу *Сократа*, которой, будучи постоянно добръ въ тогдашнемъ развратномъ вѣкѣ, непреодолимо противился ярости тиранновъ. Послѣдуя святому закону тихой мудрости, сему гласу Божества,

во внимательномъ духѣ глаголющему, и будучи чуждъ всякаго страха, въ разсужденіи жизни или смерти, онъ былъ великій учитель и мудрѣйшій изъ человѣковъ. За нимъ слѣдуетъ *Солонъ*, которой общественное благо поставилъ на твердомъ основаніи справедливости, и которой кроткими законами умѣлъ обуздать неукротимый народъ, не угашая однако врожденнаго ему огня, чрезъ что онъ прославился паче другихъ на полѣ лавровъ, изящныхъ художествъ и благородной свободы, и учинился славою Греціи и рода человѣческаго. *По томъ Ликургъ*, строгій мудрецъ, которой крѣпостію строжай-

шаго ученія обуздалъ всѣ человѣческія страсти. За нимъ слѣдуетъ неустрашимый вождь *Леонидъ*, предавшій себя на служеніе отечеству, Леонидъ, преславно падшій подъ Термопилами, и на самомъ дѣлѣ исполнившій то строгое правило, которому первые учили. Тутъ воздымаетъ чело свое *Аристидъ*, которой толь искрененъ и чистъ сердцемъ, что гласъ свободы, никогда не льстящій, далъ ему благороднѣйшее титло, *справедливый*. Онъ, будучи почтенъ въ величественной своей нищетѣ, благо своего отечества предпочелъ собственной своей славѣ, и увеличилъ честь надменнаго соперника

(Темистокла). Воспитанникъ его тихій *Цимонъ* является съ кротчайшимъ лучемъ. Быстрый и сильный духъ его отринулъ еще въ дѣтствѣ всякую роскошь и нѣгу. Внѣ отечества онъ бичь гордости Персовъ, а внутри онаго другъ всякаго достоинства и знанія. Онъ скроменъ и простъ среди всей пышности богатства. Я вижу далѣе послѣднихъ героевъ упадающей Греціи, которые поздо уже были призваны къ славѣ, и вижу ихъ, во глубокомысліе погруженныхъ. Здѣсь является *Тимолеонъ*, слава Коринѳа, человѣкъ щасливаго, кроткаго и твердаго характера, оплакивавшій своего брата, кото-

раго онъ, яко тиранна, низложить былъ долженъ. Два Ѳивянина, *Пелопидъ* и *Эпаминондъ*, коихъ добродѣтели, геройскимъ согласїемъ соединенныя, доставили отечеству ихъ свободу, власть и славу. Великїй *Фокїонъ*, съ которымъ погребена была честь Аѳинянъ, праводѣтельный, въ публичномъ служенїи строгїй и непоколебимый въ добродѣтели *Фокїонъ*. Когда подъ смиренною, но знаменитою кровлею его осклаблялся сладкїй миръ и щастливая мудрость: тогда самое дружество не было кротчае его, ни самая любовь милѣе. *Агисъ*, послѣднїй сынъ древняго Ликурга, благородномысленная жертва без-

успѣшнаго предпріятія о спасеніи развратнаго государства, который самую Спарту видѣлъ низпадшую въ рабское корыстолюбіе. Наконецъ двое Ахайскихъ героевъ заключаютъ явленіе. *Аратъ*, которой еще на краткое время поддержалъ издыхающую свободу Греціи, и любимецъ ея, храбрый *Филолеменъ*, который не *могши* изгнать изъ земли своей роскошь и пышность, наклонилъ оныя къ оружію, и который то трудился въ своей маетности, какъ простой поселянинъ, то гремѣлъ на Марсовомъ полѣ, какъ храбрый и искусный полководецъ.

Еще грядетъ сильный народъ съ грознымъ челомъ;

грядетъ геройскій родъ добродѣтельныхъ временъ, въ коемъ не было инаго порока, кромѣ того, что они дражайшее отечество свое любили до излишества патріотическою любовію: вопервыхъ изящный основатель онаго, свѣтъ Рима, *Нума*, которой живущимъ разбоемъ гражданамъ его далъ кроткіе нравы; Царь *Сервій*, положившій твердое основаніе, на которомъ распространилась по землѣ сильная республика. По томъ великіе достопочтенные Консулы: отецъ отечества *Юній Брутъ*, погубившій въ себѣ чувства отца къ роднымъ дѣтямъ своимъ предъ страшнымъ судилищемъ; *Камиллъ*, котораго

неблагодарное отечество его не могло погубить, и которой только противъ враговъ онаго способенъ былъ производить мщенїе; *Фабрицїй*, презиратель обольстительнаго злата, и *Цинциннатъ*, ужасный въ то мгновенїе, когда оставилъ плугъ свой. *Регулъ*, произвольная жертва твоя, Карѳагены! которой по непремѣнному велѣнїю и строгому гласу чести изторгся изъ объятїй рыдающихъ гражданъ, и оставилъ все то, что ни могла Натура противъ того возразить. *Сцилїонъ*, кроткїй, человѣколюбивый и храбрый начальникъ, быстро и безпорочно прешедшїй всѣ различныя степени славы; кото-

рой, будучи отъ самой юности огненъ, съ дружествомъ и любомудріемъ удалился въ поэтическія тѣни. *Туллій*, коего сильное витійство удержало на нѣсколько времени строгую судьбу упадающаго Рима. Непобѣдимый *Катонъ*, безконечно добродѣтельный, и ты нещастный, но впрочемъ добросердечный *Брутъ*, коего твердая рука, строгою добродѣтелію подвигнутая, обнажила Римскій мечь противъ своего друга. Еще тысячи подобныхъ героевъ требуютъ дани моихъ пѣсней; но кто можетъ небесныя звѣзды изчислить? кто можетъ воспѣть вліяніе ихъ на сей нижній міръ?

Кто идетъ тамо въ скромномъ убранствѣ, прекрасенъ, тихъ и величественъ, какъ весеннее солнце? Ежели не самъ Аполлонъ, то конечно пастухъ Мантуанскій. Се является быстропарящій *Гомеръ*, отецъ пѣснопѣній; его сопровождаетъ и съ нимъ равняется Британская Муза; и они схватясь руками, востекаютъ по узкой стезѣ ко храму славы. Не остаются въ забвеніи и тѣ, кои мастерскими чертами описывали страсти, и возхищенную Грецію привлекали ко нравоучительнымъ своимъ зрѣлищамъ. Симъ предстоятъ и сыны гармоніи, возбуждавшіе сладкогласную очаровательную лиру.

О первенцы человѣковъ! о божеское сообщество! Такъ всегда посѣщайте мои ночи, вамъ посвященныя, и воспаряющую душу мою настроивайте къ таковымъ же мыслямъ, какія васъ оживляютъ. О тишина, уединенное божество! тебѣ да будетъ всегда отверста ко мнѣ дверь, и въ священный сей часъ никто да не дерзаетъ приближаться къ намъ, кромѣ не многихъ избранныхъ друзей, которые иногда удостоиваютъ посѣщать мою смиренную обитель; друзей, одаренныхъ просвѣщеннымъ разумомъ, твердою ученостію, отличною вѣрностію, безхитростнымъ остроуміемъ и всегдашнею весело-

стїю! Тутъ, можетъ быть, Поппъ сойдетъ съ Парнасса для умноженїя моего восторга, для услажденїя моего уединенїя и для согрѣянїя сердца своею дружественностїю: Гомеръ не сладостнѣе его поетъ, но жизнь Поппа есть прелестнѣйшая пѣснь.

Гдѣ ты, о Гаммондъ, слава, другъ и любитель пѣвцовъ! Ахъ, дражайшїй юноша! почто такъ рано и неожиданно похищенъ ты отъ нашихъ чаянїй къ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ ума, когда раскрывалось въ немъ всякое достоинство и всякая зрѣлая добродѣтель? Къ чему теперь служитъ оное благородное рвенїе къ славѣ, коимъ горѣло твое сердце,

оное рано пріобрѣтенное сокровище познаній, оное непреоборимое стремленіе служить отечеству, отличившее тебя отъ всѣхъ юныхъ патріотовъ, на защищеніе его посвященныхъ? Ахъ! гдѣ нынѣ та оживляющая прелесть пылкаго остроумія, восторги о Музахъ, дружества исполненное сердце, душа радостію растворенная, отъ которой всѣ твои добродѣтели кротчайшимъ свѣтомъ блистали? Увы! они для того только были намъ въ тебѣ показаны, чтобы обуздать наши жаркія стремленія, и представить чаяніямъ нашимъ суету жизни сея.

Такъ желалъ бы я гдѣ нибудь въ глубокомъ уединеніи проводить зимніе мрачные дни, среди любезныхъ друзей, иногда веселыхъ, а иногда важныхъ по содержанію матеріи, насъ занимающей. Съ ними хотѣлъ бы я изслѣдовать: изъ темнаго ли хаоса вызвано все неизмѣримое міроздание, или въ вѣчности произошло отъ Превѣчнаго Духа? Какая жизнь его, законы, продолженіе и цѣль? — Тогда нашимъ взаимно искреннимъ душамъ открылись бы обширные виды сего прекраснаго цѣлаго, и каждая частная гармонія сливалась бы съ нимъ во всемъ совершенствѣ предъ изумленнымъ взоромъ. Тогда

изслѣдовали бы мы нравственный міръ, могущимъ перстомъ Премудрости движимый, согласуемый и правимый въ возвышеннѣйшемъ порядкѣ, хотя онъ и кажется разстроеннымъ, пока изо всего не произойдетъ всеобщее благо. Потомъ мудрая историческая Муза повела бы насъ по глубинамъ времени, и показала, какъ царства возрастали, возвышались, унижались и раздѣлялись на малыя области. Мы бы открыли основаніе благоденствія народовъ, какъ одни умножаютъ земныя произведенія чудесами земледѣлія, и трудолюбіемъ своимъ премѣняютъ вліянія неба, а другіе напротивъ

разслабѣваютъ въ самомъ изобильнѣйшемъ лонѣ Натуры подъ блистательнѣйшими климатами. Бесѣдуя такимъ образомъ, сердца наши горѣли бы въ насъ; мы бы дышали оною стихїею Божества, онымъ лучемъ чистѣйшаго неба, который воспламеняетъ искреннюю душу патрїота и героя. А когда бы мы по слабому и смиренному жребїю должны были остановить сїи жаркїя восторженїя души воспламененной: тогда, превосходя самое честолюбїе, поучалися бы частнымъ добродѣтелямъ, и разсматривали бы, какъ должно проводить тихую сельскую жизнь среди тѣней и долинъ, или восхитившись

чаянїемъ будущаго и водимы будучи имъ по темнымъ стезямъ его, преносились бы важнымъ взоромъ нашимъ въ оныя явленїя блаженства и чудесъ, гдѣ духъ нашъ, возрастая безконечно и возвышаясь безпрестанно, преходитъ изъ состоянїя въ состоянїе и изъ мїра въ мїръ. Послѣ таковыхъ важныхъ размышленїй, мы бы для отдохновенїя утѣшались видами рѣзваго воображенїя, и представляли безпрерывно восхитительныя картины бѣглыхъ и еще несоединенныхъ идей, по которымъ живая острота раждаетъ скорые отвѣты, а описывающая глупости важность ловкими тѣлодвиже-

нїями возбуждаетъ смѣхъ, всѣ нервы потрясающїй.

Между тѣмъ поселяне раскладываютъ свои огни. Тутъ одни разсказываютъ басни о волшебницахъ, а другїе то слушаютъ и вѣрятъ, пока на всѣхъ нападетъ суевѣрный страхъ. Или собравшись на звонкомъ полу, играютъ въ хороводы. Тамъ господствуетъ *между ими* крестьянская веселость. Слышатся простыя шутки, которыя скоро размягчаютъ веселое сердце пастуха; громкїй смѣхъ, исполненный чистосердечїя и откровенности; поцѣлуй, неожиданно украденный у подлѣ-сидящей дѣвушки, съ намѣре-

нїемъ неосторожной или притворно дремлющей; рукоплесканья, прыганья и пляски, согласныя съ нотами безъискуственной музыки; и въ такихъ забавахъ проходятъ у нихъ зимнїя ночи.

Города наполнены многолюдствомъ. Въ публичныхъ собранїяхъ, гдѣ говорятъ о безчисленныхъ предметахъ, раздается шумъ отъ различныхъ невнятныхъ разговоровъ. Тамъ чада роскоши плывутъ по открытой рѣкѣ ложной очаровательной радости къ скорой своей погибели. Страсть къ игрѣ овладѣваетъ всею уже зараженною душею, и въ одинъ мигъ поглощаются бездною всеконечной гибели честь,

добродѣтель, миръ, радость, друзья, фамилія и щастіе. Танцовщики скачутъ рядами по освѣщенному залу, свиваясь и развиваясь неизчетными перемѣнами. Блистательный Дворъ является во всей пышности. Собраніе увеличивается. Тихое озареніе разливается по чертогамъ отъ блеска богатыхъ одеждъ, свѣтильниковъ, блистательныхъ камней и огненныхъ очей красавицъ; а между тѣмъ петиметръ, легкомысленное насѣкомое, которое тутъ находитъ свое лѣто, разширяетъ и величается разпудренными своими крыльями.

Ужасно выступаетъ теперь на сцену тѣнь Гамле-

това; Отелло обнаруживаетъ свою ярость. Нещастная Монима разливается въ слезахъ, а Бельвидерина душа таетъ отъ любви (*). Страхъ обьемлетъ сердца, и чистосердечныя слезы катятся по ланитамъ. Или комическая Муза представляетъ мiру собственный его образъ и тонко возбуждаетъ безпристрастный смѣхъ. Иногда же настроиваетъ она вышшiй тонъ и описываетъ дѣйствiя благороднѣйшей жизни. То, что всегда служитъ украшенiемъ человѣчеству,

(*) Гамлетъ, наилучшая Трагедiя Шекспирова; Отелло также Англинская Трагедiя, а Монима и Бельвидера сочинены Г. Орваемъ.

или можетъ очаровать сердце, представляется въ характерѣ великодушнаго Бевиля (*).

О ты, въ коемъ основательная и тонкая мудрость, патріотическія добродѣтели и совершенное искусство растрогивать невидимыя пружины, человѣками правящія, соединены со всѣми дарованіями Грацій и одушевляющимъ огнемъ Аполлона, и котораго онѣ съ вожделѣннѣйшимъ достоинствомъ опредѣляютъ быть покровомъ, украшеніемъ и радостію просвѣщенному вѣку,

(*) Бевилъ, персонажъ скрытныхъ любовниковъ въ Комедіи Штееля.

Кестерфильдъ! позволь сельской Музѣ украсить пѣснь свою тобою, и прежде нежели она уклонится подъ тѣни, позволь ревностному ея любочестїю, по праву Музъ на участвованїе въ твоихъ качествахъ, описать многоразличную полноту твоего духа; описать тотъ образъ мыслей, которой съ Британскимъ презрѣнїемъ отвергаетъ льстивыя предложенїя превратныхъ вельможей; ту отличную политику, которая, по собственному признанїю надменной Галлїи, превосходитъ славныя дѣянїя блистательнаго Двора ея; оную тонкость, живость и силу разсудка и натуральную правильность, которыя

Аттическою солью и благоумѣренною остротою проницаютъ душу и исправляютъ безъ боли. Или позволь мнѣ превознесть тебя въ оный преславный день, когда ты въ молчащемъ собранїи витийствуешь съ сильнѣйшимъ жаромъ, и чада Британїи тѣснятся туда слушать предлагаемыя тобою въ ихъ пользу доказательства; когда истина облекается тобою въ кроткую и прїятную одежду тихаго краснорѣчїя, и ты одобряющему разсудку представляешь въ яснѣйшемъ видѣ собственныя его мысли; когда ты по многоразличному лабиринту витийства проливаешь рѣчь свою то быстро, то плавно, то

напряженно, но всегда глубокомысленно и ясно; извлеченныя изъ сердца страсти повинуются гласу твоему, и самая противная сторона чувствуетъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время очаровательную его силу.

Теперь обратись, щастливая Муза моя, къ возлюбленному твоему жилищу. Въ нынѣшнее зимнее время при самомъ хладѣ бываютъ дни прiятны; по свѣтлой лазури носится невидимая очамъ эѳирная селитра, изгоняетъ вредныя испаренiя, и истощенный воздухъ снабдѣваетъ снова элементарною жизнiю. Свѣтлая атмосфера сгущается и жметъ въ хладныхъ своихъ объятiяхъ

укрѣпленныя тѣла наши; питаетъ и живитъ нашу кровь, и утончаетъ жизненныхъ духовъ, дабы мысли по освѣженнымъ нервамъ скорѣе востекали къ сѣдалищу души, гдѣ она обитаетъ въ себѣ самой, будучи недремлюща, свѣтла и жива, какъ ясный зимнїй полдень. Вся Натура чувствуетъ обновляющую *силу зимы: безвнимательное* только око мнитъ видѣть ее въ разрушенїи. Сжатая мразомъ земля влечетъ въ себя изобильно растительную душу, и тако собираетъ силу для будущаго года. На щекахъ румянаго огня играетъ живѣйшее пламя, а чистыя рѣки текутъ прозрачнѣйши-

ми струями. Темныя их глубины пред взором пастуха просвѣтляются, и при сильнѣйшем мразѣ умѣряют свое журчанїе.

Мраз! что ты такое? откуда происходит пронзительное свойство твое и сокровенная мощь, которой ни самая тончайшая влага избѣгнуть не может? Не состоит ли сїя мощная сила твоя в неизчетных невидимых пылинках солей, разливаемых по эѳиру, водѣ и землѣ в формѣ зазубрин *или* двойнаго острїя? И от сего в вечернее время вѣет хладный вѣтр, которой, испаряясь с силою от багроваго горизонта, приносит непобѣдимую

ярость зимы, часто извращается, покрываетъ озера голубою отонкою, и струящійся родникъ останавливаетъ среди самаго его стремленія. Около травнистыхъ береговъ намерзаетъ толстый ледъ или накопляется подлѣ многоугольныхъ каменьевъ, и отъ дуновенія неба претворяется въ твердый кристальный помостъ, коимъ покрывается вся рѣка отъ брега до брега. Смерзшаяся земля звучитъ и издаетъ двойной тонъ, когда сельскій лающій песъ на вечерней своей стражѣ устрашаетъ ночнаго вора; когда реветъ молодая телица, или отзывистая ровнина потрясается вдали отъ скорыхъ

шаговъ путешественника. Сводъ небесный открывается во всемъ своемъ пространствѣ, и представляетъ взору неизчетные міры, живымъ и яркимъ свѣтомъ блистающіе. Лучезарными звѣздами усѣянная твердь горитъ сіяніемъ отъ полюса до полюса. Въ семъ неизмѣримомъ пространствѣ безпрестанно низходитъ суровое вліяніе, и удручая Натуру чрезъ всю тихую ночь, овладѣваетъ ею неограниченно. Морозъ продолжается до самой зари, пока позднее утро простретъ блѣдное свое око на изнемогшую Натуру. Тогда обнаруживается многоразличная работа молчащей ночи. Подъ кровельными стоками

и около тихихъ каскадовъ, по мѣлкому дну текущихъ, блестятъ ледяные зубцы и другія различныя прекрасныя фигуры, въ коихъ играютъ цвѣты неизчетными оттѣнками. Замерзшій ручей, около пригорка текущій, кажется желтою полосою, въ которой свѣтится восходящая заря; лѣсъ нагибается подъ волнистыми своими перьями, а бѣлѣющій снѣгъ, отъ хлада утонченный и ожестѣвшій, звѣнитъ подъ ногою пастуха, которой заботливо спѣшитъ навѣстить своихъ изнемогшихъ овецъ, или проворно спускается съ вершины горы и рѣзвится на скользкой его поверхности.

Когда такимъ образомъ всѣ работы человѣческія останавливаются; дѣти поселянъ, ища простыхъ забавъ, выбѣгаютъ на ледъ и тамъ различно играютъ и рѣзвятся. Къ нимъ выходитъ щастливѣйшій между всѣми товарищами отрокъ, гонитъ свой кубарь, и отъ радости возхищается. Батавской народъ изъ каждой провинціи стекается толпами на длинные каналы Реина. Тутъ бѣгаютъ они по звонкому помосту во многоразличныхъ равновѣсныхъ круженіяхъ, и отъ безмѣрной радости себя забываютъ. И сѣверныя страны распростираютъ по снѣгамъ новую пышность. Крѣпкіе и бод-

рые юноши скачутъ въ легкихъ санкахъ съ отважною ревностїю по длинному ристалищу. А дабы къ вящшему поострить ихъ мужеству и отважности, то окружаютъ ихъ Скандинавскїя дамы и милыя дщери Россїи, съ высокими цвѣтущими прелестями и пылкимъ отъ мраза румянцемъ.

Зимнїй день чистъ, свѣжъ и для здравїя полезенъ; но скоро проходитъ. Солнце стоитъ на югѣ въ самой низкой полуденной точкѣ, изъ которой оно осїяваетъ твердую скалу безъ всякаго дѣйствїя. Гора всегда отбрасываетъ темноголубой свой цвѣтъ, и не чувствуетъ слабаго его прикосновенїя. Воз-

духъ на краткое время смягчается въ долинѣ отъ отраженныхъ лучей. Зернистый снѣгъ сыплется съ деревьевъ, блеститъ ярко на подобіе перловъ, и разрѣшается отъ волнующагося сіянія лучей. По окрестностямъ селъ слышенъ громъ ружей и лай ярыхъ псовъ, которые, будучи лютѣе самой зимы, скачутъ по выстрѣлу, опустошаютъ поля, и къ усугубленію жестокости времени года погубляютъ четвероногихъ или пернатыхъ животныхъ.

Но что наша зима, ежели мы обратимъ изумленный взоръ нашъ на тотъ хладный поясъ, гдѣ ночь, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ

продолжающаяся, утверждаетъ звѣздное свое господство въ пространныхъ блестящихъ степяхъ? Тамъ нещастный пришлецъ блуждаетъ по безпредѣльнымъ пустынямъ, изъ коихъ рука самой Натуры воспрещаетъ ему изыти. Ничто не встрѣчается съ печальнымъ окомъ его, кромѣ потерявшихся въ снѣгахъ степей, дремучихъ лѣсовъ и широкихъ рѣкъ, которыя влекутъ мерзлые валы свои по дикому пространству до самаго Ледянаго моря. Тамъ молчащіе жители градовъ, далеко другъ отъ друга отстоящихъ, никогда не получаютъ свѣденій о родѣ человѣческомъ, развѣ когда идетъ караванъ къ

злато ымъ предѣламъ богатаго Китая. Однако и тамъ жизнь процвѣтаетъ; и тамъ водворяются шерстистые роды подъ кровомъ блистательныхъ степей: прекрасные, агатомъ покрытые, горностаи, столь же чисть е, какъ снѣга, по которымъ они бѣгаютъ; соболи свѣтлой, темной, смѣшанной разнополосной и другихъ многихъ шерстей, служащихъ Дворамъ драгоцѣнною пышностїю. Тамъ спятъ на нововыпадшемъ снѣгѣ стада еленей, сжавшись въ одну кучу для согрѣянїя, и длиннорогая лось дремлетъ среди глубокаго снѣга, не могши поднять чела своего изъ подснѣжныхъ вѣнковъ, на рога

ся налипшихъ. Безжалостному егерю не надобно ни собаки, ни сѣти; онъ не гонитъ сихъ робкихъ тварей ужаснымъ лукомъ; а поражаетъ ихъ жезломъ, когда онѣ въ слабости и съ трепещущимъ сердцемъ прижимаются къ снѣжнымъ громадамъ; тутъ жалостно вопятъ онѣ и трясутся на обагренномъ кровїю снѣгѣ; и стрѣлокъ съ громкимъ радостнымъ крикомъ уноситъ ихъ оттуда въ свой шалашъ. Дикїй житель сихъ тѣней, безобразный медвѣдь, шатаясь по сосновымъ тамошнимъ лѣсамъ, заблуждаетъ, и повсюду утопая среди ледяныхъ зыбей, оцѣпенѣваетъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣнивыхъ

шаговъ, разсвирѣпѣвъ по сходству ярой непогоды, дѣлаетъ себѣ логовище подъ лютою вьюгою, и съ оцѣпенѣлымъ терпѣнiемъ и безъ всякой жалости къ себѣ самому, ожесточаетъ свое сердце противъ пожирающаго его глада.

За пространными полями сѣвера, гдѣ звѣздный Всадникъ влечетъ тихую свою колесницу, обитаетъ мятежный многочисленный народъ, обуреваемый хладнымъ бореемъ; народъ, незнающiй никакихъ утѣхъ и никакимъ страданiямъ неподверженный. Онъ нѣкогда воздувалъ искру погрязшаго въ рабство страстей рода человѣческаго; мужественно и съ неустрашимою отваж-

ностію изгналъ блуждающихъ Скиѳовъ, преслѣдовалъ ихъ до устрашеннаго юга, и далъ новый видъ побѣжденному міру. *Но* сыны Лапландіи не таковы: они разумно презираютъ жестокое бранное искусство; ничего больше не желаютъ, кромѣ что можетъ имъ давать простая Натура; любятъ свои горы, и пользуются непогодами своими. Ложныя желанія и нужды, порожденныя гордостію, не возмущаютъ спокойнаго теченія жизни ихъ, и не заставляютъ неистовствовать въ мятежномъ и всегда мучительномъ лабиринтѣ роскоши или честолюбія. Все богатство ихъ состоитъ въ ихъ

Рено. Сïе кроткое животное доставляетъ имъ палатки ихъ, платье, постели, домашнюю посуду и все изобилïе, здоровую пищу и прïятное питïе. Оно послушно даетъ себя впрягать въ сани и скачетъ съ ними проворно по холмамъ и долинамъ, простирающимся длинною снѣжною полосою, и покрытымъ голубою корою свѣтлаго льда. Они сопровождаются скачущими *метеорами*, непрестанно разливающими струистое пламя по лучезарному небу; и также яркимъ блескомъ луны и звѣздъ, которыя при удвоенномъ свѣтѣ играютъ живѣе въ молнïеносномъ сводѣ. Они въ самой глубинѣ полярной ночи находятъ

чудесный день, по крайней мѣрѣ достаточный къ освѣщенію ихъ звѣриной ловли, или къ направленію отважнаго пуття къ Финнскимъ красавицамъ. Весна возвращается со всѣми пріятностями; и хотя темная заря утренняя приближается медленно, и солнце сначала является *только* на горизонтѣ; но по томъ воздымаетъ растущее полукружіе свое выше и выше такъ, что наконецъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ бываетъ видимо, и совершаетъ теченіе свое кругообразно, не заходя за горизонтъ, а лишь только коснувшись оному пламенѣющимъ своимъ шаромъ, возвращается назадъ и снова

востекаетъ на небо. Изъ рѣкъ и озеръ, гдѣ возвышаются волшебныя Нїемисскїя горы (*) и гдѣ обсаженная розами Тенглїо (**) влечетъ

(*) Г. Мопертуй въ книгѣ своей о фигурѣ земли, описывая прекрасное озеро и гору Нїеми въ Лапландїи, говоритъ: „Съ сей „высоты нѣсколько разъ имѣли „мы случай смотрѣть на вос„ходящїе изъ моря пары, кои „тамошнїе уроженцы называ„ютъ *Гельтїонами*, и почита„ютъ духами хранителями „горъ. Намъ разсказывали ужа„сныя повѣсти о живущихъ тамъ „медвѣдяхъ, но мы ни одного „не видали. Кажется, что то „мѣсто служитъ любимымъ „обиталищемъ феямъ и ду„хамъ, нежели медвѣдямъ.„

(**) Тотъ же Авторъ замѣчаетъ: „На берегахъ сея рѣки я удивлял„ся розамъ, которыя имѣли та„кой живой цвѣтъ, какой только

струи свои, въ сїе веселое время года достаютъ они множество рыбъ. Обременясь сею добычею, радостно возвращаются вечеромъ въ свои палатки, гдѣ ихъ милыя супруги, занимающїяся чрезъ цѣлый день полезными упражненїями, разводятъ для нихъ огонь. Треблаженный народъ, убожествомъ своимъ обезопасенный отъ угнѣтенїй и насилїй хищниковъ! жестокое корыстолюбїе никогда не сѣяло тамъ сѣмянъ порока; никогда сїя невинная страна не знала обидъ, и цвѣтущїя дщери ея не подвергались страда-

„ въ садахъ нашихъ быть мо-
„ жетъ. „

нїю увянуть отъ дуновенїя вѣроломной любви.

Муза моя далѣе простираетъ свой уединенный полетъ чрезъ Торнейское озеро до Геклы, среди снѣжныхъ степей пламенѣющей, до отдаленнѣйшей Гренландїи и до самаго полюса, гдѣ жизнь постепенно уменьшается и наконецъ совершенно умираетъ. Тамъ остановясь надъ дикими и ужасными явленїями, видитъ она новыя моря подъ другимъ сводомъ небеснымъ. Здѣсь зима, возсѣдя на тронѣ въ голубо-ледяныхъ чертогахъ, окружается печальнымъ дворомъ своимъ, и въ воздушной области ея безпрерывно слышенъ громъ

возстающей непогоды. Здѣсь ярый тиранъ помышляетъ о дѣйствїяхъ своего гнѣва, вооружаетъ вѣтры убивственнымъ мразомъ, образуетъ губительный градъ, высыпаетъ весь запасъ снѣговъ, и подавляетъ ими половину шара земнаго.

Отселѣ Муза моя уклоняется къ предѣламъ Тартарїи и течетъ по ревущимъ брегамъ восточныхъ морей, гдѣ громады снѣговъ, отъ начала мїра нетающихъ, ужаснымъ образомъ воздымаются до небесъ, и гдѣ ледяныя горы на горахъ представляются издали дрожащему мореходцу атмосферою бѣлыхъ и безобразныхъ облаковъ. Огромныя и ужас-

ныя Альпы на Альпахъ, вися надъ водами, якобы другъ другу грозятъ, или низвергаясь съ страшнымъ громомъ, какъ бы возвѣщающимъ возвращенїе древняго хаоса, расторгаютъ бездну и потрясаютъ основанїя полюса. Самый Океанъ не можетъ долго противиться сжимающей силѣ хлада, но неограниченнымъ мразомъ среди всего своего неистовства связуется, приковывается ко дну на нѣсколько саженъ глубины, и тѣмъ возпрещается яростное его волнованїе. Тогда вся область его дѣлается ледяною, покрытою толь многими громадами волнъ, печальною и лишенною всякаго животнаго

творенія, которое при началѣ сего ужаснаго времени по натуральному побужденію удаляется на югъ. О коль жалостны тѣ, кои здѣсь погрязши среди ледяныхъ горъ, должны въ послѣдній разъ увидѣть заходящее солнце, когда предлинная ночь, ночь смерти, отъ лютаго мраза десятикратно страшнѣйшая, виситъ надъ главою ихъ и низходитъ со всѣми ужасами! Таковъ былъ жребій онаго Британца (*) — на что не отваживались сыны Британніи? — которой съ первымъ кораблемъ искалъ

(*) Шевалье Гугъ Виллюгби, посланный Королевою Елисаветою для открытія сего прохода.

сѣверо-восточнаго прохода, тщетно дотолѣ многократно искомаго и какъ бы отъ руки самой Натуры ревнивой заключеннаго вѣчными преградами. Въ сихъ лютыхъ странахъ слабый корабль его, бывъ сжатъ спершимся льдомъ, мгновенно примерзъ къ окаменѣлой глубинѣ водъ; начальникъ и вся дружина его, каждый среди отправленія назначенной ему должности, матрозъ на канатѣ, кормчій на кормѣ, превращены были мразомъ въ безчувственныя статуи.

Близъ бреговъ, гдѣ дикая Обь съ трудомъ вращаетъ свои мерзлыя волны, живутъ бѣднѣйшіе человѣки.

Натура ихъ, будучи едва оживляема отдаленнымъ солнцемъ, воспитывающимъ и усовершенствующимъ человѣка и растѣнія, имѣетъ весьма грубый видъ. Они, удалясь отъ пронзительнаго хлада въ подземныя норы, прогоняютъ здѣсь скучную темноту тусклымъ огнемъ близъ чаднаго очага, и окутавшись овчинами, цѣпенѣютъ въ старой и буйной своей грубости Они не знаютъ ни состраданія, ни нѣжности, ни веселаго бесѣдованія, и никакихъ животныхъ не видятъ, кромѣ сродныхъ имъ медвѣдей, около ихъ рыкающихъ. Наконецъ послѣ долгой ночи утренняя заря, всѣхъ розъ лишенная, вы-

водитъ продолжительные сумерьки, кои осѣняютъ поля ихъ и вызываютъ дикарей съ лукомъ на ловлю.

Колико можетъ споспѣшествовать дѣятельное правленïе къ образованïю человѣка! Народъ, по онымъ дикимъ брегамъ далеко разсѣянный, съ неизчетныхъ временъ грубый, и составлявшïй неизмѣримое, но пренебреженное царство, вызванъ былъ изъ Готоскаго мрака единою великою душею, отъ самаго Неба вдохновенною. Безсмертный ПЕТРЪ, первый изъ Монарховъ, сïе учинилъ. Онъ укротилъ мятежную сïю страну, обуздалъ моря и рѣки, превозмогъ горы и пропасти,

и самыхъ непокоривыхъ сыновъ ея усмирилъ. Онъ, научая жестоковыйнаго варвара повиновенїю, возбудилъ въ немъ возвышеннѣйшее чувство человѣка. О вы, духи древнихъ iероевъ, подвизавшїеся чрезъ толико вѣковъ произвесть въ дѣло обработанный планъ благоустроеннаго государства! зрите здѣсь толикїя чудеса, въ краткое время учиненныя! Воззрите на Государя безсравненнаго: онъ оставляетъ свой наслѣдственный престолъ, гдѣ дотолѣ царствовала только тѣнь бездѣйственной власти, отвергаетъ пышную праздность дворовъ, объѣзжаетъ всѣ земли; въ каждомъ портѣ, отложа ски-

петръ, славною и неутомимою рукою учреждаетъ механическія орудія и собираетъ сѣмена коммерціи, полезныхъ художествъ, гражданской мудрости и воинской опытности. Тамъ, обременясь всѣми сокровищами Европы, возвращается въ отечество свое. Уже среди недавно просвѣщенной пустыни созидаются грады, и въ дикихъ степяхъ улыбается благоустроенное государство. Отдаленныя воды вливаются въ близкія. Море Черное слышитъ въ изумленіи шумъ Балтійскаго; тамъ, гдѣ никогда еще волны не пѣнились отъ смѣлыхъ судовъ, плаваютъ нынѣ сильные корабли.

Войска со всѣхъ странъ вытягиваются блистательными линiями; съ иной для усмиренiя неистоваго сѣвернаго Александра, съ другой для приведенiя въ ужасъ и трепетъ сыновъ строгой Порты Оттоманской; лѣность, невѣжество и порокъ, древними своими нечестiями гордившiяся, оставляютъ сiю землю; повсюду процвѣтаютъ художества, повсюду дѣйствуетъ оружiе и распространяется свободная торговля, заимствованныя и сообщенныя отъ руки царственной, благоустрояющей все цѣлое: ибо что мудрый умъ его начертавалъ и что могущество его производило, тому онъ всегда великимъ

своимъ примѣромъ сильнѣе научалъ.

Уже вечерніе вѣтры дуютъ съ юга тише и умѣреннѣе. Отъ силы ихъ ледъ разрѣшается и таетъ. На горахъ появляются проталины; всюду льются смѣшанные съ снѣгомъ ручьи и наводняютъ окрестности; рѣки поднимаются и не терпятъ оковъ; съ высокихъ холмовъ и скалъ чрезъ лѣса стремятся широкими темноцвѣтными катарактами обильныя снѣжныя воды; и гдѣ разливаются, тамъ вся пространная звонкая долина превращается въ грязную степь. Темныя моря, безплодный полюсъ обтекающія, не долго будутъ ле-

жать подъ оковами мощнаго сѣвера; они вооружаются противъ мерзлыхъ своихъ валовъ, и непреоборимымъ образомъ свергаютъ ихъ съ себя. Безпрерывный ревъ продолжительно раздается въ разсѣдшейся безднѣ. Вдругъ все низвращается, и тысячи ледяныхъ горъ взвиваются до облаковъ. Горе тогда трепещущимъ чадамъ нещастія, плывущимъ на баркѣ, поставленной на якорь среди плавающихъ льдинъ подъ защитою уединеннаго острова! Тутъ ночь покрываетъ море и стократно увеличиваетъ ужасы. Можетъ ли человѣческая сила выдержать толико бѣдствій, со всѣхъ странъ вооружающихся

противъ нее? снѣдающій гладъ, совершенное изнуреніе силъ, шумъ волнъ и вѣтровъ, трескъ льда, иногда отрывистый, а иногда по всему Океану раздающійся съ страшнымъ громомъ и продолжительнымъ воемъ. Для вящшаго же возмущенія глубины водной, Левіаѳамъ со всею грузною своею дружиною ради забавы колеблетъ пѣнящіяся соляныя воды, а между тѣмъ сквозь мрачность ночи наносится вѣтромъ съ отдаленнаго дикаго брега ужасный ревъ изможденныхъ гладомъ чудовищъ, ожидающихъ тамъ кораблекрушеній. Но недремлющее око Провидѣнія призираетъ на слабое

усилїе смертныхъ, всю надежду потерявшихъ, и благополучно проводитъ ихъ сквозь весь ужасный лабиринтъ судьбы ихъ.

Строгая зима распростираетъ послѣднїе свои мраки и господствуетъ съ ужасомъ надъ побѣжденнымъ временемъ года. Коль мертво растительное царство! коль безмолвенъ всякїй гласъ! коль далеко разпростираетъ ужасъ опустошительное свое господствїе! Остановись, разсѣянный человѣкъ! зри здѣсь изображенїе твоей жизни: коль въ немногихъ годахъ проходитъ цвѣтущая весна твоя! какъ послѣ жаркой силы лѣта твоя благораствоненная осень измѣняется въ

старость, и блѣдная зима оканчиваетъ и заключаетъ всю сцену! Гдѣ тогда будутъ сновидѣнія великости и неосновательныя чаянія благополучія? гдѣ исканія многознаменитыхъ титлъ, безчисленныя заботы и многоразличныя упражненія? гдѣ дни и ночи, въ торжественныхъ пиршествахъ проведенныя, и оныя бѣглыя мысли, кои жизнь твою между добромъ и зломъ разсѣеваютъ? Все то минетъ и изчезнетъ; единая только добродѣтель пребываетъ вѣчно; добродѣтель, безсмертная, всегда вѣрная другиня человѣка и руководительница его къ горнему блаженству — И се уже предстоитъ оное пре-

славное утро, второе рожденіе неба и земли! Воскресающая Натура внемлетъ животворящему Слову и оживляется въ совершеннѣйшемъ существѣ, освободясь навсегда отъ мученія и смерти. Великій, вѣчный, всеобъемлющій и въ совершенное цѣлое соединяющій чертежъ начинаетъ уже открываться утонченному взору разума по мѣрѣ расширенія круга зрѣнія. — Устыдитесь, падите во прахъ, о вы горделивые и слѣпые мудрецы! покланяйтесь Могуществу и Премудрости, коимъ вы толь часто противорѣчить дерзали! познайте здѣсь причину, для чего скромное достоинство живетъ въ тайнѣ

и умираетъ, не бывъ никому сведомо; для чего добродетельному человеку назначены въ жизни жребiемъ частыя скорби и огорченiя душевныя; для чего уединенная вдова съ сиротами своими изнемогаетъ въ нищете и печали въ то самое время, когда роскошный въ чертогахъ своихъ изнуряется изобретенiемъ мнимыхъ надобностей; для чего небесная истина и вожделенная умеренность получаютъ кровавыя раны отъ бича суеверiя, и для чего злоупотребленiе законовъ, сей безчеловечный хищникъ и домашнiй врагъ, возмущаетъ все наше спокойствiе и благоденствiе. О вы добродетель-

ные нещастливцы, вы не многïе благородномыслящïе, съ твердостïю бѣдствïя жизни преносящïе! потерпите еще краткое время. Нѣкогда вамъ не будетъ казаться худомъ то, что нынѣ ограниченному взору, только малую часть видѣть могущему, таковымъ представляется. Зимнïя бури скоро прейдутъ, и повсюду воцарится навѣки неограниченная весна.

ГИМНЪ.

Итакъ сей кругъ временъ во
всѣхъ своихъ премѣнахъ,
Есть, Боже! мощь Твоя въ явле-
нїяхъ различныхъ.
Вращающїйся годъ исполненъ весь
Тобой. —
Въ прїятные часы цвѣтущїя
весны
Твоя нѣжнѣйшая любовь повсюду
льется.
Все славу и красу ея живописуетъ!
Вездѣ красуются пространныя
поля.
Чистѣйшїй воздухъ есть цѣлеб-
ный всѣмъ бальзамъ,
Въ вершинѣ горъ звучатъ прїят-
ны отголоски;
Смѣются и лѣса и рощицы тѣ-
нисты;
Всѣ чувства, всѣ сердца, все ра-
дость и любовь —
Когдажъ приходятъ дни, испол-
ненны жаровъ,

Тогда, Господь, Твое величество и слава
Блистають пламенемъ и свѣтомъ лучезарнымъ.
Здѣсь совершенствуетъ Твой лучь растущій годъ.
Тогда Твой свѣтлый гласъ вѣщаетъ часто намъ
Во ужасѣ громовъ и молніяхъ палящихъ,
Въ свѣтаніи зари, въ глубокій жаркій полдень,
И вечеромъ, когда межъ горъ журчатъ ручьи,
Иль межъ кустарниковъ течетъ дрожащій свистъ.
Въ вѣнчанной осени обильными плодами
Твоя, благій Отецъ, щедрота безпредѣльна!
Здѣсь общій пиръ она готовитъ существамъ,
Имущимъ отъ Тебя дыханіе и жизнь. —
Коль страшенъ Ты зимой!....
Обвившись облаками,

И движа сонмы тучь на тучи
разъяренны
Въ священной тмѣ паря на вѣт-
ренныхъ крылахъ,
Гласишь, да предъ Тобой благо-
говѣетъ міръ,
И бурнымъ ревеніемъ шумящаго
борея,
Ты усмиряеши трепещущу
Натуру.
О коль таинственныхъ исполнь
гаданій кругъ!
Какое дивное искуство скрыто
здѣсь!
Какая зрится въ немъ божествен-
ная сила,
Что можетъ чувствовать святое
токмо сердце!
Какое чудное смѣшенье простоты
Съ неподражаемымъ искуствомъ,
красоты
Со благотворною и неизчетной
пользой;
Смѣшеніе тѣней, которыхъ утон-
ченья

Въ тѣняхъ преслѣдовать не может смертныхъ взоръ!
Все сплетшись въ цѣлое, въ гармоническій кругъ,
По степенямъ течетъ и равно возхищаетъ.
Но часто человѣкъ, подобясь безсловеснымъ,
И время все губя въ мечтаніяхъ пустыхъ,
Не примѣчаетъ сей вседѣтельной руки,
Вращающей свѣтилъ небесныхъ сферы вѣчны;
Руки, что дѣйствуетъ въ неизслѣдимой безднѣ
И шлетъ въ парахъ оттоль обиліе даровъ,
Преисполняющихъ весенни красоты;
Руки, что огненъ день изъ солнца долу мещетъ,
Палящій зной лучей въ полудни умѣряетъ,
Всѣмъ дышущимъ покровъ и пищу подаетъ,

Бросаетъ громъ и огнь, колебля
весь эѳиръ,
И обращая годъ въ толь радост-
ныхъ премѣнахъ,
Начала жизненны чудесно восхи-
щаетъ.
Внемли Натура! — все, имѣю-
щее жизнь,
Подъ твердїю небесъ, слїясь въ
единый духъ,
Да покланяется Зиждителю все-
ленной!
Да взыдетъ отъ земли въ небес-
ныя селенья
Отъ всѣхъ устенъ, отъ всѣхъ
сердецъ, хвалебна пѣснь;
Пѣснь благодарности, исполнен-
ной огня! —
О вы нѣжнѣйшїе Зефиры много-
гласны!
Дышите, вѣйте вы Тому, Кто
дуновеньемъ
Вливаетъ жизни въ васъ и свѣ-
жести бальзамъ;
Вѣщайте вы о Немъ въ пусты-
няхъ средь степей,

Гдѣ сосна, тяготясь надъ вислою
скалою,
Священнымъ ужасомъ всю тѣнь
преисполняетъ.
О вихри водные, которыхъ ди-
кїй ревъ
Чрезъ степи въ далекѣ пронзаетъ
смертныхъ слухъ,
И изумленную Натуру потря-
саетъ!
Взносите къ небесамъ гремящи
ваши тоны,
И возвѣщайте всѣмъ, кто ва-
шему даетъ
Стремленью бурному свободный,
быстрый бѣгъ.
Ручьи и ручайки! хвалу Его жур-
чите,
Да въ сердце человѣкъ свое сїе
вмѣщаетъ,
Когда въ священныя онъ мысли
погружась,
Со удивленїемъ разсматриваетъ
васъ.
Гремите пѣснь Ему, о бури водъ
шумящихъ,

Все низвращающихъ, глубокихъ, быстротечныхъ!
И рѣки тихїя, которы средь долинъ,
Струитеся дугой, какъ водный лабиринтъ;
И ты, о Океанъ! величествїя полный,
Сокрытый мїръ чудесъ! хвалебну пѣснь гремите
Тому, чей сильный гласъ, крѣпчайшїй гласовъ водъ,
Или ревѣть или умолкнуть вамъ велитъ. —
Плоды, цвѣты и злакъ! взносите въ растворенныхъ
Бальзамомъ облакахъ вашъ ѳимїамъ сладчайшїй
Превыше звѣздъ къ Тому, чье солнце васъ живитъ,
Чье дуновенье въ васъ льетъ сладкїй ароматъ,
Чья кисть различны въ васъ красы живописуетъ.
Падите всѣ лѣса предъ Нимъ; волнуйся жатва,

Внушай безмолвную свою ты пѣснь
Во сердце каждому спокойному жнецу,
Когда онъ въ домъ идетъ при кроткомъ лунномъ свѣтѣ.
А вы, что въ небесахъ средь мрака ночи бдите,
Когда въ безпечности покоится земля,
Созвѣздія! съ небесъ пролейте ей струи,
Исполненныя благъ; межь тѣмъ, какъ хоры Ангелъ,
Торжественно гремятъ на сребро-струнныхъ лирахъ
Въ превыспреннихъ мірахъ. — Но ты, источникъ дня,
Изображеніе великаго Творца,
Въ сей нижней сферѣ! ты всегда отъ міра къ міру
Льешь жизни Океанъ въ непознанномъ пространствѣ;
Пиши хвалу Его въ Натурѣ каждымъ симъ

Лучемъ твоимъ! — Се громъ гремитъ! да умолчитъ
Трепещущій днесь міръ, доколь межь облаками
Торжественный сей гимнъ стократно повторится.
Возвысьте громкій гласъ, вы холмы и луга;
Ты мшистая скала, удерживай сей звонъ;
А ты, земля, тверди далеки отголоски.
Се нынѣ царствуетъ великій дивный Пастырь,
И царствіе Его въ грядущихъ къ намъ вѣкахъ
Славнѣйше возгремитъ, освободясь отъ тмы.
Возстаньте вы, лѣса! изъ рощей да возникнетъ
Неограниченно хвалебно пѣснопѣнье!
Когда же по трудахъ наступитъ нощный часъ
И погрузитъ весь міръ въ бальзамическій сонъ,

Ты, нѣжный соловей, пѣвецъ межъ
птицъ сладчайшій!
Внимающи тебѣ да очаруешь
тѣни,
И ночи да внушишь хвалу Его
стократъ.
Но паче вы, предъ кѣмъ тво-
ренье все поетъ,
Всему глава, языкъ и сердце,
человѣки!
Сей гимнъ торжественный пре-
славно увѣнчайте.
А вы, *живущіе* въ пространныхъ
городахъ,
Соедините вашъ съ органомъ низ-
кимъ гласъ,
Что отзывается стократно въ
отголоскахъ
И часто въ празднествахъ, въ
торжественномъ молчаньѣ,
Тонъ чистый издаетъ сквозь
низкій толстый басъ.
Но естьли вашъ восторгъ, съ
органами сліясь,
Сугубо возгоритъ; тогда едино-
душно

Взнесите къ небесамъ гремяще
пѣснопѣнье.
Когда же сельску тѣнь захочете
избрать
И тамъ обрящете святилище
себѣ
Во сѣннолиственныхъ кустарни-
кахъ прохладныхъ;
Тогда пастушская свирѣль, пѣснь
юной дѣвы;
Небесный Серафимъ и звонъ гре-
мящихъ лиръ
Въ рукахъ преславнѣйшихъ пiи-
товъ, да поютъ
Великаго Творца *временъ четы-
рехъ года*
Въ теченье ихъ! — Но коль я сей
предметъ избранный
Забуду воспѣвать, когда на де-
ревахъ
Красуются цвѣты, иль солнце
степи жжетъ,
Иль осень ясная прохладой освѣ-
жаетъ,

Или когда зима встаетъ въ востокѣ чермомъ;
Коль то забуду: пусть языкъ мой будетъ нѣмъ,
Способности лишась идеи выражать,
И сердце чувствовать всѣ радости престанетъ!
Хотябъ когда судьбой назначенъ былъ мнѣ жребiй
Итти на самой край Зеленыя Земли,
Въ тѣ дальнiя страны, гдѣ варвары живутъ,
И рѣки гдѣ текутъ, пѣвцамъ гремящимъ чужды;
Гдѣ солнца первый лучь златитъ Индѣйски горы,
Иль гдѣ послѣднiй жжетъ Атлантски острова,
Мнѣ все одно; вездѣ присутствуетъ нашъ Богъ.
Въ пустынѣ дикой и во градѣ многолюдномъ,

Вездѣ равно Онъ зримъ, повсюду
ощущаемъ.
Владычествуетъ гдѣ Господь
животворя;
Тамъ радость царствуетъ, тамъ
льется всюду жизнь.
Коль наконецъ мой часъ торже-
ственный пріидетъ,
И воскрылитъ мое таинственно
пареньѣ
Въ небесные міры: съ востор-
гомъ покорюсь,
И буду, обновясь, пѣть новы
чудеса.
Не можетъ быть, чтобъ я пре-
шелъ въ такое мѣсто,
Гдѣбъ нѣжно общая Любовь не
улыбалась,
Держащая бразды вращающихся
сферъ,
Вседѣйствующая, творящая
добро.
Но я теряюсь въ ней, во свѣтѣ
семъ теряюсь;

Во свѣтѣ, вышшемъ всѣхъ словесъ разумныхъ тварей.
Придижь молчанїе, обильно въ выраженьяхъ,
Приди и погрузись въ хваленїе Его.

Конецъ.

МК III - 2468
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
4704-77
кп-25189

4 75

АКАДЕМКНИГА
№ 20 —
ЦЕНА РУБ.